

В.И. ФРЕЙДЗОН

СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ХОРВАТИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Международный фонд югославянских исследований
и сотрудничества "Славянская летопись"

В.И. ФРЕЙДЗОН

**СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ХОРВАТИИ XIX – НАЧАЛА XX в.**

От консервативно-реформистских идей
к программе крестьянской демократии
1832 – 1914 гг.

Москва 1993

Ответственный редактор

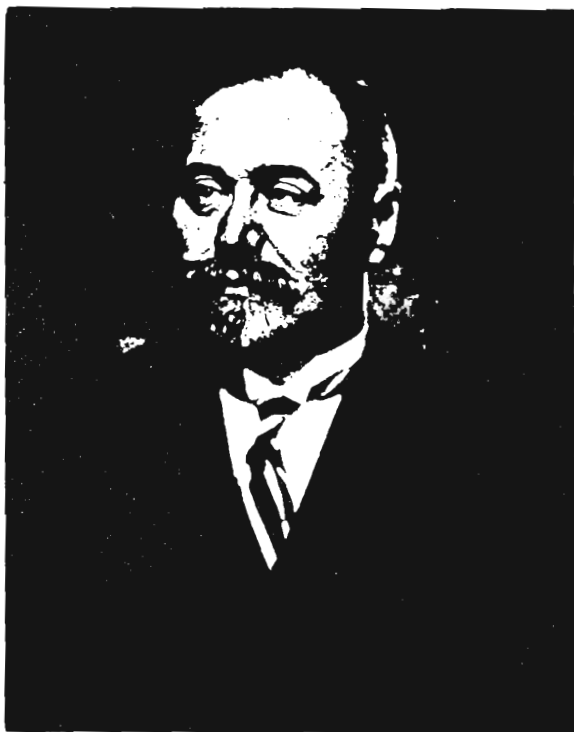
кандидат исторических наук

С.А. Романенко

ISBN 5-900698-11-4

Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1994г.

Stjepan Radić

ВВЕДЕНИЕ

Проблема судеб крестьянства в эпоху формирования буржуазного общества — одна из кардинальных в новой истории. Крестьянство тогда переживало трудный двойственный процесс освобождения от феодализма (и позднее — от долго сохранявшихся пережитков) и одновременно подчинения развивающемуся международному рынку, буржуазным связям и отношениям. Приспособиться к последним по объективным общественным законам — в условиях социального расслоения — могло лишь меньшинство крестьян (как и традиционных мелких производителей в городах). Но как велико было это меньшинство, насколько менее болезненным был его переход к товарному хозяйству, насколько более плавным было превращение большинства населения деревни в различные слои современного общества, — все это во многом зависело от активности самого общества, соотношения сил разных классов и слоев (это соотношение определялось, в частности, темпами индустриального развития региона), наконец, от самостоятельности самого крестьянства (связанной не в последнюю очередь с развитием просвещения в крестьянской среде). Тяжелая и близкая к тушковой ситуация, в которую "история" загоняла трудовую массу деревни, была чревата социальными катастрофами, известными в XX в. Если крестьянское движение можно было направить не только против отмирающего феодализма, но и против рыночного хозяйства, то это оборачивалось трагедией для самого крестьянства. Облегчение же дальнейшей социальной эволюции открывало народу выход на магист-

страсть общечеловеческой цивилизации. Место и роль общественной мысли в этих полных драматизма коллизиях велики.

Анализ сложных социальных процессов предреформенного и пореформенного периодов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе сохраняет актуальность в полной мере — будь то в небольшой Хорватии или необозримой европейской России. В Центральной Европе речь идет о длительной эпохе перехода от феодализма к капитализму, когда рыночные отношения преодолевали наследие прошлого, но вместе с тем переплетались с ним.

С судьбами крестьянства в XIX — начале XX в. связано множество проблем современности. То, что говорится в работе о Хорватии, во многом относится и к другим странам Центральной Европы и соседних регионов. Поэтому изучаемая тема менее всего является локальной по значению. В частности, в работе ставится проблема так называемого прусского пути развития капитализма в земледелии в целом ряде стран, рассматривается феномен появления в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы крестьянских партий (над этой темой работает И.В. Михутина, к статьям которой обращался автор).

Хорватия входила в состав Венгерского королевства ("земель короны св. Иштвана") с XII в. (на принципах автономного подчинения). Венгрия оказалась под властью Габсбургов с XVI в. В социально-экономическом отношении она отставала от "наследственных земель" Габсбургов (немецко-словенские, а с XVII в. и чешские земли). Среди владений Габсбургов Венгерское королевство занимало особое положение даже в эпоху австрийского абсолютизма. За исключением кратких периодов здесь (в том числе в Хорватии) сохранялось сильное сословное, феодально-дворянское, представительство (государственное и комитатские собрания), австрийский монарх должен был короноваться венгерской короной и давать обязательство охранять конституционные права королевства. С конца XVIII в. автономные права королевства Хорватии — ее сабора (сословного собрания) и бана (правителя) — были невелики и распространялись на администрацию, суд, церковные и школьные дела¹.

В течение веков хорватские земли находились в состоянии политической раздробленности — исторические области Хорватия,

Славония, Далмация, Истрия, Риека, Меджимурье, Военная граница и др.

Данная работа посвящена Хорватии и Славонии (северной части современной Хорватской республики), а также Хорвато-славонской Военной границе, воссоединенной с ними только в 1881 г. Военная граница – милитаризованная зона на южном рубеже австрийской монархии – была сформирована на части хорватских и венгерских земель в основном в XVII–XVIII вв. В отличие от нее хорватские территории, находившиеся под гражданским управлением, назывались Провинциалом*.

В конце XIX в. примерно четверть населения Хорватии и Славонии составляли единоязычные с хорватами – католиками православные сербы.

В отдельных хорватских землях социальные отношения в эпоху феодализма различались². По типу социального развития Хорватия (как мы для краткости будем называть Хорватию и Славонию) относилась к восточной части Центральной Европы (регион *Ostmitteleuropa*). В эпоху позднего феодализма здесь преобладающая масса сельского населения была закрепощена, города развивались очень медленно, внутренний рынок оставался незначительным.

После революции 1848 г. и реформ 60-х годов, завершившихся созданием Австро-Венгрии, Хорватия по венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. вновь составила автономную часть Венгерского королевства. Но ее экономическое развитие определялось интересами правившей в Венгрии земельной аристократии, все теснее сближавшейся с крупным банковским и промышленным капиталом. Ввиду резкого расхождения этих интересов (поддержанных большей частью крупных землевладельцев Хорватии) с хорватскими национальными интересами в стране с 1883 до 1914 г. с перерывами существовал авторитарный режим, который после 1903 г.

---

*Основной комплекс исторических хорватских территорий назывался "Королевства Хорватия, Славония и Далмация" или Триединое королевство ("Троєдница"). Но Далмация находилась в составе Австрии (с 1815 г.), т.е. подчинялась непосредственно Вене.

был вынужден перейти к тактике маневрирования и неустойчивых компромиссов с местной буржуазией.

Судьбы хорватского крестьянства в XIX — начале XX в. определялись острым кризисом феодального строя после наполеоновских войн, способом устранения феодальных отношений в 1848 г. и в пореволюционные десятилетия, особенностями становления буржуазного порядка. В истории постановки вопроса о социальных отношениях в деревне, о гражданских, социальных и политических правах крестьянства — основной массы народа (эти проблемы ставились как самим крестьянством, так и представителями других слоев общества), вообще представлений о месте крестьянства в составе формирующейся нации, — более или менее четко можно увидеть несколько периодов: 1) предреволюционный; 2) революция 1848–1849 гг.; 3) переходный от крепостничества к преобладанию капитализма в аграрных отношениях — вторая половина XIX в. — примерно до середины 90-х годов (этот последний, в свою очередь, распадается на два этапа: до утверждения основ конституционного строя в Австро-Венгрии в 1867 г. и конституционный); 4) наконец, период оживления развития капитализма в Хорватии (примерно двадцатилетие перед первой мировой войной; но и здесь можно выделить этап после народного движения 1903 г. и возникновения крестьянской партии в 1904–1905 гг.). Подход к решению крестьянских проблем и — в связи с воззрениями на общие судьбы народа — изменение взглядов на крестьянство вообще являлись составной частью медленного преобразования хорватского общества на буржуазно-демократических началах.

В условиях развития буржуазного общества и национального движения отношение общественных слоев к крестьянству было разным и часто увязывалось с задачами национально-политической борьбы. Так продолжалось до тех пор, пока на политическую арену не вышло само крестьянство, в начале 1900-х годов выдвинувшее своих идеологов (лишь тогда появился взгляд на крестьянина непосредственно из его среды).

Для понимания основной темы в работе приводятся в сжатой форме сведения о социально-экономическом развитии хорватской

деревни в XIX — начале XX в. и в минимально необходимой мере говорится о национальном движении и политических событиях.

В качестве основных источников привлечены стенограммы хорватского сабора, периодическая печать, публицистика, опубликованная корреспонденция деятелей хорватского общественного движения, сборники документов, программные заявления и фрагментарно — русские и хорватские архивные материалы. В ряде монографических и обзорных трудов имеется общая характеристика социально-экономического развития Хорватии, некоторые из них посвящены истории крестьянства, в общеисторических трудах также затронуты проблемы экономики и эволюции социальной структуры деревни в XIX — начале XX в.³ Автор имел возможность опереться также на собственные исследования.

Особое место в истории "крестьянского вопроса" занимает хорватская крестьянская партия. В отличие от истории социально-экономических отношений, которым посвящено относительно немного трудов (впрочем, учитывая, что речь идет о небольшой стране, надо подчеркнуть, что успехи современной хорватской науки в этой области значительны и получили международное признание), идеология основателей крестьянской партии братьев А. и С. Радичей рассматривается во множестве сочинений, появившихся в основном в период между первой и второй мировыми войнами. Однако в абсолютно преобладающей части эти работы 20–30-х годов являются публицистическими выступлениями и принадлежат либо сотрудникам и продолжателям дела основателей партии (причем, как обычно, людям, нередко внесившим что-то свое в идеи партии), либо их политическим противникам. Эти статьи и книги представляют научный интерес (как источник) в основном для истории общественно-политической борьбы, национального движения в межвоенной Югославии и только. Среди солидных работ научного характера в межвоенный период отметим книгу Л. Вукович-Тодорович и статью Я. Шидака (крупнейшего хорватского историка послевоенных десятилетий). Книга М. Марьяновича содержала популярный обзор взглядов и деятельности С. Радича⁴. В современной Хорватии разные аспекты деятельности С. Радича успешно исследует Бранка Бобан, на статьи которой имеются ссылки в данной работе⁵.

По-видимому, вследствие новейших крупных социальных и национально-политических событий в Хорватии интерес общественности и историков к крестьянской партии возрастет.

Глава 1

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

(конец XVIII в. – 1847 г.)

Консервативно-реформистское течение и формирование либерализма

В XVIII в. – первой половине XIX в. Хорватия и Славония¹, как и все Венгерское королевство, являлись регионом классического феодального землевладения. При этом в собственно Хорватии значительную площадь занимали государственные (казенные, камеральные) и церковные земли (их владельцами были епископы, капитулы, монастыри, зажиточные священники), а также средние и мелкие помещичьи имения (много небогатых или просто не имевших земли дворян было вынуждено служить), тогда как в Славонии абсолютно преобладали магнатские латифундии². В 1785 г. в собственно Хорватии насчитывалось 18 тыс. дворян, в Славонии – 700 человек, при общей численности населения этих земель 578 тыс. человек³. До половины дворян Хорватии составляли однодворцы, не имевшие зависимых крестьян и сами обрабатывавшие землю. В сущности это были свободные крестьяне, но, как и все дворянство, они не платили налогов. Однодворцы составляли особую общину (округ) Турополье, во главе которой по традиции находился представитель графской фамилии Иосиповичей, и два других небольших округа.

Согласно переписи 1840 г. гражданская Хорватия (так называемая Провинциал) насчитывала 847,6 тыс. человек, Хорватско-славонская Военная граница – 758,1 тыс. человек. В обеих частях основного комплекса хорватских земель (гражданской и военной) было более 1 млн хорватов, более полумиллиона сербов и только 25 тыс. представителей других национальностей, главным образом немцев и венгров⁴

Дворянство называло массу крестьян *misera contribuens plebs* (жалкая, несущая повинности чернь). Юридические основы крепостнического порядка были зафиксированы в венгерском кодексе XVIv. (Трипартитум)⁵. Повинности зависимых крестьян (кметов) были досконально перечислены в одном из документов Загребской жупании (области) в 1848 г. в связи с их отменой во время революции⁶. Это ежегодная подомная денежная подать (1 форинт), барщина (тлака, работа) и девятина помещику. В Славонии большее развитие получила денежная рента. Кроме того, крестьяне отдавали десятину церкви (епископу, но собирали ее помещики на правах аренды) и содержали сельское духовенство (так называемое лукно)⁷. Наконец, они были обязаны нести жупанийские повинности – строить и ремонтировать дороги и казенные здания, перевозить военное имущество, солдат и чиновников. Эти трудовые повинности были фиксированы, но на практике жупанийское чиновничество не считалось с законом.

Во второй половине XVIII в. и особенно после наполеоновских войн в Венгрии и Хорватии отмечен рост помещичьей экспортной торговли скотом, зерном, лесом (древесиной), вином и пр. Изменялся быт дворянства, все более потреблявшего импортные изделия, предметы роскоши. Это побуждало помещиков наступать на традиционные права крепостных крестьян и присваивать пахотные участки, общинные луга и пастбища⁸, ограничивать крестьянские сервитуты (в особенности право пользования лесом), увеличивать барщину (случалось, барщина теснила натуральные и денежные повинности). Кое-где под давлением помещиков производилось отделение дворянских угодий от крестьянских. Данный процесс все более приобретал черты первоначального накопления.

Ввиду вспыхивавших в связи с этим волнений крестьян, австрийская монархия была вынуждена регулировать отношения феодальных владельцев с их подданными. Государство было заинтересовано в том, чтобы не доводить крестьян до полного разорения. Соответствующие урбариальные патенты (указы) были изданы императором Карлом и его наследницей Марией Терезией для собственно Венгрии в 1757 г., для Славонии в 1737 и 1756 гг., для собственно Хорватии в 1780 г.⁹ Указы проводили различие между доменом феодала (аллодом) и рустикальными (урбариальными) участками, находившимися в неотчуждаемом пользовании крестьян.

Размер повинностей был установлен пропорционально площади земельного надела. В собственно Хорватии крестьянин, пользовавшийся "нормальным" наделом (сессия, селище), должен был отработать на барщине со своим скотом и инвентарем (обычно это была соха) 52 дня в году или 104 дня без скота (ручная барщина), т.е. в среднем два дня в неделю. Но обычно эти дни приходились на страдную пору, что отрицательно сказывалось на собственном хозяйстве крепостного. В Славонии, относительно менее населенной, барщина с одной сессии составляла соответственно 24 и 48 дней¹⁰. При этом помещик мог потребовать вместо части рабочих дней определенную сумму денег. Распространение денежной ренты в Славонии стало возможно в условиях постепенной товаризации хозяйства, в особенности роста крестьянской торговли скотом. Кроме того, урбариальный крестьянин в зависимости от размера участка был обязан доставлять в имение дрова и исполнять другие, менее значительные повинности. Далее, урбарии разрешали помещикам заставлять крестьян работать сверх установленной нормы за плату, которая фактически была ниже оплаты свободного наемного работника примерно в три раза. В целом на повинности с одной сессии уходило примерно от 2/5 до 2/3 рабочего времени мужчин¹¹. Разрешался наем и "по взаимному соглашению". Наем работников постепенно распространялся, но до 1848 г. не занял существенного места в помещичьем хозяйстве, кроме крупных имений, где имелось немало дворовых.

Урбариальные законы подтвердили неотчуждаемость крестьянского надела и право крестьянина на пользование угодьями, в том

числе лесом (не для продажи), но на практике для этого требовалось разрешение помещичьих управляющих, обычно отводивших крестьянам неудобные участки. И после урбариев напряженность в социальных отношениях в деревне в связи с правом пользования угодьями продолжала нарастать. Так как крепостные всячески избегали полноценного труда на господина, венгерский закон 1836 г. требовал исполнения работы "трудоспособными людьми и пригодными орудиями и скотом". Но производительность труда оставалась крайне низкой, примерно в два-три раза ниже вольнонаемных. Это, наряду с социальными противоречиями в деревне, побуждало более богатую часть помещиков в 30–40-е годы XIX в. задумываться об отмене изживших себя феодальных отношений. Полуразорившиеся дворяне составляли более консервативное (преобладающее) крыло землевладельцев.

Урбарияльные указы не касались аллодиальных помещичьих земель, сдаваемых в аренду крестьянам разных категорий на основе договоров или обычаев, официально признаваемых как частноправовые отношения.

Наиболее распространенной исстари была сдача в аренду виноградников или "горных" и "чиншевых" земель, за которые крестьяне несли тяжелую натуральную и денежную повинность – "горницу"¹². Помещики изменяли условия аренды, повышали горницу. При всем том, "горночиншевые" отношения считались "сходными" с урбарияльными, т.е. юридически помещик не мог лишить крестьянина участка.

Неурегулированными остались права крестьян, издавна раскорчевывавших лес и обрабатывавших эти новые участки (крчевине). Урбарии запрещали раскорчевку леса без разрешения помещиков. С XVIII в. по мере того, как лес приобретал все большую цену, помещики стали требовать несения повинностей за эти неурбарияльные участки. Здесь имели место многочисленные злоупотребления. Помещики сгоняли крестьян с хороших раскорчеванных и обработанных ими земель, предоставляя взамен худшие. Впрочем, от произвола со стороны феодалов не были защищены и урбарияльные крестьяне, процесс вытеснения которых с земли продолжался и в XIX в.

Наряду с урбариальными (рустикальными) землями крестьяне обрабатывали участки аллодиальных феодальных владений, арендованные на основе договоров. В отличие от урбариальных и горночиншевых наделов, участок аллодиальной земли помещик мог изъять у крестьянина.

Установить подлинный юридический статус тех или иных владений подчас было невозможно, поскольку он неоднократно изменялся, а соответствующие документы отсутствовали или, если это было им невыгодно, помещики отказывались их предъявлять. Многочисленными были случаи обмана неграмотных крестьян, что покрывалось местными властями.

Светские и духовные феодалы владели важными привилегиями, приносившими им существенную часть дохода. Это так называемые "малые королевские права" (*jura regalia minora*), а именно исключительное право торговли мясом несколько месяцев в году (месаренье), продажи ракии (водки) и вина (крчмаренье, т.е. право содержать корчмы; это право иногда за плату уступалось общинам, а чаще сдавалось в аренду частным лицам, которая в 1-й половине XIX в. стала одним из путей накопления средств буржуазией. В аренду сдавались и целые имения¹³, право рыбной ловли (рибаренье), охоты (во время которой нередко подвергались потраве крестьянские посевы; крестьянам же запрещалось иметь охотничьих собак), сбора с базаров, мельниц, кузниц, откорма свиней в лесу (жировина — сбор желудей и одновременно плата за право собирать их) и некоторые другие привилегии.

К 1848 г. имущественная дифференциация крестьянства была значительной. Полным наделом (сессией) владело меньшинство крестьян, причем в собственно Хорватии — более половины (средние хозяйства), тогда как в Славонии основную часть составляла беднота (например, в Среме даже до 9/10 крестьян). Некоторые хозяева владели двумя и более сессиями, однако считалось обычным и владение 1/8 сессии. Но с этого рубежа лишь начинались мелкие и мельчайшие хозяйства. Имелись и почти обезземеленные крестьяне, у них были десятые и даже сотые доли сессии и они обычно работали на стороне (лесорубы, бурлаки, строители и др.), а иногда — в зажиточных хозяйствах¹⁴. Это так называемые хишари (от хорв. хиша — хижина) или желиры (от нем. Zöllner — наемник). Наконец,

имелись и бесхозьянные и бездомные работники — разорившиеся крестьяне и ремесленники, люди, ушедшие из семей, беглецы из османских владений и Военной границы¹⁵. С ростом населения нехватка земли у крестьян становилась все более острой. Пришлые люди распахивали неудобные участки, корчевали лес. В связи с этим имели место длительные конфликты не только между крестьянами и помещиками, но и между "староседельцами" (урбариальными крепостными) и новыми поселенцами, стремившимися закрепить свои права на землю. Эти конфликты продолжались и после 1848 г. многие десятилетия.

Часть населения, числившаяся в имении как желиры (безземельные), в действительности занимались ремеслом и торговлей, их реальное положение уже не соответствовало старинному статусу, основанному на пользовании землей. Это было проявлением процесса раскрестьянивания¹⁶. Характерной чертой жизни общества стали нищие, бродяги. Беглые крестьяне составляли группы хайдуков, и по хорватским дорогам ездить было небезопасно до последней четверти XIX в.

Богатые крестьяне торговали скотом, преимущественно свиньями, ссужали деньги в долг (нередко и помещикам) под ростовщические проценты, случалось, откупались от барщины. Хозяйственный инвентарь в Хорватии оставался традиционным (средневековым), сохранялась трехпольная система. Однако перед 1848 г. расширились посевы табака, кукурузы, конопли, картофеля, т.е. началась интенсификация земледелия.

На состоянии отношений в аграрной сфере в Хорватии противоречиво сказывались общие социально-экономические процессы в Австрийской монархии. В XVIII в. в ее западной, собственно австрийской, части, включавшей, кроме немецких областей, чешские земли, Северную Италию и Словению, развитие капитализма приобрело необратимый характер. В конце столетия здесь имелись десятки централизованных мануфактур, а к середине XIX в. — сотни промышленных предприятий¹⁷, широкое распространение получила рассеянная мануфактура.

Император Иосиф II (1780–1790 гг.), исходя прежде всего из потребностей относительно развитой западной части государства,

осуществил серию важных реформ¹⁸. Но после его смерти в аграрных Венгрии и Хорватии сохранили силу лишь патенты о веротерпимости и освобождении крестьян от личной зависимости (1785 г.) – последнее – в значительной мере формально, так как дворянство находило способы обходить закон, а ввиду жалкого состояния городов и промышленности практически уходить крестьянину было трудно. Впрочем, со временем уход крестьян из деревни стал более заметным явлением, и в 1825 г. в связи с кризисом помещичьего хозяйства и разорением средних и мелких помещиков консервативный хорватский сабор ходатайствовал об отмене патента Иосифа II о личной свободе крестьян и праве их на выход¹⁹. В венгерском государственном собрании победила, однако, противоположная тенденция, и в 1836 г. оно признало право ухода крестьян, установив принцип, что барщина несут не лица сами по себе, но лишь пользующиеся урбаниальной землей (т.е. патенту императора была дана конституционная санкция).

Закон 1836 г. признавал возможность продажи крестьянского участка (с согласия помещика) и его комасации (землеустройства, сведения многих парцелл в один массив), однако в Хорватии этот акт, приоткрывавший путь рациональному земледелию, не был проведен в жизнь консервативным дворянством. Та же судьба постигла в Хорватии венгерский закон 1840 г. о праве крестьян свободно распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом²⁰. Различие в аграрной политике преобладающей части венгерского и хорватского дворянства стало одной из причин напряженности в венгерско-хорватских отношениях в 30–40-е годы XIX в.

После наполеоновских войн в Австрии (включая Чехию и Моравию) начался переход к фабричной промышленности; а вторая–третья–четверти XIX в. стали временем промышленного переворота, ускоренного строительства железных дорог, протянувшихся от Вены к окраинам империи; в 1846 г. железная дорога через Словению достигла хорватской границы (станция Штейнбрюк, по-хорватски Зидани мост). С 30-х годов на реках появились австрийские пароходы.

В Венгрии развитие промышленности, прежде всего горного и мукомольного дела, а также банковско-кредитной системы приобрело интенсивность только после революции 1848 г. Поражение вен-

герской национальной революции, однако, обусловило то, что экономика Венгрии по-прежнему развивалась в условиях преобладания индустрии, банков и рынка Австрии, что имело противоречивые последствия (вовсе не однозначно отрицательные). Положение в некоторой, но не кардинальной, степени стало меняться в лучшую для Венгрии сторону в условиях австро-венгерского дуализма (с 1867 г.), закрепившего на несколько десятилетий власть в Венгерском королевстве в руках венгерских банковско-помещичьих кругов.

Хорватия в условиях австрийской, а затем и венгерской промышленной конкуренции оставалась аграрной окраиной в течение всего XIX в. До середины XIX в. в хорватских городах мануфактур практически не было²¹, однако в имениях помещиков кое-где уже работали крепостные или смешанные мануфактуры²².

Особо выделялся город-порт Риека (Фиуме), где уже в 70-х годах XIX в. Смитом и Мейнье была основана крупная бумажная фабрика и вскоре стали применяться паровые двигатели. В Риеке господствовали иностранные и итальянские предприниматели²³. За исключением небольшого периода город административно не входил в состав Хорватии.

Оккупация наполеоновскими войсками Далмации, части собственно Хорватии и Военной границы (1805–1813) привела к установлению здесь юридического равноправия граждан, освобождению крестьян от личной (крепостной) зависимости. Это нанесло старому порядку еще один удар. Однако на Военной границе существовавшие отношения изменены не были.

Французская революция нашла определенный отклик в Хорватии. В частности, сюда проникали французские прокламации, призывавшие к совместной с Францией борьбе против крепостничества. В 1794 г. в Загребе была предпринята попытка распространить призыв к народу выступить за всеобщее равноправие вместе с французами, "с которыми сам бог". Прокламации, случалось, привозили торговцы. Членом тайного общества венгерских "якобинцев", разгромленного полицией, являлся хорват, служащий финансового ведомства Йосип Краль, накануне ареста покончивший жизнь самоубийством²⁴.

Уже тогда, когда дворянство, выступавшее против реформ Иосифа II, не мыслило иного порядка, кроме феодального, некоторые его представители стали задумываться о необходимости смягчения социального конфликта, об установлении неких патриархальных связей между барином и земледельцем, взятии на себя дворянством части налогов. Дальше этого дворянская мысль в Хорватии не шла еще десятилетия.

Внутренний рынок Хорватии оставался незначительным, поскольку крестьянство в основном вело самообеспечивающееся хозяйство. Однако во 2-й половине XVIII – первой половине XIX в. исключительное значение для экономики Хорватии приобрел речной торговый путь из южных комитатов Венгерского королевства (впоследствии – Воеводина) по Дунаю и Саве (или Драве) и далее посуху к портовым городам Адриатики или в словенские земли. По этому пути перевозились зерно, лес, вино и др. в Италию, собственно Австрию и далее – в Германию (другое направление – вверх по Дунаю)²⁵. Сюда стягивалась и торговля Боснии, Сербии. На реках Сава и Купа развивались перевалочные, складские и судостроительные центры – Сисак и Карловац. Эта торгово-предпринимательская активность стала жизненно необходимой для хорватских помещиков и явилась основой благосостояния ряда хорватских купеческих фамилий²⁶. Богатейшие торговцы получали дворянские звания. На Саву, Драву и Купу направлялись для сезонной работы отходники – помещичьи крестьяне и граничары. Значение торгового пути Дунай–Адриатика было столь велико, что начиная с 30-х годов XIX в. хорваты в течение нескольких десятилетий добивались прокладки железной дороги Восток–Запад от Земуна до Риеки²⁷. Успеха эти проекты не имели, так как ни австрийские, ни венгерские власти не были в этом заинтересованы.

Наплыв в Центральную, Южную и Западную Европу дешевой пшеницы из России (через Одессу) с 1829 г., когда по Адриано-польскому миру Османская империя обязалась обеспечить свободу мореплавания в Черноморских проливах, особенно обострил конкуренцию на хлебных рынках и ускорил кризис помещичьего хозяйства в Венгрии и Хорватии; более того, венгерское зерно теснило

хорватское на внутрехорватском рынке. Это стало еще одной из причин ухудшения венгеро-хорватских отношений; в то же время большинство помещиков Славонии и часть землевладельцев собственно Хорватии продолжали искать выхода из затруднений в теснейшем союзе с мощным дворянством Венгрии в совместной с ним борьбе за внешние рынки²⁸ против политики монополизации венгерского аграрного рынка, проводившейся Веной.

Специфический "фольклористический" интерес к крестьянству проявился в тонком образованном слое хорватского общества вместе с началом Национального возрождения (конец XVIII — первая треть XIX в.). Он сказался в усилении внимания к родному языку (именно как языку народной массы, 9/10 которой составляли крестьяне); народному творчеству, быту, далее — в ряде первоначально безуспешных попыток учреждения газеты на хорватском языке и публичных призывах к широкому его применению в общественной жизни²⁹. Проявлением такого интереса стало обращение загребского епископа М. Врховца (1813) к католическому духовенству с призывом собирать и присылать ему произведения устного народного творчества (впрочем, эта инициатива не имела результатов)³⁰.

Свидетельством наметившегося упадка закоснелой феодальной структуры было, в частности, изменение социального состава учащихся загребской академии — основанного в XVIII в. (первые зародыши — в XVII в.) высшего учебного заведения гуманитарного профиля, где преподавание велось по-латыни. Так, в 1791–1795 гг. дворяне составляли 31% ее студентов, а в 1826–1830 гг. — только 6%, тогда как число выходцев из крестьян и особенно горожан резко возросло, а общее количество учащихся увеличилось за это время в семь раз (с 93 до 686)³¹. Это сказалось на взглядах национальных деятелей в последующие десятилетия. Число начальных сельских школ, учрежденных при Иосифе II, до середины XIX в., однако, оставалось незначительным, и хорватские крестьяне в массе оставались неграмотными. Немногим отличалась и грамотность сербских крестьян, которые обучались лишь в крайне бедных церковных школах³². На Военной границе учителя добивались понимания граничарскими детьми команд на немецком языке.

Меттерниховский режим 20–40-х годов был уже не в состоянии заморозить общественно-политический строй империи Габсбургов, хотя и задержал развязку. На обстановке в Хорватии сказались как крупнейшие события, происходившие в Европе, так и явления, имевшие региональное значение. Мы имеем в виду Июльскую революцию во Франции 1830 г., польское восстание 1830–1831 гг., освободительные движения в Испании и Италии и особенно на Балканах — сербскую и греческую народные войны против османской власти, завершившиеся созданием автономного Сербского княжества (1804, 1815 гг.) и независимой Греции (1821–1829 гг.). Но исключительное воздействие на настроения хорватского общества оказало быстро нараставшее в 20–40-х годах XIX в. национальное и либеральное движение в Венгерском государстве, автономной частью которого являлась Хорватия.

Если граф Иштван Сечени предложил ряд мер с целью развития кредита, финансов, торговли, т.е. мер, которые в конечном счете могли способствовать ликвидации крепостничества, то Лайош Кошут выдвинул либерально-буржуазную по содержанию программу, непосредственно направленную на обеспечение интенсивного гармоничного экономического, прежде всего промышленного, развития Венгрии, отмену феодальных связей в земледелии путем обязательного государственного выкупа крестьянских наделов, всеобщего налогообложения, отмены сословных перегородок, сплочения нации. Это была программа социального компромисса при преимущественном соблюдении интересов дворянства. Осуществление ее Кошут, поддержанный частью дворянства, горожан и интеллигенции, считал возможным в условиях суверенитета Венгерского королевства (личной унии Венгрии с Австрией и проведения таможенной границы между ними). Назревал острейший конфликт между Венгрией и австрийской монархией.

Однако венгерское государственное собрание, заседавшее в Пожони (совр. Братислава) в 1832–1836, 1839–1840, 1843–1844 гг. (как обычно в его работе участвовали представители Хорватии), не пошло столь далеко. Оно несколько реформировало существующие отношения. В частности, было намечено проведение комасаши и сегрегации (отделения помещичьих угодий — лугов, пастбищ, ле-

сов — от крестьянских). Крестьянам было разрешено продавать свои права на пользование наделами и выкупать наделы по договоренности с феодалом. Закон 1836 г. отменил право помещиков наказывать крестьян палками (а Загребская жупания Хорватии запретила это и местным властям). Сторонники Кошута были глубоко разочарованы результатами деятельности собрания, поскольку крестьянин так и не стал собственником земли. Практически все осталось по-старому до 1848 г. Почти никто из крестьян не выкупился. Что касается венского двора, то он охотно соглашался на консервацию реакционного порядка в Венгрии (с Хорватией); поскольку господство там феодального дворянства обеспечивало сохранение Венгерского королевства как аграрно-сырьевого придатка западных областей (Австрии) и рынка сбыта австро-чешских мануфактур и нарождавшейся фабричной промышленности.

Активизация национального движения в Венгрии уже с 1790 г. сопровождалась планами мадьяризации невенгерских областей королевства, в том числе Хорватии. Но замена латыни венгерским языком в общественно-политической жизни нанесла бы ущерб хорватским дворянам, большинство которых венгерским не владело. Впрочем, венгерские планы встретили в Хорватии двойственное отношение. Магнатство, преимущественно славонское, видело путь к упрочению своих позиций в теснейших связях с мощным венгерским дворянством; часть хорватского дворянства была склонна к введению и расширению преподавания венгерского языка в Хорватии. Другая часть, ориентировавшаяся на австрийский двор, а в экономическом плане — на собственно австрийские земли, опасалась коштутовского радикализма в сфере национальной и особенно венгерского либерализма в сфере социально-политической³³. Большинство хорватского дворянства вплоть до 50-х годов искало выхода в нарождающемся национальном движении в Хорватии и в союзе с Габсбургами.

Подъем общественного движения назревал в Хорватии с начала 30-х годов XIX в. и получил наименование иллиризма (1835—1848 гг.)³⁴. Сторонники иллиризма энергично осуществляли программу развития национальной культуры, причем в борьбе против политики мадьяризации ориентировались на культурное сплочение

южных славян. Они действовали также в сфере экономики, обсуждали социальные проблемы. В 1841 г. в Хорватии было создано Сельскохозяйственное общество, в 1846 г. кредитное учреждение — Первая хорватская сберегательная касса. Членами этих организаций были прежде всего дворяне-помещики.

В качестве одного из политических предшественников, а затем и организаторов и идеологов иллирийского движения выступил обедневший граф Янко Драшкович. Понимая, что общественная жизнь в Европе полна динамизма и в близком будущем дворянство ждут "трудные времена", он наряду с обширной национально-политической программой (создания объединенного Хорватского королевства с включением в него словенских и части сербских земель) в своей "Диссертации", напутствии хорватским делегатам государственного собрания (1832 г.), высказал осторожные суждения о целесообразности некоторых перемен в отношениях помещиков с крестьянами³⁵.

Драшкович предупреждал, что "устройство, созданное с великой мудростью" и сегодня еще служащее хорошо, завтра "станет негодным". Это понимают англичане, которые, однако, исправляют свои законы осторожно и постепенно (в 1832 г. был принят закон о "гнилых местечках". — В.Ф.) и с которых, по мнению автора, следует брать пример. Французы же действуют опрометчиво и впадают из одной ошибки в другую. Аналогичными казались Драшковичу и действия либералов в государственном собрании Венгрии. Он полагал, что в этих условиях дворяне должны стать "отцами и попечителями" простого народа. "Нужно воспитывать народ в духе добра и прирожденных злодеев превратить в подлинных детей и, если они будут хорошо воспитаны, — друзей". "Он (народ. — В.Ф.) несравненно многочисленнее вас, — наставлял Драшкович дворян, — без него вы не в состоянии ни кормиться, ни существовать". Учить уму-разуму этих "детей" по стародедовскому обычаю уже поздно. Поэтому "относитесь к народу милостиво, чтобы он мог любить вас... рекомендуйте королю предоставлять дворянское звание всякому способному и известному добрыми делами человеку". Дворян же, запятнавших себя преступлениями, следует исключать из благородного сословия. "Будьте внимательны, чтобы не упустить ни одной

умной головы, ибо если они будут с вами, получите пользу, а будучи противны вам, они нанесут вред... Освободитесь от предрассудков наших дедов. Наше положение уже не такое как их. Вера, справедливость и истина требуют иного подхода, нежели в XVII веке". Итак, речь шла о способах сохранения власти дворянства. Драшкович отмечал, что книгопечатание облегчило воспитание, просвещение народа, и призывал отменить всякие сословные ограничения при приеме в учебные заведения. Но основное внимание он уделил проблемам помещичьего хозяйства (торговле, кредиту). Далее, в связи с им же сформулированными национально-политическими задачами, граф осторожно высказался в пользу добровольного налогообложения дворян-помещиков. В 1836 г. он прямо предложил обложение дворян налогом в пользу органов местного самоуправления³⁶.

Итак, представитель консервативного дворянства выдвинул идеи реформ весьма нечетко, неопределенно. Его социальные воззрения контрастировали с подробно разработанным планом национально-государственной политики. Однако понимание опасности существующего положения и робкие поиски выхода позволяют отнести Драшковича к нарождавшемуся в Хорватии течению, которое мы называем консервативно-реформистским³⁷. Это течение представляло часть иллирийской группировки.

Для иллирийского движения в целом, включая его либеральное крыло, проблема крестьянства оставалась на втором плане, хотя объективно развитие культуры на родном языке и выступление в саборе одного из лидеров движения Ивана Кукулевича в пользу признания хорватского языка официальным (1843 г.) потенциально способствовали стягиванию народных масс в политику³⁸. Уже до 1848 г. выдвигалась задача устройства народных школ в каждом селе. "Нет патриотизма без любви к родному языку, — писал лидер иллиризма Людевит Гай в 1835 г. — Это язык пахарей и виноделов"³⁹. В отличие от традиционных дворянских представлений Гай и либеральное крыло иллиризма в целом понимали под "народом" (нацией) хорватское общество в целом. Деятели иллиризма проповедовали идеи национальной внесословной общности — "все люди братья". Объективно национальная идея имела антифеодальное содержание. Но от

этой позиции до защиты интересов крестьянства, 9/10 народа, была значительная дистанция. Крестьянство воспринималось сторонниками иллиризма лишь как объект просветительской деятельности (просвещение — условие прогресса крестьянства) и источник народной самобытной культуры. Но объективно во 2-й четверти XIX в. "крестьянский вопрос", наряду с национальным, являлся ключевым для общественного развития Хорватии.

Либеральное крыло в иллиризме формировалось медленно. Однако 40-е годы были отмечены нарастающим кризисом системы. В связи с недородом в 1846—1847 гг. усилились волнения крестьян. В этих условиях проблема устранения крепостничества не только обсуждалась в кружках, но (сначала намеками) получила отражение и в печати. Д. Раковац критиковал строй, при котором "неблагородные жители равны нулю"⁴⁰.

Особую тревогу в дворянской среде Венгрии и Хорватии вызвало восстание польских крестьян в Галиции в 1846 г., когда было предано огню много дворянских поместий, а их обитатели погибли. Венгерские консерваторы уже стали высказываться за мирное урегулирование урбаниальных отношений⁴¹.

При всем том в центре внимания либеральных деятелей иллиризма в 40-е годы оставалась буржуазия. С ней связывали будущий общественный и культурный прогресс хорватского народа. Один из идеологов иллиризма Людевит Вукотинович писал в 1847 г.: "Пока мы не вырастим крепкое патриотическое среднее сословие... мы не будем иметь ни моральной силы, ни чистой национальной жизни. Ибо простой народ всегда более или менее останется жертвой грубости"⁴². Ясно, что на политическую активизацию крестьянства национальные деятели надежд не возлагали (и объективно вряд ли могли возлагать), более того, они опасались стихийных крестьянских выступлений.

Судьбы дворянства также занимали внимание национальных деятелей. Национальная печать поднимала проблемы рационализации земледелия, низкой производительности труда крепостных. Но представителям передовых кругов уже было присуще понимание того, что "благосостояние родины" не может основываться только на преуспевании помещиков.

Еще в конце 30-х годов Л. Вукотинович записал свою мысль, что вопрос о землевладении крестьян "самый важный предмет... до тех пор, пока между аристократией и крестьянством будет такое неравенство, нельзя и думать о счастье нашей родины". Автор придавал особое значение просвещению крестьянства, указывал на то, что господствующая "партия" боится гражданского просвещения крестьян, видя в этом свою гибель⁴³. Хотя подобные мысли не сразу были обнародованы, дворянские и буржуазные авторы постепенно подходили к пониманию важности (для консерваторов — неизбежности, для либералов — необходимости) крестьянской реформы.

В Хорватии либералы были значительно слабее, чем в Венгрии. В 1841 г. Вараждинская жупания критиковала либералов (за "радикализм"), заявляя, что необходим "умеренный и постепенный прогресс": "...полезнее мало-помалу отказываться от этих (дворянских. — В.Ф.) прав, чем слишком быстро пожертвовать чем-то известным ради неизвестного"⁴⁴. Уступать все же казалось необходимым — это типично консервативно-реформистский взгляд на ситуацию.

В 1843 г. загребский немецкий журнал утверждал, что "барщина — главное препятствие духовному и материальному развитию" народа, сила же державы (Венгрии) связана с состоянием трудового населения, ибо зажиточный крестьянин платит больше налогов. В 1844 г. хорватская иллирийская газета "Даница" высказала мнение, что земледелец вовсе не обречен на вечную неволю. В качестве примера свободного и просвещенного государства приводилась Норвегия (надо сказать, что в хорватской публицистике XIX — начала XX в. неоднократно делались ссылки на развитие Скандинавии, которое рассматривалось как образец). Газета мечтала о том, чтобы и в "других государствах" "абсолютно необходимое, бедное, но самое старательное сословие" — крестьянство получило то же значение, что и в Норвегии⁴⁵. В 1844 г. Богослав Шулек высказался за участие всех сословий в работе сабора, а в 1846 г. — за введение налога с дворянских владений⁴⁶. В 1847 г. упомянутая газета полагала, что подъем земледелия возможен лишь с появлением грамотного и зажиточного крестьянина. Тогда же Б. Шулек писал о необходимости облегчить условия крестьянского выкупа и вслед за

Драшковицем призывал уделить внимание воспитанию, просвещению крестьян. Наказание крестьян палками он предлагал "постепенно отменить". Умеренно-либеральная интеллигенция, естественно, выступала с позиций представительства общенациональных интересов.

К 1846 г. относится сохранившийся в рукописи Л. Вукотиновича проект политической программы. Здесь предусматривался сабор "на представительных началах", "уравнение сынов отечества в отношении общих тягот" (налогов), "просвещение народа" и, наконец, "выкуп барщины", возможно, обязательный. "Важнейшей задачей" автор рукописи считал "предоставить права согражданам, которые их не имеют, и тем самым, ради общей пользы, устранить основные различия между сословиями". К 1847 г. относится также текст обедневшего дворянина барона Драгойло Кушлана, во многом близкий по идеям к цитированному ("распространение благодати конституции на всех жителей")⁴⁷. Таким образом, вопреки позиции большинства дворянства, либеральные тенденции в Хорватии медленно нарастали, но либеральная партия в это время так и не была создана.

Наконец, в наказе хорватским делегатам государственного собрания 1847 г. дворянство уже считалось с возможностью обязательного выкупа урбариальных повинностей, требуя при этом "полного возмещения".

Глава 2

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1848 г.

Консерваторы, либералы и радикалы

В начале революции венгерское государственное собрание поспешно (19 марта) отменило феодальные повинности за урбариальные наделы, предусмотрев выплату возмещения помещикам государством, ввело всеобщее, хотя и далеко не равное, налогообложение, отменило церковную десятину и помещичье судопроизводство. Решение это стало осуществляться немедленно, т.е. до утверждения императором-королем Фердинандом (8 апреля). Впервые сторонники Л. Кошута имели большинство в нижней палате¹.

В 1848—1849 гг. на практике многие помещики саботировали те или иные решения собрания (которые к тому же не касались массы неурбариальных земель и сервитутов). Все же некоторая степень национального согласия была достигнута, что позволило Венгрии создать конституционное правительство и дать отпор императорской армии в 1848—1849 гг.

Венгерский закон, при всей своей ограниченности, произвел огромное впечатление во всех землях империи, в том числе в Хорватии. Собрание общественности в Загребе 25 марта в основном воспроизвело в своей программе требования конституционного строя, провозглашенные в Венгрии, включая освобождение крестьян. В петиции императору хорваты также указали на необходимость решения крестьянского вопроса.

В 1848 г. Хорватия (иллирийское большинство) отстаивала равноправие с Венгрией, отказываясь признать власть венгерского правительства Л. Баттьяни. Венгеро-хорватскими противоречиями воспользовалась придворная реакция². Но относительно условий освобождения крестьян сторонники иллиризма и венгерофилы в Хорватии в сущности были близки друг другу:

В этой обстановке бану Посипу Елачичу и его правительству, как и народнякам, было необходимо нейтрализовать воздействие венгерской аграрной реформы на взбурдаженное хорватское крестьянство. Л. Гаю сообщали, что "мадьяроны (венгерофилы. — В.Ф.) бунтуют крестьян, говоря им, что все права они получили уже 16 лет назад (т.е. якобы от государственного собрания 1832 г. — В.Ф.), но этому до сих пор противились иллиры и ныне только венграм они (крестьяне. — В.Ф.) должны быть благодарны"³. Крестьяне не только немедленно прекратили барщинные работы, но кое-где стали захватывать господские земли.

Уже 28 марта Крижевацкая, а 30 марта Вараждинская жупании отменили повинности крестьян за выкуп, 14 апреля за ними последовала Загребская жупания. Аналогичные события произошли в Славонии. В некоторых случаях власти опубликовали венгерский закон и провозгласили вступление его в силу, в других — решение об освобождении крестьян принималось самостоятельно местными властями. Одновременно они вводили чрезвычайные суды, занимавшиеся конфликтами, то и дело вспыхивавшими в селах.

Упомянутое собрание в Загребе 25 марта первым пунктом своей программы в общей форме провозгласило ликвидацию феодально-зависимых отношений. Характерна в связи с этим статья Б. Шулека — обращение к духовенству в газете иллирийской партии, точнее, национальной партии (народняки), как называли себя сторонники иллиризма с 1843 г. Статья представляет интерес в связи с одним обстоятельством. В хорватском крестьянстве жило предание о мощном крестьянском восстании 1573 г., охватившем как северо-запад Хорватии, так и соседние словенские районы. Центром восстания было село Стубица, северо-западнее Загреба, а его вождем Матия (Матвей) Губец. Народная молва передавала, что Губец якобы провозгласил себя "крестьянским королем" (что не подтвер-

ждается источниками) и после подавления восстания был жестоко казнён — "коронован" раскаленной железной короной. В какие бы волнения, мирные или революционные политические движения не вовлекалось хорватское крестьянство в XIX — XX вв., Стубица была впереди; бунтарский дух или, позднее, стремление к политической активности никогда не покидали стубицких крестьян. М. Губец всегда оставался в народной памяти и сейчас является героем национальной истории хорватов, а память о восстании — частью национального самосознания хорватского народа. В Стубице создан музей истории восстания 1573 г., в экспозиции которого, в частности, находятся научные труды, посвященные восстанию, в том числе исследование российского историка⁴.

В упомянутой статье редактор газеты Б. Шулек писал: "Надо ли было ждать, чтобы объявился какой-нибудь Губец и взбунтовал крестьян против дворянства? ... Чтобы у нас повторились галицийские сны? ... Следовательно, мы сделали то, что требует мудрая политика, — дали то, в чем больше невозможно было отказывать — пошли своевременно на уступки и тем самым спасли и дворянство и общий мир... Чужие несчастья нас образумили, и мы избрали меньшее из зол... Не лучше ли это, чем если бы крестьяне... освободились без всякого возмещения (помещикам — В.Ф.)?" Хорватский историк комментирует: "Ни Шулек и с ним вместе наши на-родняки... и не мыслили о некоем расширении узких границ, в которых осталось дворянство в своем законодательстве"⁵. Революционные события застали иллиров врасплох, без разработанной аграрной программы. "Об отсутствии подлинно демократической социальной программы свидетельствуют все сочинения программного характера выдающихся деятелей иллиризма", опубликованные с марта по май 1848 г. Даже либерал Л. Вукотинович, призвавший 15 апреля "строить (общественную — В.Ф.) основу прочнее, чем прежде: на простом народе, а не на аристократии", не сказал в этом смысле ничего конкретного, оговорив, однако, что надо вести этот простой народ "к лучшему", ибо "если человек освобождает раба от долгой тьмы, то он должен, по крайней мере на первых порах, опекать его, пока тот не станет чинить зла ни себе ни другому"⁶. Тогда же Ф. Жигрович специально подчеркнул, что речь идет о равенстве перед судом и законом, но не о равенстве имущественном⁷.

Иллиров (народняков) в основном занимал национально-государственный вопрос; что касается крестьянского, то они видели необходимость "уступок", чтобы эта проблема по крайней мере не мешала их борьбе за решение основных (для них) задач.

Кратко расскажем о настроениях и движении крестьян Хорватии в 1848—1849 гг., что, наряду с общей ситуацией в Европе и Австрийской империи, побуждало власти, консерваторов и либералов решать аграрный вопрос и предопределило выступление на политической арене небольшой группы демократов⁸.

Уже в марте 1848 г. в районе между Загребом и Вараждином крестьяне заявляли, что признают только государственную власть, что "теперь все равны", а "кто не пашет и не сеет, пусть не ест и не пьет". Во время весенних работ помещики уговаривали крестьян продолжать работать на полях, но крестьяне были настроены враждебно к людям с руками без мозолей⁹. Это относилось и к духовенству.

Хотя весной 1848 г. крупных волнений не было, дворянство и хорватские власти полагали, что угроза общего восстания существует. Имеются многочисленные данные о крайнем возбуждении села и локальных конфликтах. В Загребской жупании помещики жаловались на то, что крестьяне наносят большой материальный ущерб имениям. В Крижевацкой жупании крестьяне пасли скот на барских лугах, и туда были посланы солдаты¹⁰.

25 апреля бан Йосип Елачич в своем манифесте подтвердил неизбежность решения венгеро-хорватского госсобрания и загребского собрания 25 марта об освобождении крестьян¹¹. В указе от 27 апреля бан сообщал о повсеместной бунтовщической агитации, покушениях народа на чужое имущество, лживых слухах, в связи с чем есть опасность "ужасных и кровавых действий". Поэтому бан ввел чрезвычайное положение для наказания разбойников, поджигателей, грабителей, смутьянов, утверждавших, что хорватские господа, в противовес венграм, хотят восстановить барщину. Текст указа был разослан во все общины Хорватии.

Манифест Елачича в значительной мере выбил почву у венгерской пропаганды. Вместе с тем местное дворянство получило гарантию защиты, а крестьяне — необратимости реформы. Но многие

ее конкретные положения сформулированы еще не были. Елачич в сознании крестьян сохранил ореол освободителя и манифест от 25 апреля они впоследствии толковали по-своему. Манифест и выборы в сабор несколько ослабили напряженность в деревне. Но акция бана лишь отодвинула решение ряда вопросов и не предотвратила ряд крестьянских волнений в 1848—1849 гг.

Анализ крестьянских петиций, направленных бану и сабору, имеющийся в исторической литературе¹², не свидетельствует о крайней революционности крестьян. Существенно отсутствие требования раздела помещичьих земель. Но петиции, составлявшиеся в большинстве священниками, не всегда отражали настроения деревни в целом. Петиции были единодушны в требовании отмены "малых регальных прав" (на продажу вина, мяса, рыбную ловлю, право охоты и др.; см. в главе 1), передачи крестьянам "горных" земель, прекращения государственной трудовой повинности (дорожной, извозной и др.). Раздавались требования снижения налогов, введения внесословной налоговой системы, отмены сборов на дорогах и мостах. Несогласие с выплатой помещикам выкупа встречалось не часто, по-видимому, в связи с надеждой, что заботу об этом возьмет на себя казна. Крестьяне добивались сохранения сервитутных прав. Эти традиционные права помещики пытались сразу после отмены феодальной зависимости ликвидировать, что послужило причиной длительных конфликтов после 1848 г. Важное место занимали требования вернуть общинам угодья, ранее захваченные феодалами, снять запреты на пользование лесом, установленные ими. Лишь в нескольких петициях говорилось об интересах безземельных и неурбариальных крестьян.

Национальные требования в петициях встречались как исключение, не было и идеи равных прав при выборах в сабор.

Среди неотложных вопросов (первый — отношения с Венгрией и Австрией) хорватский сабор, собравшийся 6 июня, занялся и крестьянским. Сабор впервые был укомплектован, частично отступив от сословного принципа. Но было сохранено личное представительство магнатов, епископов, высших чинов. Впервые депутатов прислала Военная граница, впрочем, они в массе своей выполняли волю командования. Значительную группу составили имущие горожане

и лица с высшим образованием. В селах право голоса получили главы семей (задруг), а выборы были двухстепенными; представительство крестьян было непропорционально малым¹³. Итак, дворянство несколько потеснилось, но его привилегии были сохранены. Указанный порядок выборов сохранился до 1910 г., что своеобразно свидетельствует о характере отношений после 1848 г., а также о политике Габсбургов.

Праволиберальный и консервативно-реформистский состав сабора predetermined содержание принятой им крестьянской реформы, хотя на саборе звучали и голоса радикалов. Уже А. Елачич называл аграрный закон консервативным¹⁴. Тем не менее дискуссия, развернувшаяся на саборе и в прессе, представляет большой интерес¹⁵. На ее содержании сказалась острота политической ситуации в Европе и империи.

Ощущение опасности крестьянских беспорядков не оставляло помещиков и власти и после манифеста бана. "Агитаторы" по селам призывали крестьян не работать на землевладельцев даже за плату, так как это якобы приведет к восстановлению барщины. "Аграмер-Пайтунг" писала о людях, "готовых сойти с ума" от страха перед лицом "восточного бунта"¹⁶. Отсюда и осторожность землевладельцев. Депутат П. Буньик прямо указал, что барщина отменена "из страха, чтобы не произошла революция"¹⁷. Бан Елачич призвал к поиску компромиссов, "не покушаясь ни на свободу зависимых крестьян, ни на права собственников, но гарантируя каждому свое". Консерваторы во главе с бароном М. Ожеговичем стремились в максимальной мере сохранить позиции помещиков. Значительная умеренно-либеральная дворянско-буржуазная группа (И. Кукулевич, Л. Вукотинович, Ф. Жигрович и др.) не сомневалась в принципе выкупа повинностей, но видела необходимость отмены регальных прав, сохранения крестьянских сервитутов. О сочувствии горожан этим взглядам свидетельствуют петиции городов и торговых местечек сабору¹⁸. Передко при этом выдвигались национально-политические соображения (в связи с хорватско-венгерским конфликтом), имел место и страх перед бунтами. И. Кукулевич утверждал, что в "рабстве" (феодализме) повинны немцы и венгры, навязавшие его славянам¹⁹.

Важную проблему затронул в дискуссии С. Кушевич. Говоря об отмене "малых королевских прав", он выразил несогласие с депутатами, предлагавшими их безусловно отменить ввиду угрозы со стороны "простого народа" (крестьян). Он заявил, что сам происхождением из простого народа и не может себе представить, что народ "столь благодарен, чтобы ради неких уступок для себя пожертвовать... (интересами — В.Ф.) своих братьев". Дело в том, продолжал оратор, что "в данный момент неприятности грозят не только одним дворянам... С игнорированием этих (дворянских, — В.Ф.) прав не могу согласиться потому, что тем самым ущерб был бы нанесен не только дворянам и тем, кто приобрел имения в недавнее время, но и тому классу людей, который является жизненной артерией государства, то есть горожанам"²⁰ (буржуазии — В.Ф.). Итак, во-первых, к 1848 г. в Хорватии среди землевладельцев заметное место уже занимали "новые" собственники (из недворян), которые приобрели землю вместе с феодальными правами, во-вторых, буржуазия арендовала "малые королевские права" или кредитовала дворян, и нанесение ущерба последним больно задело бы и ее интересы. Во всем этом мы уже видим то сближение какой-то части буржуазии с дворянством, которое было характернейшей чертой хорватского общества в пореформенную эпоху (и, по-видимому, не только хорватского).

Заметные различия в подходе к крестьянству между консерваторами и либералами проявлялись и впоследствии десятилетия.

Взгляды впервые выступившей на политической арене группы депутатов — буржуазных демократов, или радикалов, представляют интерес. Так, С. Врбанчич говорил, что с народом ранее "поступали как с рабами... Было рабство... Когда-то крестьянин был свободен, но свобода у него была отнята силой... а сейчас дворянство за этот грабег требует возмещения... Господа держали в своих руках всю торговлю". Оратор потребовал полной отмены регальных прав (на вино, мясо, рынки, рыбную ловлю и пр.). Кроме того, он считал, что захваченные помещиками урбариальные пастбища следует вернуть. Повинности за участки, обрабатываемые на основе договоров (контрактуральные аллодиальные, горные земли), надо отменить, чтобы каждый был собственником обрабатываемой им

земли (здесь оратор допускал выкуп)²¹. Таким образом, предлагалось законом разорвать связь крестьянского и помещичьего хозяйств. Однако, эта связь, хотя и в убывающей мере, сохранилась вплоть до развала монархии Габсбургов.

Депутат Й. Павлец также резко возражал против принципа выкупа, поскольку крестьянин своим трудом многократно "выкупил" землю. Депутат П. Матич говорил о феодальном насилии: короли раздавали людей своим любимцам, а те торговали ими — "следует ли давать за это возмещение?" Эта система "противоречит правам человека". Присутствовавшая публика встречала подобные слова одобрением. Здесь огушались идеи, посеянные Французской революцией.

В дальнейшем радикализм в социальной сфере и даже революционный демократизм проявлялись в общественном движении Хорватии спорадически. Радикализм приобрел в основном национально-политическое содержание.

Закон, принятый сабором, гласил, что "все донынешние урбариальные повинности и подати отменяются навсегда. Провозглашается независимость отдельных подданных и целых общин от помещичьей власти". Крестьянин становился неограниченным собственником своей урбариальной земли с правом ее раздела, продажи и пр. Усилиями либералов и небольшой группы демократов пользование "малыми королевскими правами" было расширено: каждая община могла содержать одну корчму круглый год (доход шел в общинную кассу); на своей земле каждый мог ловить рыбу, птицу, продавать мясо; охотиться разрешалось всем, но не в лесах, принадлежащих аллоду (помещичьему имению); вводилась свобода производства ракии (водки), кирпича и извести, строительства мельниц.

Далее: "Государство гарантирует помещикам возмещение в будущем за урбариальные повинности и подати, как и ущерба, вызванного предоставлением общинам права содержать корчмы. Специальный государственный комитет определит способ и источник этого возмещения и представит это ближайшему сабору".

Относительно пастбищ, использования леса (на топливо и для выпаса свиней) было решено: в собственно Хорватии там, где паст-

бища и леса не разделены (между помещиками и крестьянами), сохранить прежний обычай; там, где разделение произведено, оно сохраняет силу. Судебные процессы, ведущиеся по этому поводу, продолжаются. Помещики и крестьяне могут потребовать раздела лесов. В Славонии: там, где раздел не завершен, помещики и крестьяне пользуются землями, которые каждая сторона считает своими; где раздел завершен, он сохраняет силу; до определения права на пользование лесом крестьяне будут получать определенное количество деревьев для своих нужд; крестьяне сохранили право сбора желудей в помещичьих лесах (жировина) до окончательного урегулирования. Было постановлено данные решения ввести в силу немедленно без санкции короля²².

В законе об отмене урбариальных повинностей было немало неясного относительно регальных прав и сервитутов — в сущности окончательное урегулирование откладывалось до более спокойного времени, все же пока что крестьяне получили некоторые уступки. Но острая проблема "горных земель" вообще не упоминалась, как якобы имеющая частноправовой характер (аренда). При этом возобладала точка зрения феодальных владельцев, тогда как крестьяне не могли и не хотели видеть различия между урбариальными и иными повинностями и считали, что горница также отменена.

Сложившаяся ситуация вызвала не одну волну социальных конфликтов, в частности уже в годы революции. Сохранилось тяжелое бремя — фактическая связь множества крестьянских хозяйств с помещичьим хозяйством, и после реформы началась длительная борьба вокруг способов "развязки" этого узла.

Несмотря на повсеместное провозглашение закона, помещики нередко не допускали крестьян на пастбища и в леса, а крестьяне, не считая лес помещичьим, рубили деревья на продажу, вступали в стычки со сторожами, служащими имений, арендаторами, лесоторговцами и их работниками. Протест крестьян вызывало сохранение помещиками права сбора с рынков (пияцовина), ограничение права продавать вино (как отмечалось, это право было предоставлено общинам, а не лицам), тогда как помещики сохранили в этом деле полную свободу (что напоминало о ненавистном народу сословном

неравноправии). Более того, имели место захваты помещичьей администрацией крестьянских участков, даже ранее купленных их новыми владельцами. Помешики безуспешно пытались получить у крестьян долги за прошлые годы. В некоторых местах крестьяне перестали платить налоги казне (в том числе военный налог, введенный в условиях венгеро-хорватского конфликта), исполнять подводную повинность, чинить дороги и мосты (старая дорожно-мостовая повинность). Они требовали платы за эту работу и добивались, чтобы эти повинности были распространены на бывших свободных крестьян (племичей) и дворянство (т.е. опять-таки ликвидации одного из проявлений сословного неравноправия).

Осенью 1848 г. конфликты разгорелись еще более, так как наступило время выплаты горницы. Власти пытались заставить обе стороны придерживаться принятого закона, помещики и местные чиновники обращались за поддержкой к бану и военному командованию. Отряды солдат посылались на помощь полиции. Кое-где крестьян наказывали палками. Но Елачич крайне неохотно посылал войска, стремясь не обострять обстановку.

В Гробнике, на западе Хорватии в мае дело приняло серьезный оборот, так как пять общин, объединившись, создали нечто вроде крестьянской республики, избрали местную власть во главе с Йосипом Дурбешичем²³, сформировали "народную стражу" и обратились к соседям с призывом последовать их примеру. Авторами "подстрекательских" писем были сельские священники; их сняли с должностей и удалили из приходов. Только через несколько месяцев движение было подавлено солдатами. Дурбешича и несколько других руководителей осудили на тюремное заключение (до трех месяцев), активисты-крестьяне кроме того были наказаны палками (признак сословного неравноправия). Эти события — наиболее яркое свидетельство общего возбуждения в деревне летом 1848 г.²⁴

Крестьяне, недовольные действиями властей (обычно дворян-чиновников), знали о событиях в Италии и Венгрии. Так, в районе Рибника крестьянские стражники кричали "Боже, помоги венграм". При этом не обошлось без агитаторов — сторонников Венгрии.

В сентябре 1848 г. вспыхнули волнения в Стубице и четверо крестьян были приговорены чрезвычайным загребским судом к

смертной казни. Причиной волнений явились требования землевладельцев об уплате горницы и приказ бана о наборе в армию. В ноябре аналогичные события произошли в Шестинах и Гранешине (около Загреба), в имении капитула, где крестьяне разоружили и изгнали полицейских, затем пытались оказать сопротивление солдатам, имелись жертвы. (Характерно, что всюду крестьяне ссылались на апрельский манифест бана). В связи с этим в Загребе была приведена в боевую готовность национальная гвардия ("народная стража"), а ввиду опасности более широких волнений выявились разногласия в среде властей и национальных деятелей относительно горницы: предусмотрительные лица из загребского гражданского "комитета безопасности", представители горожан-либералов обвиняли "реакционную партию", т.е. землевладельцев, в стремлении восстановить старые порядки, что было особенно опасно, когда много крестьян находилось в армии.

В ноябре 1848 г. православный патриарх Иосиф Раяич, резиденция которого находилась в Карловцах (Срем), жаловался властям, что от рыбной ловли, пастбищ, сданных в аренду земель, бахчей, посевов, — все это приносило ему 30 тыс. флоринов серебром, — он не получил (от своей сербской паствы) "ни крейцера".

Разбирая споры помещиков с крестьянами, местные власти обычно обращались к старинным документам, договорам (контрактам) и требовали от обеих сторон их соблюдения, т.е. сохраняло силу право феодальной эпохи. Но согласно этому праву много крестьян, особенно в Славонии, не имели урбарияльной земли и арендовали участки у помещиков.

Перечисленные и другие аналогичные события вызвали "Обращение к крестьянам хорватско-славонского народа" бана и фельдмаршала Елачича от 20 ноября 1848 г. Бан, находившийся в Вене после подавления октябрьского восстания, напоминал о своем "даре" — окончательном освобождении крестьян только от урбарияльных повинностей и вместе с тем предупреждал против покушений на чужую собственность (он упоминал горницу, захват общинных лесов, выгон свиней в господский лес, порубку леса)²⁵. Интересно, что в связи с крестьянскими волнениями либеральный журналист видел причину "непонимания" крестьянами содержания реформы в их непросвещенности, вину за которую несут феодальные господа:

"...вы сознательно препятствовали обучению крестьян, систематически мешали организации школ, мудро рассуждая, что крестьянину знания не нужны, так как мирная и темная овца позволяет себя легче стричь. Теперь вы страдаете от того, что сами сотворили". Штыками положение не исправишь, тем более, что в договорах об аренде виноградников о посылке войск ничего не говорится, а на случай отказа арендатора от уплаты горнишы в течение трех лет предусмотрена потеря им права на участок. Автор протестовал против "деспотизма", способного вызвать крестьянское восстание²⁶. В Пожеге народняки предлагали обеспечить крестьянам возможность выкупа горных, раскорчеванных, чиншевых и других "договорных" участков. Но единства в либеральных кругах в этих вопросах не было. Главное для них было достичь национального примирения. Крестьянские "эксцессы", как и насильственные меры властей, поэтому осуждались. В этом духе Драгойло Кушлан с августа 1848 г. издавал еженедельник "Приятел пука" ("Друг народа"). Он стремился пробудить в крестьянах национально-патриотическое сознание.

Весь период до лета 1849 г. крайне тревожная обстановка сохранялась, но крупного движения крестьян не было. Продолжался поток жалоб властям со стороны помещиков и крестьян (особенно на управляющих магнатскими латифундиями в Славонии). По мере наступления контрреволюции в Австрийской империи позиции бывших крепостников становились все более прочными (это нашло отражение и в составе чиновничества — сколько-нибудь либерально мыслящие из местного управления увольнялись)²⁷. Хорватское правительство, по замечанию либеральной газеты "Славенски юг", было "насквозь боярским" по духу²⁸.

Хотя в 1849 г. попытки крестьян вернуть все ранее отнятое и превратить арендованные участки в свою собственность продолжались, в условиях общего наступления контрреволюции они уже не создавали того психологического фона, как ранее. Уже в конце 1848 г. дворянство, испытывавшее большие затруднения, не платило налоги, не исполняло другие обязанности в отношении казны.

О том, что, принимая аграрный закон, хорватское дворянство уступило требованиям тревожного момента, свидетельствует судья

ба этого закона. Банские власти целый год не посылали его на утверждение королю, ожидая упрочения неоабсолютизма. Закон так и не получил монаршей санкции. Уже в 1850 г. помещики добивались непосредственного выкупа повинностей у бывших феодалов, что открывало бы новые возможности для произвола и длительного сохранения зависимости крестьян²⁹. Ибо именно на разнообразных формах этой зависимости покоилось "здание" дворянского землевладения. Граф О.Сермаж жаловался в 1850 г., что "простонародье стало наглым... и не желает помогать прежнему господину"³⁰. В 1853 г. Сельскохозяйственное общество (объединение помещиков) просило об издании закона, обязывающего крестьян работать в имениях за плату. Бан Елачич вынужден был возразить, что это "противно потребностям времени и законам"³¹. Глава хорватской власти пытался удовлетворять претензии помещиков лишь в рамках возможного после 1848 г. Но наиболее реакционные круги вообще мечтали о восстановлении крепостничества.

При неоабсолютистском режиме (1850—1859 гг.) условиями освобождения крестьян в Венгрии и Хорватии занялось венское правительство.

Глава 3

НАСЛЕДИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

(50-60-ые годы XIX в.)

Хорватские помещики, австрийские власти и национальная общественность о крестьянском вопросе

Австрийский неоабсолютизм 50-х годов XIX в. стимулировал развитие австро-немецкого банковского и промышленного капитала и единого имперского рынка. В восточной части государства — Венгрии, Трансильвании, Воеводине¹ и Хорватии, где корни феодальных отношений были более прочными, австрийскому правительству предстояло распутать целый клубок социальных противоречий, не получивших окончательного разрешения в 1848—1849 гг. Душой реформ являлся министр внутренних дел А. Бах — либерал по экономическим воззрениям, авторитарной властью проводивший необходимую политику модернизации.

Основа аграрной политики в Хорватии была положена императорскими указами (патентами) 1853 и 1857 гг.² При их подготовке министерство учитывало мнение хорватских властей, специальных комиссий (составленных по преимуществу из бывших феодалов или представлявших их интересы юристов), а также записки и петиции хорватских землевладельцев. Члены комиссий упорно отстаивали максимум прав помещиков, совместимый с ликвидацией устоев ста-

рого строя. Если это не удавалось зафиксировать в законе, они стремились затянуть окончательное решение.

Особую важность в урегулировании аграрных отношений имели раздел лесов и пастбищ между помещиками и крестьянами (сегрегация), а также землеустройство (комасация) владений, являвшаяся условием перехода к ведению рационального хозяйства, его успешного выхода на рынок. Хорватскому дворянству удалось сорвать законодательное решение этих вопросов в 1853 г. и затянуть его до 1857 г. Это время было использовано помещиками для дальнейшего наступления на права крестьян, которое возобновилось сразу после поражения революции. Более того, как отмечалось, решения сабора 1848 г. тогда же саботировались, поскольку это было возможно в условиях, когда помещиков все же сдерживал страх перед революцией. Настойчивость помещиков объяснялась и тем, что после 1848 г. их имения, лишенные дарового труда, но обложенные налогом, оказались в глубоком кризисе, значительная часть земли оставалась необработанной, возмещение за утерянные феодальные повинности поступало плохо.

Австрийское правительство стремилось к сотрудничеству с бывшими феодалами, но без особой охоты шло навстречу их "крайним" претензиям и действиям, так как опасалось довести массу крестьян до полного разорения. В связи с созданием нового бюрократического аппарата и военными расходами казны государственные налоги после 1848 г. быстро росли и крестьянство, еще очень слабо связанное с рынком, изнемогало от них.

Целью правительства было облегчить перестройку помещичьего хозяйства на рациональной рыночной основе, чтобы обеспечить и этот источник поступления налогов. Как и до революции, большинство феодальных поместий в Хорватии (в отличие от австрийской части империи, а частично и от Венгрии) продолжало основывать свое существование не на рациональном хозяйствовании, а на барщине, горнице, чинше и регальных правах³. В этих условиях важнейшим источником приобретения денежных средств были содержание мельниц, торговля вином и мясом. Поэтому право содержать мельницы и корчмы стало объектом острой борьбы между помещиками и крестьянскими общинами, в которых решающий голос

все более приобретали зажиточные хозяева. Уже в 1850 г. императорским патентом была отменена уступка сабора (1848 г.) крестьянам в сфере регальных прав. Но на практике осуществить свою привилегию дворянству удалось лишь подавив упорное сопротивление крестьян. Кое где крестьян даже заставляли по-старому нести баршину. Все зависело от готовности местных властей осуществлять насилие над деревней (насилие в самом прямом смысле, так как крестьян по-прежнему пороли и били палками).

Особенно острая борьба развернулась за жизненно необходимые для крестьян и помещиков "горные земли" (виноградники). Основным аргументом помещиков и представлявшего их интересы бана Елачича было то, что эти участки якобы всегда являлись частью феодального аллода, т.е. полной собственностью землевладельцев (в действительности происхождение их было различным, что крайне усложняло ситуацию).

Патент 1853 г.⁴ подтвердил политику ликвидации некоторых уступок крестьянам в отношении регальных прав (торговли вином), а также права пользования лесами в Славонии (дрвария, жировина).

Но главное содержание патента 1853 г. заключалось в подтверждении монархом отмены урбариальных отношений и провозглашении гражданского равноправия сословий. Бывшие урбариальные участки крестьян стали их полной собственностью. Возмещение феодалам должно было выплачиваться из специального хорватского (провинциального) фонда, в связи с чем вводился особый налог со всех жителей. Осуществление выкупа предусматривалось в течение 40 лет (1857–1897). Внеселищные участки (горные и др.) становились собственностью крестьянина лишь после выкупа повинностей на основе соглашения с землевладельцем (факультатив); при этом вместо денег крестьянин мог уступить часть земли господину. Право на внеселищные участки не приравнивалось к частной аренде, т.е. помещик не мог лишить крестьянина земли. Фактически земледелец нес весьма обременительную и нередко возрастающую повинность за горные участки (горница) в некоторых районах вплоть до крушения монархии Габсбургов (1918), хотя большая ее часть к началу XX в. была выкуплена.

Уже на саборе 1848 г. развернулась дискуссия о том, являются ли внеселищные земли урбариальными. Для крестьян это был вопрос принципиальной важности, так как повинности с урбариальных участков прекращались немедленно, тогда как отношения, связанные с использованием крестьянами неурбариальных участков и рассматривавшиеся как "договорные" (контрактуальные), могли быть ликвидированы только путем взаимного соглашения помещиков и крестьян. Сабор 1848 г., приняв формулу "сходные с урбариальными" земли, признал неправомотность произвольного изъятия их у крестьян, но вместе с тем сохранил их за помещиками на неопределенное время. Ввиду огромной важности этой категории земель для обеих сторон, нерешенность данного вопроса стала, по тогдашнему выражению, "раной" на теле Хорватии — причиной множества социальных конфликтов в течение более полувека.

Указы 1853 и 1857 гг. не внесли решительных изменений в эти отношения: крестьянам было разрешено выкупать внеселищные (горно-чиншевые) участки. Сделать это практически могло незначительное зажиточное меньшинство. Крестьянство же в целом не хотело выкупа, так как считало и эти земли своими: при крепостном строе оно обрабатывало их, как и урбариальные, и несло повинности за это; крестьяне не желали видеть разницы между отдельными категориями земель. В 50–60-е годы помещики, случалось, силой, при содействии местных властей, вопреки закону захватывали внеселищные участки, что вызывало ожесточенные конфликты⁵. Все это, как и конфликты из-за лесов и пастбищ (см. ниже), было следствием половинчатости крестьянской реформы 1848 г., которая не разрубила связь крестьянского хозяйства с помещичьим.

Урбариальный или неурбариальный характер тех или иных участков устанавливал суд; при этом найти истину удавалось далеко не всегда, что вызывало длительное ожесточение с обеих сторон. Главным критерием "урбариальности" участка или парцеллы являлось то, что до 1848 г. помещик не мог согнать крестьянина с земли. Как уже говорилось, бывшие феодалы во многих случаях утверждали, что те или иные внеселищные площади составляют часть их аллода, а следовательно, крестьянин не имеет на них неотъемлемых прав. Сами внеселищные земли имели различный ста-

тус (условия держания). Это очень усложняло развязку имущественных отношений. Пестрота имущественно-правовых отношений вообще характернейшая черта феодализма.

С другой стороны, если помещик мог доказать, что горночиншвые участки являются частью его аллода, он получал право их "обратного выкупа" (реманентные земли). Это право стало одним из дополнительных узлов противоречий, вызывавших многочисленные конфликты, в наиболее "мягком" варианте — судебные разбирательства⁶.

Патент 1853 г. предусматривал обязанность крестьян погасить все долги помещикам, накопившиеся в 1835—1848 гг. Помещики, однако, при этом не должны были доводить своих бывших крепостных до разорения (!). Позднее, в 1876 г. либералы отмечали в саборе, что этот пункт многократно нарушался: имели место злоупотребления, в конечном счете вредные "для самого помещика", который ведь заинтересован в платежеспособном крестьянине⁷.

Патент 1853 г. подтвердил отмену церковной десятины; возмещение церковь получала из бюджета Хорватии. Но все остальные подати духовенству были сохранены (так называемая лукно-натуральная и денежная повинность, в некоторых случаях до 1848 г. и барщина). Это, случалось, вызывало конфликты вплоть до 1918 г.⁸ Впрочем, сельское духовенство иногда поддерживало крестьян в их спорах с помещиками.

Леса, луга и пастбища занимали одно из важнейших мест среди неурбанизованных (внеселищных) земель, ставших объектом длительной социальной борьбы⁹. В Славонии все леса принадлежали помещикам, а крестьянам, как до, так и после 1848 г. разрешалось пользоваться некоторыми отведенными им участками. За это они несли дополнительные повинности. В собственно Хорватии в исключительном пользовании имений находилась лишь часть лесов, в другой части помещичьи имения и общины имели право пользоваться совместно, в третьей — за пользование лесом крестьяне платили чинш¹⁰. Были лесные участки и в составе крестьянских наделов (сессий, селиш). Подчас разобраться и подтвердить доку-

ментально, к какой категории относится лесное угодье, было трудно. Для крестьян пользование лесом для откорма скота, для топлива и строительства было жизненно необходимо (они также стремились торговать дровами) и крестьянство очень болезненно относилось ко всяким попыткам ограничить доступ в лес, создать заповедные зоны. После 1848 г. крестьяне обычно утверждали, что все повинности господам отменены и добивались возможности свободно использовать леса. Особенно раздражали крестьян отработки за право пользования лесом, напоминавшие прежнюю барщину.

Патент 1853 г. не решил этой проблемы. Помещик по-прежнему мог запретить крестьянину пользование некоторыми участками, а крестьянин мог получить лесной участок в собственность, лишь выкупив соответствующие повинности (отрабочные, натуральные, денежные). Помещичьи лесники и сторожа изгоняли крестьянский скот, нападали на порубщиков, дело доходило до стычек и стрельбы, в ход шли вилы и топоры. Особенно острые конфликты вызывала проблема раскорчеванных и распаханых крестьянами лесных участков (крчевины). Известный статистик П. Маткович отмечал в 70-х годах XIX в., что помещичьи имения сохранили право на эти, когда-то предоставленные крестьянам, участки, "ценность которых в результате прогресса земледелия становилась все более значительной"¹¹. Помещики требовали их возврата или выкупа. За землю шла настоящая "малая война", отголоском которой были многочисленные жалобы и бесконечные судебные разбирательства. Это был спор об условиях ликвидации прежних отношений.

Аналогично обстояло дело с пастбищами. После 1848 г. помещики стремились не допускать крестьянский скот на аллодиальные пастбища, что имело разорительные последствия для многих крестьян. Патент 1853 г. установил, что за выгон на аллодиальные участки крестьяне должны платить чинш¹². То есть и в данном случае феодальная по происхождению связь крестьянского хозяйства с помещичьим разорвана не была.

Наконец, патент 1857 г. установил принципы и порядок округления (комасации) и разграничения (сегрегации) помещичьих и крестьянских лесов и пастбищ. Там, где крестьяне имели право пользоваться помещичьим лесом (для выгона скота и для порубок),

им (общине) следовало выделить лесные участки, остальное оставалось в полной собственности помещика. Если помещик сохранял какие-либо права на пользование лесом, отходившим крестьянам, последние должны были их выкупить. Угодья (пастбища), присвоенные помещиком до 1820 г., оставались у него, а присвоенное после 1820 г. можно было оспаривать в суде. Всю сегрегацию следовало проводить по взаимному согласию, в противном случае решал урбариальный суд¹³. Все это лишь означало продолжение борьбы.

Специальные суды по урбариальным делам были установлены патентом 1853 г. Судебному рассмотрению по патенту 1857 г. подлежали и дела о внеселишных землях. Споры эти нередко продолжались десятилетиями. К ним добавились и бесчисленные споры между самими крестьянами, прежде всего связанные с разделом имущества задруг (см. ниже). Это был подлинный "рай" для адвокатов и судейских чиновников и несчастье для множества крестьян. Землю крестьян-должников (казне, помещикам, ростовщикам), а также инвентарь, скот и даже избы в течение всей эпохи 1848—1914 гг. скупали на аукционах торговцы, ростовщики, чиновники, нередко те же адвокаты. Процветали волокита и взяточничество. Так происходило накопление капитала формирующейся буржуазии¹⁴.

Патент 1857 г. предусматривал учреждение специального фонда для выплаты возмещения бывшим феодальным владельцам. Последним в обеспечение выкупа были выданы облигации. Дважды в году владельцы облигаций получали 5% от суммы выкупа (капитала). Одновременно путем жеребьевки часть облигаций оплачивалась полностью. Вся операция была рассчитана на 40 лет. Облигации как государственные ценные бумаги сразу же стали обращаться на рынке, котировались на венской бирже; их фактическая ценность колебалась. Многие небогатые дворяне продавали их, а предприимчивые люди на спекуляциях облигациями сколачивали капиталы. Это также стало одним из источников формирования буржуазии.

Только крупные землевладельцы смогли использовать выкупные деньги для постепенной модернизации хозяйства хотя бы на части площади своих владений (другим важным способом накоп-

ления средств для них стала торговля лесом, особенно в Славонии). Банковский кредит, сосредоточенный в 50-х годах в Вене, был труднодоступен и очень дорог, что вызывало нарекания хорватских помещиков¹⁵. Нарастание дворянской оппозиции неоабсолютизму и стало одной из причин переориентации хорватских дворян на союз с венгерским дворянством. Средние же и мелкие "племичи" (дворяне), хозяйство которых уже до 1848 г. находилось в упадке, как социальный слой постепенно исчезали.

Вся описанная сложная процедура "развязывания" феодальных отношений явилась результатом поражения революции 1848—1849 гг., предопределившего трудный путь перехода хорватской деревни к рыночной (буржуазной) экономике.

Патент 1857 г. установил принципы комасации земли. В этом были особенно заинтересованы дворяне и богатые крестьяне, стремившиеся к рациональному хозяйствованию (в 50-х годах каждый землевладелец Хорватии владел 12,6 участками или парцеллами, а, случалось, их число переваливало за сотню, что делало невозможным переход к плодопеременной системе). Сегрегация, комасация, выкуп и др. процедуры, предусмотренные патентом, требовали многолетней работы землемеров и судов и опять-таки сопровождалась злоупотреблениями властей. В дальнейшем землустройство еще более осложнилось в связи с нарастанием противоречий в среде самого крестьянства (разделом пастбищ, распадом задруг).

Итак, в 50-х годах XIX в. крестьянство стремилось освободиться от любых оставшихся от прошлого повинностей, а помещики — сохранить их в возможно большей степени и подчас лишить бывших урбариальных крестьян права на часть их земли. При этом дело доходило до волнений целых сел и вмешательства войск. Законы 1853 и 1857 гг. лишь частично внесли какой-то порядок в аграрные отношения. После них стали преобладать легальные методы борьбы, в основном путем судебных разбирательств. Но и решения судов власти нередко осуществляли, прибегая к насилию над крестьянами, особенно когда речь шла о взыскании с крестьян долгов, связанных с отказом от несения повинностей в 1848 г. и позднее. При этом Вена (министерство, апелляционный суд) отказывалась санкционировать явные злоупотребления бывших феодалов. Правитель-

ство стремилось таким путем держать в узде венгерских и хорватских дворян, оппозиционных политике имперского централизма.

Мы уже отмечали факты ходатайства помещиков о применении насильственных мер (прежде всего наказаний палками и плетьюми) с целью заставить крестьян, ставших свободными, работать в имениях за низкую плату¹⁶. Помещики и власти сетовали на лень крестьян, стремящихся трудиться лишь в степени, минимально необходимой для существования. Крестьянин "глуп, ленив, груб и своенравен", — писал один из чиновников Загребской жупании, считая, что только опека помещика до 1848 г. спасала положение. О том, что эта опека и является причиной отсталости деревни, не говорилось. Справедливо замечание хорватского историка, что в действительности только рынок мог постепенно приучить народ к интенсивному производительному труду, а самих помещиков — к ведению рационального хозяйства¹⁷.

Заставлять крестьян работать на помещиков (если речь не шла о неурбанизованных отношениях) власти уже не могли, но касательно батраков были приняты меры, фактически ставившие их в положение феодальной зависимости. Согласно "указу о слугах" Елачица (1853 г.) хозяин следил за поведением наемника, которому запрещалось даже тратить деньги по своему усмотрению, мог заставлять его исполнять любую работу в любое время, наказывать "без нанесения ущерба здоровью", возвращать в случае бегства и пр.

В начале переходного периода к конституционному режиму (1860—1867 гг.) социальные отношения в деревне стали предметом рассмотрения на хорватском саборе 1861 г. — первом после революции 1848 г.

На саборе 1861 г. большинство принадлежало национальной оппозиции — либералам (народняки, Национально-либеральная партия). Кардинальной задачей, которую пытался решить сабор, было положение Хорватии в составе монархии Габсбургов, гарантия широких национальных прав. Другой проблемой для дворянства и буржуазии был вопрос социальный. Вот как делегаты сабора и издатели его материалов Д. Кушлан и М. Шухай определяли тенденцию сабора в крестьянском вопросе: сабор "был озабочен тем, что-

бы урегулированием некоторых еще сохранившихся урбариальных отношений... устранить те последние связи, которые еще привязывают крестьянина к прежнему господину, и таким образом прилагал все усилия, чтобы излечить эти еще открытые раны на теле Триединого королевства" ¹⁸. То есть имелась в виду ликвидация наиболее нетерпимых остатков феодализма.

Однако в монархии Габсбургов эта задача на хорватской земле решалась столь медленно, что полностью не была решена и спустя полвека. Что касается сабора 1861 г., то он был распущен, так как проявил резкое неприятие централистской политики двора.

Впрочем, по-видимому, Д. Кушлан и М. Шухай несколько украсили позицию сабора 1861 г. Хотя последний не успел принять решение по крестьянскому вопросу, из подготовленных его специальным комитетом материалов видно, что проблему внеселищных участков предлагалось решить путем соглашения между помещиками и крестьянами (факультативно), а предложение отменить повинности за пользование этими участками за обязательный выкуп не прошло ¹⁹. То есть большинство комитета не решилось затронуть интересы помещиков.

Все же в 1861 г. либералы вновь, как и в 1848 г., попытались найти компромиссные решения, хотя бы частично учитывающие интересы крестьян, и тем самым смягчить остроту социального конфликта. При этом большие надежды возлагались ими на просвещение крестьян, которое способствовало бы подъему сельского хозяйства, развитию имущих слоев. С этим либеральные круги — часть купечества, журналисты, учащая молодежь, часть учителей, чиновников, духовенства, входивших преимущественно в Национально-либеральную партию, связывали поддержку в будущем хотя бы некоторыми элементами крестьянства национальных требований, т.е. расширение социальной основы хорватского национального движения. В 1862 г. народняцкая газета "Пбзор" сетовала на то, что "главные сословия нашего народа — высокое дворянство, буржуазия, крестьянство... или ничего не знают, или слабо заботятся" о национальных интересах, которые представлены только лицами, "живущими духовной жизнью". При этом особо отмечалось, что крестьянство — непросвещенное ²⁰. Но хотя народняки ча-

сто жаловались на это, для народного просвещения они сделали очень мало²¹.

Поскольку народняки, как и провенгерское дворянство, выступали против централистского режима в Австрии (1860—1866 гг.), имперские власти (как уже отмечалось) стремились сохранить у крестьян надежду на доброго императора и распространяли слухи, что победа оппозиции в Венгрии и Хорватии приведет к восстановлению крепостничества²². Об этом уже не могло быть речи, но, действительно, магнатство добивалось самого последовательного ограждения интересов крупного землевладения. Потому-то народняцкий публицист Б. Шулек писал, что "барщина отменена навсегда и ни в коем случае не может быть восстановлена", а поэтому автономные права Хорватии (конституция) после 1848 г. являются достоянием "не только господ, но всего народа". Выдавая желаемое за осуществленное, он утверждал, что крестьяне "полностью уравниены в правах с дворянством"²³.

Перманентную напряженность в деревне пытались использовать буржуазные и дворянские группировки. Каждая убеждала крестьян, что именно она в состоянии улучшить ситуацию. Проавстрийская австрофедералистская чиновничье-купеческая умеренно-либеральная группа ("Самостоятельная партия", самосталцы)²⁴, управлявшая Хорватией в 1862—1865 гг., в соответствии с политикой Вены, защищала общие интересы правящих кругов, но отказывалась идти навстречу крайним требованиям помещиков. Влияние самосталцев, однако, не могло распространиться ввиду безудержного роста налогов²⁵. Провенгерская ("мадьяроны", унионисты) группировка, представлявшая в основном дворянство, в связи с этим доказывала, что именно Венгрия, как показал 1848 г., защищает интересы крестьян и только воссоединение Хорватии с Венгрией изменит обстановку на селе в лучшую сторону. Это была демагогия, которая подчас оказывала воздействие на неграмотную массу. Турман быстро рассеялся после 1867 г., когда власть в Хорватии получили унионисты. Но после этого оппозиция стала обвинять во всех бедах венгров и мадьяронов.

Стремясь устранить социальные конфликты в деревне, тормозившие формирование нации (становление среднего слоя), либера-

лы предлагали ускорить выкуп крестьянами неурбанизированных земель, смягчить условия выкупа. Они негодовали по поводу политических тенденций аристократии, протестовали против злоупотреблений помещиков, вызывавших крестьянские волнения.

В 1866 г. народняки вновь предложили сабору законопроект об ускоренном обязательном выкупе внеселянских земель, о гарантиях от захвата помещиками общинных пастбищ. Сабор принял решение отменить "остающиеся феодальные отношения", но за возмещение помещикам, чтобы одна сторона "не получила выгод за счет другой". Это необходимо для перехода "к положению, соответствующему духу и требованиям времени"²⁶. Но Франц-Иосиф, завершавший подготовку политического компромисса с венгерским дворянством (за которым шли и крупные землевладельцы Хорватии), не утвердил принятый сабором закон.

Народняки мечтали о постепенном подъеме хорватской экономики, прежде всего сельского хозяйства. Свои надежды на национальное будущее они связывали как с крупным землевладением, так и с крестьянским хозяйством²⁷. Так, Б. Шулек считал образцом фермерское хозяйство в Англии, Бельгии, Голландии, призывал вводить новый инвентарь, строить дороги, организовать переселение крестьян, дать им необходимое образование, обучить производительному труду²⁸, т.е. развивать интенсивное торговое земледелие. Но при всем том основное внимание этого выдающегося либерального публициста еще было обращено на проблемы помещичьих хозяйств. По-видимому, крестьянское хозяйство в 60-е годы еще не созрело для модернизации. Епископ Штрессмайер, владелец большого церковного имения и лидер народняков, в 1867 г. одобрял издание просветительской "народной библиотеки" для крестьян, содержавшей минимум полезных знаний²⁹. "Наша главная забота — просветить крестьянство", — утверждал "Побор", ибо в интересах нации "подъем сельского сословия", к которому газета относилась всех занятых в сельском хозяйстве³⁰.

Просветить крестьян имелось в виду не только в агрономическом или бытовом отношении, но и в национальном, т.е. в сфере национального самосознания. В связи со всем этим газета призывала хорватское дворянство последовать английскому примеру, где

дворянство находится "во главе либерального движения", является "головой национального тела" и пользуется общим уважением³¹. Но в Хорватии надежд на это было мало. Другим, более близким примером была Чехия. Чешское крестьянство в 60-х годах уже участвовало в национальном движении, которое стало массовым. Один из идеологов народняцкой партии президент Югославянской академии наук и искусств Франьо Рачкий писал в 1870 г.: "Нам следовало бы поднять народ духовно и материально... Чехи добились успехов, когда национально настроенные люди взяли в свои руки материальные интересы чешского народа"³².

Наряду с народняками в 60-е годы на политическую арену выступила первоначально небольшая мелкобуржуазная группа — "партия права" (праваши), выдвинувшая национально-радикальную программу (национальный суверенитет, возможно в форме личной унии с Австрией и Венгрией) и придерживавшаяся великохорватской идеологии. Партия проповедовала республиканские идеи, всеобщее избирательное право, протестовала против личного представительства латифундистов-аристократов в саборе. Основатели и идеологи партии права Анте Старчевич и Эвген Кватерник, оба юристы по образованию, не раз писали о крестьянстве. Старчевич называл крестьянство основой нации, самым нравственным, ценным и трудолюбивым сословием, указывал на необходимость его культурного и экономического развития для будущего Хорватии. Это было понятно, потому что крупный капитал и крупное землевладение преимущественно были нехорватскими. Кватерник считал образцовой французскую деревню, в которой приобладали свободные крестьянские хозяйства. Ссылаясь на Адама Смита, он указывал на неэффективность латифундий и издольной аренды³³ (столь характерной для Хорватии!), преимущества среднего и мелкого хозяйства. На саборе 1861 г. Кватерник выступил за скорейшую ликвидацию крестьянских повинностей помещикам, за право крестьян на горные и чиншевые земли, за обязательный их выкуп крестьянами³⁴ (т.е. за программу либералов).

В 1883 г. Старчевич обвинял дворянство в утере нравственности и поклонении деньгам как идолу ("деньги — единственное условие власти и влияния" в Хорватии, отмечал он, денежные люди пи-

тают презрение как к простому человеку, так и к знатной фамилии... Важная для историка констатация). Старчевич нашел горькие слова, описывая состояние крестьян (повинности, долги, продажа урожая за четверть цены осенью, покупка хлеба весной и т.д. и т.п.) "От содрогания мы не в состоянии продолжать статью", - завершает автор³⁵. И все! Никаких надежд и идей...

В 60-х годах Э. Кватерник поддерживал либеральные проекты скорейшего выкупа оставшихся повинностей с тем, чтобы развязать производственную инициативу крестьян. Проект привилегированного дворянского банка вызвал с его стороны острую критику: необходимо облегчение кредита для "плебеев". Он призывал всех землевладельцев — крупных, средних и мелких, весь народ без различия сословий со всей энергией заниматься земледелием и приводил пример К.Б. Кавура, выдающегося государственного деятеля Италии, который вместе с тем был образцовым сельским хозяином.

Газета правашей "Хрватска" развивала аналогичные идеи, она утверждала в 1871 г., что "наиболее счастлива" страна, где наряду с крупными владениями есть множество средних и мелких, а "каждый работник имеет домик и немного земли". При этом каждый старательный хозяин стремится увеличить собственное хозяйство (все тянутся вверх). В этих условиях, полагала газета, не возникает опасного для собственников рабочего вопроса³⁶. Кватерник при этом высказывался принципиально в пользу "малого и среднего" владения. В условиях широкого распространения виноградарства малое владение в Хорватии выгодно. "Оно дает экономические, моральные и политические преимущества"³⁷.

В предвыборной программе 1871 г. праваша в весьма общей форме говорили о необходимости "хороших отношений между крестьянами и помещиками или справедливого урегулировании урбаниальных и социальных отношений"³⁸. Подобно, например, мадзинистам, ранние праваша представляли не крестьянство, но стремились сплотить все слои нации в борьбе за национальное освобождение.

При всем том, мечтая о национально-освободительном восстании против Габсбургов в благоприятный для этого момент, Ква-

терник не мог не задуматься об основной силе, которая была в состоянии пополнить ряды повстанцев — крестьянах. Не будучи идеологом крестьянства, он надеялся, что глубокие социальные противоречия в деревне станут стимулом для выступлений крестьян во имя национального дела. Он обсуждал этот вопрос с деятелем польской революционной эмиграции В. Пшибыльским в 1864 г., т.е. во время польского восстания. Кватерник рассказывал о недовольстве хорватского крестьянства, "о разных повинностях и тяготах... указал на необходимость, чтобы (будущее. — В.Ф.) Национальное правительство отменило горницу с возмещением за некоторые ее виды, *jura regalia*... урегулировало пользование лесом, чтобы ... добиться любви со стороны населения". "Эту (революционную национальную. — В.Ф.) деятельность надо вести, опираясь на простой народ", — говорил он польскому деятелю Ю. Орденге и выражал надежду на то, что праваша возглавят "весь простой народ". По примеру ирландцев, как он надеялся, хорватские крестьяне поднимутся за свободу с национальным знаменем, католическим крестом и мечом³⁹.

Отделение Хорватии от Австро-Венгрии (реальных шансов на это в конце 60-х — 70-х годах не было) означало бы ослабление социально-политических позиций помещичьей аристократии, в большинстве ионациональной и опиравшейся на поддержку извне⁴⁰.

В 1871 г. в партии права наметилось левое крыло с социально-анархистской демократической тенденцией. В противовес Кватернику левые праваша (Ф. Матасич и др.) находились под влиянием М.А. Бакунина и его "Альянса", прославляли якобинцев, Парижскую коммуны 1871 г. и, рассматривая в легальной газете ситуацию в Италии, предлагали передать крестьянам (возможно, бесплатно) обширные церковные земли⁴¹. Левые праваша действовали недолго, их взгляды по аграрному вопросу не известны, но сильные симпатии к бакунизму и, по-видимому, связи с бакунистами дают основание для определенных предположений⁴².

Крупный правительственный чиновник отмечал в 1867 г., что в Хорватии "горючего материала имеется в изобилии" и он "может вспыхнуть страшным пламенем". Действительно, возбудить крестьян было легко. В то же время к систематической политической

борьбе крестьянство еще было неспособно. Достаточно сказать, что в 1869 г. в Хорватии неграмотные среди мужчин составляли 74,4%, среди женщин — 86,8%⁴³.

В 1861 г., в условиях австрийского авторитарного режима, в пригороде Карловаца нападению толпы крестьян подверглись члены патриотического певческого общества, одетые в национальные одежды и имевшие с собой национальный флаг. Крестьяне заявляли, что они за Венгрию, а патриоты снова хотят их обмануть, как в 1848 г. Причина крайнего возбуждения жителей, находившихся на грани голода, заключалась в том, что хорватский суд заставил их нести горницу и платить недоимки местному венгерскому графу. Связи крестьян с городом, с городским обществом были незначительными⁴⁴, а с национальным движением, как видим, отсутствовали (имеются и другие примеры провенгерских демонстраций).

Более того, по свидетельству хорватского Наместнического совета (правительства), в 60-е годы "сопротивление вооруженной силе со стороны сельского населения в последнее время стало проявляться чаще и упорнее"⁴⁵. Основные причины этого, по мнению властей, заключались как в отношениях с помещиками, так и невыносимых налогах.

Мы расскажем несколько подробней только об одном (но наиболее серьезном в 60-е годы) конфликте, так как в нем четко выявились тогдашние противоречия в деревне и образ мыслей и действий сторон⁴⁶. В 1866 г. крестьяне общины Шешлявич, уже много лет спорившие из-за угодий с именем баронов Джуро и Левина Раух, посчитали несправедливым решение хорватского суда относительно сегрегации леса и луга и пожаловались хорватской Придворной канцелярии в Вене, а затем и Францу-Иосифу. При этом они ссылались на решения жупанийских властей 1768 и 1846 гг. Но император подтвердил решение суда. Сегрегация была проведена и вслед за этим имение сдало в аренду свою часть лесного участка для вырубki. Крестьяне, продолжавшие ожидать защиту со стороны государя, требовали рубку прекратить и, кроме того, в 1867 г. община предъявила счет предпринимателю-арендатору за провоз леса по ее территории. Власти признали эту претензию неправомерной. Осенью 1866 г. бароны пожаловались в прокуратуру на крестьян, явочным

порядком пригнавших в помещичий лес свиней для откорма. Наказания не последовало, и в мае 1867 г. эта акция повторилась. Далее, весной крестьяне с угрозами прогнали помещичьих работников, пахавших землю. На суд представители общины не явились. Братья-помещики, отмечая, что "крестьяне требуют рассмотрения дела Его Величеством, а власти для них ничего", предупреждали, что ввиду нерешительности чиновников "социальные отношения" могут привести к анархии и катастрофе (действительно, хорватский канцлер Иван Мажуранич был политическим противником баронов-унионистов и не спешил идти им навстречу).

Наконец, в июле 1868 г., когда у власти уже находились унионисты, а обязанности бана исполнял Л. Раух, несколько задруг было оштрафовано за проезд по пахотному полю помещика, но толпа крестьян закидала чем попало пристава, прибывшего для описи имущества (в счет штрафа). В село была послана сотня солдат. "В слепом отчаянии", как докладывал офицер, масса крестьян, вооружившись кольями, преградила ей путь. Сотня была отведена. Тогда Наместнический совет приказал "навести порядок силой". Солдаты, на этот раз вместе с жандармами, вернулись, но их уже ожидали мужики и бабы с вилами, косами, мотыгами и др. В церкви звонили в колокол, масса народа росла, "грозя убить всякого, кто попытается пройти". Двое жандармов были ранены. Началась стрельба — погибло девять мужчин и женщин, было много раненых (по официальному докладу — сорок). Делегация крестьян однако заявила, что "никто и слышать не хочет, чтобы покориться и платить". Только когда солдаты были размещены в избах на постой (обычная мера властей против строптивых крестьян вплоть до 1914 г.), население "сдалось". Следствие выявило, что местные священники и учитель помогали крестьянам. К заключению в тюрьме (до 3-х лет) был осужден 21 человек, при этом суд отметил, что "они и теперь считают, что были правы".

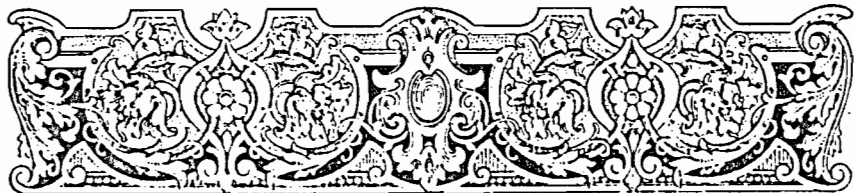
Обращает на себя внимание изменение тактики властей в отношении крестьян с 1867 г. (о чем еще будет сказано). В заключение упомянем, что споры и судебные тяжбы крестьян против баронов Раух завершились только в начале XX в. (при этом обе стороны не были удовлетворены)⁴⁷.

Отчаянное положение, в котором оказывалось множество крестьян в результате сегрегации и других процессов, в частности распада задруг (о чем см. ниже), способствовало сохранению традиционного хайдучества, т.е. разбоев и грабежей, как формы борьбы бедноты. При этом население укрывало хайдуков. Одного из известных тогда атаманов хайдуков Удманича хорватский публицист и национальный деятель 40–60-х годов Л. Вукотинович охарактеризовал как "социального анархиста"⁴⁸.

В 60-х годах произошли и первые выступления (волнения) сельскохозяйственных рабочих, поденщиков в Среме, где социальные противоречия (как и в соседних южных комитатах Венгрии) отличались особой остротой. Здесь особенно многочисленной была беднота, владевшая небольшим наделом и безземельная. Стадия развития движения этих слоев приходится на конец XIX – начало XX в.

Глава 4

КРИЗИС ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

(последняя треть XIX в.)

Либералы и радикалы о крестьянском вопросе

Значительные последствия для крестьянского вопроса в Хорватии имело установление австро-венгерского дуализма в 1867 г. Общественно-политический строй Австро-Венгрии основывался на компромиссе между династией, поддержанной частью австронемецкой аристократии и банковско-промышленными кругами Австрии, с одной стороны, и крупными землевладельцами и примыкавшей к ним крупной торгово-финансовой буржуазией Венгрии, с другой. Таким образом формальное государственно-политическое равноправие Венгрии (Транслейтании) с Австрией (Цислейтанией) означало гегемонию венгерской земельной аристократии в Венгерском королевстве, с которым согласно договору 1868 г. ("Нагодба") была воссоединена Хорватия, сохранившая административную, судебную и культурную (церковь, школа и др.) автономию. Назначение хорватского бана происходило по рекомендации венгерского правительства. Конституционный парламентский режим, установленный в Венгрии, в этих условиях имел специфические дворянские черты: он обеспечивал социальные интересы помещиков.

Уже в июне 1867 г. баном был назначен венгерофил (унионист) крупный помещик барон Левин Раух. Венгерский премьер Д. Андраши в 1867 г. выражал уверенность, что "крупные земельные собственники" в Хорватии будут опорой нового режима¹. Действительно, унионистское большинство сабора не пропустило подчеркнуть, что хорвато-венгерский договор 1868 г. "гарантирует наши выкупные облигации"².

Вопреки обещаниям венгерских противников централистского устройства при дуализме продолжался рост налогов, процесс оскудения большинства крестьянства получил импульс. Если ранее венские власти маневрировали, стремясь сохранить какую-то видимость объективности и подчас пресекая наиболее нетерпимые проявления помещичьего произвола, то с 1867 г. в Хорватии фактически установилась диктатура бывших феодалов. Народняцкий "Пбзор" отмечал, что помещики при поддержке властей нередко взыскивают с крестьян повинности в двойном размере³. Как было упомянуто, Франц Иосиф не утвердил аграрные законопроекты либералов. "Пбзор" зафиксировал драматическую сцену в саборе, где депутаты-унионисты "улыбаясь слушали рескрипт, содержащий отказ в утверждении законопроектов об урегулировании горных, чиншевых и различных иных отношений, оставшихся от крепостничества"⁴.

В новой обстановке усиленно проводилась сегрегация лесов и пастбищ. Российский консул в Риеке в 1867 г. отмечал, что власти Хорватии "отводят наилучшие участки помещикам, а наихудшие и нередко вдали от самого жительства — поселянам, которые таким образом бывают принуждены продавать отводимые им участки прежним их владельцам. Со временем произойдет то, что леса и пастбища станут исключительно собственностью древних феодалов"⁵. Тот же автор констатировал, что само население считает эту деятельность следствием "аристократического начала, господствующего в нынешней администрации... Уже бывали примеры, что сельское население выказывало вооруженную оппозицию властям"⁶.

В годы дуалистского режима в сабор поступали многочисленные жалобы крестьян, которые клались под сукно. В 1870 г. сабор

признал патенты императора об урегулировании урбариальных отношений⁷.

Большое внимание было уделено порядку получения помещиками выкупа, организации кредита для крупных землевладельцев. Было провалено предложение отделить суд от администрации, при этом консерваторы ссылались на "темноту народа"⁸. Подверглась преследованиям буржуазно-либеральная оппозиция.

Уместно привести несколько документальных свидетельств аграрной политики конца 60-х — начала 70-х годов (по материалам сабора). Так, в сентябре 1868 г. не были даже рассмотрены две жалобы жителей Ирига (500 подписей) "на угнетение со стороны своего спахии (тур. — феодала. — В.Ф.), т.е. монастыря Опова". Для рассмотрения их требовалась поддержка, хотя бы одного депутата. Любопытен обмен мнений депутатов: "...ничего ни читать, ни обсуждать", "но надо хоть содержание узнать, тогда, быть может, кто и поддержит" (И.Брлич, либерал); "дело ясное — о выкупе виноградников" (крестьяне Ирига отказывались нести повинности); председатель: "это вопрос формальный, нечего делать исключений... нечего читать!" и т.п.⁹ И затем: "великаши (магнаты. — В.Ф) в новое время показали большую преданность и принесли большие жертвы"¹⁰.

В 1869 г. сабор придал конституционную силу патенту 1857 г. о выплате помещикам возмещения в течение 40 лет. В 1857 г. эта сумма составляла 12 млн фор. При ежегодном росте в 5% сумма должна была в 1897 г. достигнуть примерно 28 млн фор.¹¹ Много и с пристрастием говорилось о деталях операции выкупа, поддержании уровня ценных бумаг, выданных государством помещикам в счет выкупа, о том, что их стабильность должна стать "первой заботой правительств" Венгрии и Хорватии (цена их падала). Подчеркивалось, что "согласие между общинниками и землевладельцами невозможно, пока отношения, касающиеся леса и других бенефиций не будут решены"¹².

В сентябре 1869 г. началось обсуждение проекта аграрного закона — о ликвидации отношений "близких урбариальным" (или "урбариально-родственным"). Напомним, что спустя 21 год после революции 1848 г. крестьяне продолжали нести повинности за внеселищные участки, горно-чиншевые и раскорчеванные земли, некоторые виды земель, считавшихся арендованными, за "регальное право" со-

держания мельницы и корчмы... Специальный комитет, вопреки мнению части помещиков, в своем докладе предложил бесплатно отменить сохранявшиеся регальные права на ловлю птиц и рыбы, а выкуп повинностей за внеселишные земли сделать обязательным, т.е. произвести денежный перерасчет отработок и платы натурой; корчмы предлагалось выкупать общинам, мельницы — отдельным лицам и разрешалось строить новые¹³.

Землевладельцы-помещики стремились произвести расчет с крестьянами, но на наиболее благоприятных для себя условиях. Весьма упорными поэтому были дискуссии по поводу оценки той или иной повинности (большинство при этом отстаивало принцип "соглашения" с крестьянами). Либерал М. Хрват отметил, что патент 1853 г. предусматривал выкуп горно-чиншевых участков "по местным ценам" (а не ценам на отдаленных рынках), реально существовавшим до 1858 г., а ныне (спустя 16 лет после указа) предлагается вести расчет по современным ценам, которые поднялись в три раза, и тот помещик, который затягивал выкуп, выигрывает. В докладе, по мнению Хрвата, завышены цены на вино (т.е. доход от горных земель). Другие ораторы утверждали, что "цены хороши", выгодны помещикам, которые поэтому согласятся на выкуп, а если оставить прежние, дело затянется. И. Брлич в ответ утверждал, что феодализм отменен в 1848 г. и помещики не должны исходить из современных цен. И — добавил он политический аргумент — Хорватия, наконец, имеет автономное правительство, от него "народ ждет облегчения... и очень неподходяще было бы, если первый шаг сабора был бы в тягость народу"¹⁴. Но большинство проголосовало за завышенные цены на вино.

Либералы С. Хрвоич и И. Брлич предлагали без выкупа отменить право содержать корчму, а М. Хрват — выкупать лишь мельницы, построенные до 1848 г. (комитет предлагал выкупать все мельницы), так как тогда крестьяне стали по закону свободными людьми и, следовательно, могли бы строить, что хотели. По существу он пытался проигнорировать сохранявшиеся после 1848 г. остатки феодальных отношений. Это вызвало возражения большинства — защитников интересов правых и либеральных (точнее, праволиберальных) помещиков: закон отменил не все повинности в 1848 г.!

М. Броз подчеркивал в 1872 г., что, несмотря на отмену барщины, "зависимость от бывших господ сохранилась", так как не осуществлено урегулирование отношений, "сходных с урбариальными", предусмотренное еще патентом 1853 г. Даже весьма ограниченный законопроект, подготовленный сабором в 1869 г., правительством (унионистов. — *В.Ф.*) заблокирован (не представлен на утверждение королем-императором. — *В.Ф.*). "В этот конституционный период (т.е. с 1867 г. — *В.Ф.*) никто не подумал о решении этого важного для народа вопроса". Необходимо, чтобы "всякая зависимость между бывшими кметами и господами прекратилась, чтобы каждый знал, что ему принадлежит". Без этого неизбежным является упадок сельского хозяйства, "так как кто станет вкладывать свои средства и труд в обработку виноградников, требующую максимального внимания, старательности и расходов, если нет гарантии, что данный участок земли, из которого, прилагая самый большой труд, надо извлекать максимум пользы, принадлежит ему. Я, — говорил М. Броз, — живой свидетель того, что люди целый ряд лет не удобряли землю, которой предстоит комасация"¹⁵. Далее, продолжал депутат, необходимо урегулировать отношения в крестьянских общинах, "чтобы каждый общинник независимо располагал своим имуществом... чтобы имущество его и надел были гарантированы от незваных и незаконных сопользователей", земельную собственность в Хорватии "необходимо поставить под защиту государственной власти... от нестабильности... от производа и злоупотреблений"¹⁶. В 1872–1875 гг. сабор получил целый ряд крестьянских петиций, ставивших эту проблему и содержавших жалобы на произвол, самоуправство чиновников, разорительные штрафы, телесные наказания.

Но бюрократическая машина реагировала очень медленно¹⁷. Значительный шаг все же был сделан на следующей сессии (1875–1878 гг.). Здесь вновь раздавались голоса о жизненной необходимости выкупа внеурбариальных повинностей, сохранение этих повинностей вновь (как и в 1861 г.) характеризовалось как "кровотокающая рана" Хорватии, как "причина многих убийств и расстрелов во время экзекуций"¹⁸, говорилось о том, что повинности взимают-

ся "кровавыми и насильственными способами"¹⁹. Продолжались (уже более четверти века!) дискуссии юридического характера относительно статуса различных категорий внеселищных земель. Было констатировано, что за прошедшие после издания патента 1853 г. десятилетия нечасто удавалось достичь соглашения между крестьянами и помещиками об условиях их выкупа²⁰. За два с лишним десятилетия после патента 1853 г. крестьянство выкупило лишь 1/5 площади горно-чиншевых участков²¹.

Сабор приступил к подготовке закона "об окончательной ликвидации повинностей" с внеселищных, горно-чиншевых и раскорчеванных участков, и в связи с этим разгорелась полемика по каждому пункту: скрупулезно определялась цена вина, пыплат, льна, конопля и пр., чем крестьянин оплачивал право обработки помещичьей земли, при этом депутаты, сочувствовавшие крестьянам, стремились занижить эти цены, их противники добивались обратного, "центр" же стремился не обидеть обе стороны. Так, к примирению призывал власти, крестьян и помещиков известный владелец торговой фирмы и деятель национального движения Анте Якич, ради мира в деревне он убеждал дворянство скорее освободить мужиков от натуральных повинностей (на Западе, да и в России, утверждал он, их уже нет²²; (по-видимому, хорватский оратор не знал о российских "отрезках" и "отработках", отравлявших жизнь миллионам крестьян, которые из-за малоземелья были вынуждены работать на господ, не столь давно продававших и засекавших до смерти их отцов, матерей и дедов).

В 1876 г. наконец был принят закон, заменивший факультативный выкуп внеселищных земель обязательным. Вся капитализированная рента (с процентами) крестьяне должны были выкупить (выплатить казне) к 1898 г. (имели право сделать это и раньше). Эта сумма записывалась на хозяйство крестьянина как ипотечный долг. Правительство выдавало помещикам облигации, которые периодически погашались²³. Короче, порядок "развязки" был аналогичным тому, который был принят в отношении урбариальных наделов. Уже начавшийся (в 1872 г.) длительный аграрный кризис (падение цен) и усилившееся в связи с этим обеднение большинства крестьян затянули выкуп до XX в. А пока что крестьяне продолжали нести повинности. Крестьянин мог немедленно "развязаться", отдав внеселищный участок помещику.

В целом, из 1255 общин эта развязка крестьянского и помещичьего хозяйства за три десятилетия (1858—1889 гг.) была осуществлена в 1052 общинах; в 1890 г. в 200 общинах имущественные отношения с помещиками урегулированы не были²⁴. Все же эти данные свидетельствуют о том, что при всех остатках старого постепенно закладывалась юридическая основа будущего развития сельского хозяйства.

Из всего сказанного видно, что во второй половине XIX в. борьба шла не за "помещичий" или "крестьянский" способ ликвидации феодализма — этот вопрос был решен в 1848, 1853, 1857 гг. в пользу помещиков — и за то, чтобы несколько смягчить для крестьян трудности помещичьей "развязки", и за то, чтоб ускорить эту процедуру. В выступлении М. Броза было указано на это важное обстоятельство (отметим, что о том же прогрессивные деятели говорили и спустя десятки лет!).

В 1870 г. либерал И. Брлич выступил за снижение имущественного избирательного ценза, против сохранения двухстепенной для крестьян системы выборов, ибо "этого нет нигде в Европе", за тайную подачу голосов; в то же время он оговаривался, что не имеет в виду всеобщее избирательное право (за последнее выступали правящие или, по крайней мере, их левая, более радикальная часть). Но была сохранена система, согласно которой (с 1848 г.) избирательным правом фактически владели 6—7% мужчин, а правительство могло управлять, в основном опираясь на голоса зависимых от него чиновников. И все же голоса крестьян-хозяев имели значение и за них уже начиналась борьба правящей группировки и оппозиции, что начало втягивать крестьян в политическую жизнь. Другим весьма существенным обстоятельством политизации деревни, распространения здесь национальной идеологии в последней четверти XIX в. был выход крестьянских хозяйств на городской рынок.

В 1872 г. преподаватель, юрист по образованию Милан Маканец требовал полной отмены телесных наказаний (речь шла о крестьянах), поскольку Хорватия была, по его словам, "последней страной монархии", где людей за повторные преступления избивали палками²⁵. Человек, известный своими радикально-демократическими воз-

зрениями (он помогал рабочим в создании первых обществ), Маканец увязывал сохранение сословного неравноправия "низов" с политическим преобладанием в Хорватии земельной аристократии. В 1873 г. он говорил: "...все, что дает основание нашему народу числиться среди цивилизованных народов, исходит по большей части от сынов крестьян и из домов горожан, а это далеко от дворцов аристократии — там еще слышится звон кандалов, посредством которых она правила народом и мучила его..." Эти аристократы гордятся тем, что из их среды не вышло ни одного студента академии (имеется в виду загребское высшее юридическое училище, в 1874 г. преобразованное в университет. Это был центр подготовки национальной интеллигенции. — В.Ф.) и с презрением относятся к литераторам²⁶.

Действительно, в 1850–1881 гг. среднее образование в Хорватии получали по преимуществу дети интеллектуалов, затем торговцев и ремесленников, тогда как число выходцев из высших слоев, а также — и это для нас представляет особый интерес — из крестьян было незначительным²⁷.

Характеризуя итоги первого пятилетия дуалистического конституционного режима (1867–1872 гг.) — при этом следует учитывать, что тогда происходил грюндерский бум в Австро-Венгрии, в слабой степени сказывавшийся и в Хорватии²⁸, — М. Маканец, отметил "сильный материальный регресс" народа, т.е. крестьян, ремесленников, мелких торговцев. В связи с распадом традиционных социальных структур и крайне замедленным формированием новых (а временами даже их стагнацией) — не только в земледелии, но и в промышленности, а это особая тема²⁹, социальная напряженность, несколько снятая в 1848 г., в третьей четверти XIX в. нарастала, что продолжалось и в дальнейшем³⁰.

Спустя примерно 25–40 лет после освобождения крестьян в разных странах восточной части Центральной Европы наблюдались качественные сдвиги социально-экономического, политического и культурного характера. Деревня переходила к рыночной экономике, процесс социального расслоения деревни (на фермеров различного социального происхождения, среднее крестьянство и массу люмпе-

низированной бедноты, сельского полупролетариата и пролетариата) уже приводил к значительному росту производства продуктов земледелия и животноводства. Помещики и аграрная буржуазия сближались, составляя слой аграриев. В большинстве стран региона этот процесс осложнялся не ликвидированными и даже воспроизводившимися остатками полуфеодальных отношений.

В Хорватии промышленность, несмотря на оживление 1900-х годов, оставалась на низком уровне, городское население было малочисленным, внутренний рынок узким. Обеднение большинства крестьянства в условиях демографического роста и слабости отечественной промышленности уже к 1880-м годам привело к скрытому перепаселению деревни. Беднота все чаще уходила на заработки, крестьяне, не порвавшие с деревней, находили применение своим силам на рудниках, лесопереработке и в других отраслях промышленности³¹.

Но в Хорватии рабочих мест было мало. С 1880-х годов пролетаризация крестьян стала более интенсивной, заметной становилась эмиграция³². В историографии относительно этого времени отмечен характерный факт: помещики перестали жаловаться на нехватку работников, на нежелание крестьян работать³³. Наоборот, бедноте (именно она, а не полностью пролетаризованный слой, еще поставляла большинство поденщиков) приходилось соглашаться на самые неблагоприятные условия найма и аренды, брать хлеб взаймы уже зимой с отдачей из будущего урожая, продавать хлеб на корню ("зеленило") скупщику, ростовщику. На востоке страны (Срем), в хлебном районе, все более широкое распространение в трудную пору получила поденщина³⁴. Нередко непременным условием приема на работу становилась взятка ("подарки") и т.д.

При этом даже в начале XX в. в Хорватии сохранялись ошутимые элементы сословного неравенства крестьянства (см. ниже). В таких условиях трудно говорить о классическом "прусском пути" развития земледелия. Последний был присущ Германии, которая во 2-й половине XIX в. становилась мощной промышленной державой с емким национальным аграрным рынком. Ввиду сохранения разнообразных, все время воспроизводившихся форм кабальных отношений

в деревне и исключительного значения внешнего рынка Хорватия, входившая политически в состав Центральной Европы (с ее крупным землевладением, как характерной чертой), но особенностям перехода к буржуазной экономике во многом сближалась с балканскими странами.

В 1873–1895 гг. Хорватия, наряду с рядом других сельскохозяйственных стран, переживала аграрный кризис, связанный с падением цен на зерно в Европе в 2–3 раза. Последнее было связано с быстрым ростом морского пароходства и сети железных дорог, что способствовало массовому вторжению на европейский рынок дешевого хлеба из Америки и России³⁵. Падение цен усугубило кризис хорватского села в период формирования буржуазной экономики (данный период в Хорватии был длительным и захватил межвоенные годы), ускорило изменения структуры села (обуржуазивание и пролетаризацию) и переход к товарному хозяйству. Это сопровождалось исчезновением большинства мелких и средних помещичьих имений, ускорившейся распродажей части латифундий, преобразованием патриархального крестьянского хозяйства, особенно трудным в обстановке продолжавшегося во время аграрного кризиса роста налогов (более чем в два раза)³⁶ и явлениями первоначального накопления капитала (т.е. разного рода незаконными и даже несильственными акциями, которые вели к изъятию у крестьян их собственности; сюда надо отнести действия коррумпированных чиновников, землемеров и др.).

За первое десятилетие кризиса (1873–1883 гг.) потребление соли в Хорватии снизилось в 2,5 раза – это наиболее характерный признак обнищания массы населения деревни, т.е. почти 9/10 народа. Имеющиеся данные о стоимости проданных за долги (казне, заимодавцам) крестьянских участков – как в последней трети XIX, так и в начале XX в. – не отражают подлинной цены земли, построек, скота, инвентаря, так как во время многочисленных аукционов цена резко падала и хозяйства, случалось, распродавались за бесценок. Поэтому продажа крестьянских участков подчас даже искусственно тормозилась "денежными людьми" и их организациями.

Глава 5

ВОЕННООБЯЗАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ (ГРАНИЧАРЫ)

Народняки и праваши и проблема демилитаризации области.

В 1881 г. к Хорватии была присоединена территория демилитаризованной Хорватско-славонской Военной границы, точнее воссоединена часть ее прежних земель, входивших в состав королевства до османских войн¹. О важности этого для судеб Хорватии свидетельствует рост ее территории примерно вдвое, а населения — с 1,16 млн человек до 1,8 млн².

Проблемы крестьянства новой области отличались значительным своеобразием. Для их понимания надо кратко охарактеризовать институт Военной границы и отношения, сложившиеся там к моменту демилитаризации (1869—1871 гг.). Военная граница вдоль южного рубежа государства Габсбургов сформировалась в XVI и XVII вв., когда отдельные группы военных поселений слились в особую территорию³. Сельское население Военной границы (граничары) составляли как местные жители, так и беженцы из областей, захваченных османами.

Это были югославяне-католики, в среде которых в XIX в. распространялось хорватское национальное самосознание, и православные сербы. Их обязанностью первоначально было охранять австрийскую границу от набегов с юга. Военную границу содержали

власти южноавстрийских земель, частично Хорватия и во все большей мере — венское правительство. Границары пользовались определенным самоуправлением.

При абсолютизме какое-либо самоуправление было устранено, верховным собственником земли на Военной границе был объявлен император, а военные поселенцы — его ленниками (1754 г.). Они были обязаны за пользование землей нести военную службу. Фактически границары являлись государственными крестьянами и находились в военно-феодальной зависимости от Габсбургов. Год 1754 — несомненно важнейший рубеж в истории Военной границы, точнее, социального и правового положения ее населения (эту дату обоснованно называют как автор статьи об австрийской Военной границе в русском военном журнале еще в 1861 г., так и автор новейшей австрийской монографии)⁴. Именно тогда завершился процесс законодательного подчинения всей жизни населения территории интересам австрийского военного ведомства.

Целью администрации Военной границы было обеспечение граничарского войска за счет самого населения. Этому и было подчинено все хозяйство. "Основной закон" (Грундгезетц) для Военной границы 1807 г. признал граничар. наследственными ленниками, землю у которых изъять было нельзя пока они несли службу⁵. Наряду с пахотным участком в пользовании граничарских общин находились леса и пастбища. Однако после 1848 г. эти права на уголья урезались.

Все население Военной границы, включая членов граничарских семей, рассматривалось как "часть австрийской армии" и находилось под властью офицеров, распорядившихся не только военными делами, но и хозяйственной деятельностью граничар, и даже вмешивавшихся в их личную жизнь. С этой целью наряду с военными командирами была введена должность "административных офицеров" или "управленцев", также подчиненных военному командованию (командирам региментов, т.е. полков).

Военная граница состояла из генералатов и территориальных полков по 12 рот каждый. Обычно село составляло общину, несколько общин — ротный округ⁶.

Границары платили налоги, несли государственную и общинную трудовую повинность — прокладывали и ремонтировали дороги,

строили казармы, склады и жилые здания, рубили лес, перевозили грузы (подводная повинность) и др. Трудовая повинность зависела от размера земельного участка. Так, по закону 1807 г. за 1 ютро (0,57 га) пахоты граничар должен был отработать 1 день (или 1/2 дня с упражкой). Законный максимум отработок — 18 дней в году — обычно превышался, так как военные власти были всемогущими⁷.

В мирное время регулярные экзерции и повинности отнимали от хозяйства массу рабочих рук. Так как практически военная служба в XIX в. стала поголовной, ведение хозяйства легло на плечи женщин, инвалидов и детей⁸. "Сами граничары работают редко", — сообщал русский консул в Риеке в 60-х годах XIX в.⁹ В середине XIX в. граничары пользовались средневековым инвентарем. Социальная мобильность на Военной границе была возможна скорее в военной сфере, чем в экономике.

Во второй половине XVIII—XIX в. граничары участвовали во всех войнах, которые вели Габсбурги в Европе. Комплектование войск повсюду в империи велось путем рекрутского набора, а на Военной границе — поголовного, поэтому граничары несли несоизмеримые с численностью населения Границы потери убитыми и искалеченными¹⁰.

Всевластие военного начальства над населением открывало возможность для всевозможного произвола, взяточничества, насилий. Офицеры заставляли граничар работать на себя. Любое неповиновение наказывалось арестом, розгами, палками (женщин и детей разрешалось наказывать не палками, но только плетью). Беспощадным наказанием было проведение сквозь строй (до трех тысяч ударов). Не только военнообязанные, но и члены их семей подлежали ведению военных судов. Эти порядки (и особенно их неоднократное ужесточение) вызывали волнения и восстания граничар, дезертирство в леса и горы, в соседние османские владения, создание шаек разбойников, против которых предпринимались карательные операции (вплоть до 70-х годов XIX в., т.е. до демилитаризации области).

Военные власти стремились законсервировать патриархальный быт граничар, прежде всего большую семью (задругу), которая кое-как могла поддерживать хозяйство даже в случае мобилизации боль-

шинства мужчин. Заниматься ремеслом и торговлей, уходить на заработки, вообще отлучаться из села граничар мог только с разрешения командования. Это была огромная казарма для всего населения¹¹.

Несмотря на усилия властей по сохранению патриархального быта Военной границы под видом "исконных национальных традиций населения", в граничарской среде все же возникали товарно-денежные отношения. Разного рода стеснения прав граничар придавали им особенно уродливые формы. Из-за невозможности свободно распоряжаться землей ростовщичество приобрело особо жестокий характер. В XIX в. масса населения быстро беднела и едва могла вести хозяйство. Торговля и отходничество увеличивали имущественное неравенство граничар, усиливали конфликты в их среде.

Чтобы как-то разрядить социальную обстановку на Военной границе, когда в государстве повсеместно развивались товарно-денежные отношения, и заинтересовать граничар в военной службе, власти пошли на уступки. В 1807 г. земля, находившаяся в пользовании граничар, была разделена на "основную" (Stammgut) неотчуждаемую, с площадью участка не меньше $1\frac{1}{4}$ сессии, т.е. 6 ютров (ок. 4 га), и "дополнительную" (Überland), которой можно было распоряжаться свободно. Раздел основного участка мог быть произведен только с разрешения командования, но так, чтобы численность военнообязанных не уменьшалась.

Центрами ремесла и торговли на Военной границе являлись "военные коммунитеты" — поселки городского (в лучшем случае) или сельского типа с избираемым магистратом, который, однако, подчинялся военному командованию, да и градоначальниками обычно становились отставные офицеры. Население коммунитетов не подлежало всеобщей воинской повинности, но в конце 50-х годов XIX в. на Хорватско-славонской Военной границе оно насчитывало всего 12,7 тыс. человек¹³. Именно в коммунитетах обнаружилось зачатки буржуазных отношений¹⁴. В 1857 г. ремесленники и торговцы составляли 2% населения Военной границы (они были объединены в цехи, подчиненные военным властям). Соответственно было заторможено и развитие интеллигенции: хорошо образованных

людей в 1871 г. среди населения, насчитывавшего более 0,7 млн человек, было учтено 25 (в гражданской Хорватии с населением более 1 млн человек — 635), кроме того, было 1200 учителей и священников. В 1870 г. неграмотные составляли 84,6% населения¹⁵.

При всеобщем недовольстве существующим положением масса граничар до 1848 г. опасалась, что демилитаризация Военной границы (эти идеи уже дебатировались в Венгрии и Хорватии) и присоединение ее территории к гражданским областям Венгрии и Хорватии приведет к введению здесь крепостного права.

В 1848 г. сабор предложил проект реформ ("Устав") на Военной границе. Народняки стремились к реформам путем компромисса с двором, который считал необходимым сохранение Военной границы как орудия своей власти. Но и сами народняки во временном сохранении вооруженных югославян видели возможность противостоять претензиям Венгрии, да и реставрации абсолютизма. Указав, что "для радикальных реформ" (т.е. демилитаризации) еще не время, сабор добивался включения Военной границы в состав Хорватии, подчинения ее сабору и бану, введения народного языка вместо немецкого в качестве командного, провозглашения граничар полными собственниками наделов и свободы купли-продажи земли (земельной минимум предлагалось определить в 3 ютра, т.е. 2 га), отмены бесплатной трудовой повинности и др. Бан и командующий Границей Й. Елачич ввел это решение в силу¹⁶. Однако империя не собиралась отказываться от даровой армии, и после подавления революции в условиях, когда основы феодализма во всем государстве были устранены, на Военной границе были проведены лишь реформы "косметического" характера. В связи с этим Вена обычно ссылалась на интересы сохранения военной мощи государства. Но так как "господином" на Военной границе был не хорватский помещик, а австрийская власть, хорватские либералы и особенно радикалы более отрицательно оценивали существующий порядок, чем аграрные отношения в гражданской части страны. Национальные задачи при этом имели решающее значение.

В 1850 г. был введен новый (последний) "Основной закон" для Военной границы¹⁷. В нем (на словах) признавалось, что Хорватско-славонская граница составляет с Хорватией "одну область",

но фактическое разделение сохранялось. Военная граница осталась в подчинении военного министерства якобы только в военных вопросах, но практически жизнь населения по-прежнему была подчинена интересам армии. Так, граничарам якобы предоставлялись права всех подданных империи, "но в мере, в какой это совместимо с целями и нуждами института Военной границы". В отношении всего населения сохранила силу военная юрисдикция¹⁸. Воинской повинности подлежали все "владельцы недвижимого имущества (т.е. крестьяне) — мужчины от 20 до 50 лет"¹⁹.

Граничары были объявлены уже не ленниками, а собственниками наделов, но при условии несения военной службы, т.е. опять-таки уступка по преимуществу была на бумаге и, таким образом, Военная граница являлась крупнейшим оплотом феодализма в Австрийской империи после 1848 г. Мобилизации земли по-прежнему ставились препятствия — так, офицер или священник могли иметь не более 3 ютров, торговец или ремесленник — не более 6–8 ютров. То есть земля предназначалась для содержания солдат.

Основной надел по-прежнему, как правило, не мог отчуждаться, но в некоторых случаях, с разрешения начальства, под этот участок было можно брать заем, не превышающий трети цены участка, с условием регулярной выплаты долга с процентами (под контролем начальника). Иногда разрешалось продать участок, но с обязательством купить другой где-либо на Военной границе и нести за него военную повинность. Только в 1868 г. была разрешена купля-продажа земли (при сохранении небольшого минимума надела) и приобретение ее неграничарами (до 120–150 ютров). Но это было накануне демилитаризации области²⁰.

Мы считаем целесообразным привести некоторые выдержки из множества свидетельств о ситуации на Военной границе в последний период ее существования (после 1850 г.). В руках офицеров здесь сосредоточены не только военная и административная власть, но и полиция и суд — сообщает русский военный представитель в Вене. Командир полка "располагает чуть ли не правом жизни и смерти" жителей, а офицеры вымогают деньги и вообще чинят "неисключаемые злоупотребления... над простолюдинами-граничарами", включая арест в страдное время... "Тюрьмы так полны, что для

[...] новых арестантов не было места"²¹. В 1872 г. либеральный депутат сабора М. Деренчин, сравнивая положение крестьян Провинциала и Военной границы, говорил, что в гражданской Хорватии крестьян били палками, а на Военной границе растреливали и вешали²². Отставной офицер Б. Каталинич писал в 1868 г., что граничары пользуются столь "ограниченной свободой", какую в Европе едва ли даже могут себе представить"²³. Недоимщиков по налогам продолжали наказывать палками и арестом. Бесплатная трудовая повинность формально была отменена законом 1850 г., но сохранилась общинная повинность (под которую подгоняли все, что угодно) и обязанность работать за незначительную плату. Военная опека способствовала "бедности и деморализации" населения²⁴. Граничар "не может пойти ни в ремесло, ни в промыслы, ни на море, ни куда бы захотел", — писала "Хрватска"²⁵.

Далее — несколько выдержек из выступлений депутатов сабора 1861 г. В последнее время Военная граница получила "гербовый сбор, табачную монополию, косвенный налог, четверократный налог, жандармов, тайную полицию"; "Граница ныне существует не из-за турок, а потому что удобно иметь 100 тысяч солдат, которых содержит не государство, а нищий земледелец... поля, виноградники в запустении, скот продан, чтобы купить хлеб, производство снизилось, а налоги повышены"; "не имея собственности, [граничар] не может добыть средств для поднятия хозяйства. Так удивительно ли, что Граница в финансовом и производственном отношении ниже, чем соседняя Босния под турецким ярмом?"; "солдат возвращается [со службы], дома ничего не находит, кроме опустошенной земли, хлеба нет"; "на Границе много домов, где больше штыков, чем мотыг, но ведь штык не кормит мотыгу"; "нет стада, хлеба, одежды, но есть много обмана, хищничества, убийств и поджогов"; "с наших жалких мельниц и лавок мы платим [налога] больше, чем стоит товар в них, — там можно найти лишь торбу плохого хлеба и моток ниток для галунов"²⁶ и т.д. и т.п.

Минимальным требованием относительно Военной границы, выдвинутым на саборе 1861 г., было прекращение поголовного набора в солдаты и расширение прав граничар на пользование лесом²⁷. Но сами граничары (в качестве депутатов они появились на саборе, но

вскоре им было приказано вернуться домой) решительно добивались "равных прав и обязанностей с остальными австрийскими народами" и присоединения Хорватско-славонской границы к Хорватии²⁸. Сабор принял закон (точнее, законопроект, подлежащий санкции государя, чтобы стать законом) о демилитаризации Военной границы и введении здесь конституционного порядка ("система... границы отменяется навсегда")²⁹. Граничары должны были стать полными собственниками земли. Но Франц-Иосиф этот закон не утвердил.

В третьей четверти XIX в. наряду со ссылками на потребности военной мощи монархии Габсбурги пытались обосновывать необходимость сохранения Военной границы интересами самих хорватов, т.е. использовали новый — национальный — мотив. Имперские власти намекали на возможную роль граничарской армии на Балканах — имелось в виду давно лелеемое присоединение Боснии и Герцеговины к империи (и тем самым, как рассчитывало большинство либералов из среды хорватского национального движения, — к Хорватии).

Именно ввиду этого национально-либеральная группировка подходила к проблеме демилитаризации Военной границы в зависимости от своих отношений с Веной в тот или иной момент: в 1848 г., когда народняки использовали граничар для борьбы с Венгрией и за федерализацию империи, они не выдвигали задачу демилитаризации, но в 1861 г., когда австрийский централизм казался главным противником, сабор отстаивал демилитаризацию.

В отличие от народняков, формировавшихся в 50–60-х годах антиавстрийская радикальная группировка "партия права" (праваша) требовала демилитаризации при решающем участии самого населения Военной границы в определении ее условий. Более того, отчаянное положение населения Границы являлось одним из источников радикализма правашей. Для их взглядов интересен доклад лидера правашей Анте Старчевича (председателя специального комитета по проблемам Границы) на саборе 1861 г.³⁰ Не жалея эмоций, докладчик заявил, что военный режим превратил "прекрасную страну в бесплодную пустыню, а ее благородное население — в толпу рабов, разбойников и нищих... я нигде не читал, чтобы илот или римский раб или американский негр... умер с голоду, а наши братья на Границе умирают от лютого голода"; "разум человеческий стра-

шится понять... что правительство способно довести до такого состояния именно тот народ, которому оно обязано своим существованием... Кредит на Гранише — ужасное ростовщичество.. взяточничество такое, что граничар... не решается никуда обратиться с пустыми руками"³¹.

Вопреки всем этим обстоятельствам, сообщал русский наблюдатель, "граничары — народ честный, верный, трудолюбивый и преисполненный самого живого характера, притом более всего привязаны к своей родине"³². В 1860 г. русский консул в Белграде отмечал, что "со времени событий 1848 г. идеи национальности, развившиеся в Хорватии, нашли отклик среди населения, составляющего пограничные полки"³³. Этот интерес был связан с событиями в соседних южнославянских землях Австрии и Турции, а также в Сербии и Черногории, но прежде всего он стимулировался обострением обстановки на Военной границе.

Сабор 1861 г. вновь потребовал воссоединения Военной границы с Хорватией, причем наиболее радикально в этом отношении выступали сами граничары, получившие право послать депутатов в Загреб.

В 1871 г. группа правшей во главе с Э.Кватерником даже попыталась поднять восстание на Военной границе в районе Раковицы. Был провозглашен манифест, включавший — среди других — следующие положения: борьба ведется за "освобождение от швабско-мадьярского господства" (т.е. воссоединение земель и независимость Хорватии), все жители Хорватии равны перед законом, "справедливый суд", широкое самоуправление общин, ликвидация территориальных полков и создание "свободных жупаний" (т.е. введение гражданского управления на Военной границе)³⁴. Это была буржуазная, радикальная по тем временам, национально-политическая программа. При этом, как и гарибальдийцы в Италии, правши не касались проблемы помещичьего землевладения в гражданской Хорватии.

Неудачная попытка восстания была предпринята уже в период начавшейся демилитаризации Военной границы австро-венгерскими властями. Смысл этой попытки состоял в том, чтобы поднять еще не разоруженных граничар под лозунгом ликвидации военного устройства в их собственных интересах, а не с той целью, какую ставили перед собой правящие круги монархии.

Сохранение Военной границы в условиях реформирования габсбургской монархии на буржуазных началах становилось невозможным не только ввиду опасного недовольства населения, но главным образом интересов австрийского и венгерского крупного капитала, стремившегося к беспрепятственному использованию природных богатств области. Кроме того, сохранение Военной границы либералы Австро-Венгрии считали политически опасным: граничарское офицерство пытались использовать в своих целях наиболее консервативные австрийские монархические круги, сторонники сохранения централизованной полуабсолютистской власти (часть аристократии, генералитета, бюрократии). Поэтому после создания Австро-Венгрии в 1867 г. ликвидация военно-феодального института Военной границы стала неизбежной – она началась на части ее территории (Бьеловар) в 1869 г. В 1871 г. был издан закон о демилитаризации всей области и сняты ограничения на распоряжение земель, т.е. граничары получили право ее свободной купли-продажи.

Богатые лесные массивы Военной границы при этом были разделены на две половины, одна из которых стала собственностью венгерской казны и широко использовалась для распродажи и вырубки частными компаниями (иностранными при участии хорватских). Доступ бывших граничар сюда был практически воспрещен. Таким путем на территории бывшей Военной границы была завершена сегрегация лесных угодий (фактически начавшаяся уже раньше). Различие между гражданской частью и Военной границей состояло в том, что в первой лучшая часть лесов была отрезана помещикам, а во второй – государству. В обоих случаях в связи с этим можно говорить о важном этапе первоначального накопления, т.е. изъятия богатства у массы производителей. По ряду свидетельств (заявлений в саборе), государство присвоило наиболее ценные лесные участки, тогда как граничарам достались худшие, прореженные, труднодоступные, так что по стоимости казенные леса составили больше половины (до 2/3) всех лесов бывшей Военной границы³⁵.

Для управления этим казенным имуществом были организованы "имущественные общины", а угодья, сохраненные за крестьянами, были переданы в ведение "земельных общин" или "объединений".

Поскольку в экстенсивном хозяйстве граничар пользование лесом имело огромное значение, можно сказать, было основой самого хозяйства (с весны до поздней осени скот находился в лесу), условия демилитаризации серьезно изменили обстановку в деревне³⁶. Наряду с изъятием лесов было запрещено готовить водку (ракию) — ранее это был выгодный промысел, введены табачная монополия, ряд новых налогов и штрафов, т.е. система строилась по образцу гражданских областей. Но при этом сохранились некоторые прежние обязанности — поддерживать в порядке общественные здания, дороги и др.

Выяснилось, что расходы на местное управление стали в два раза превышать государственный налог (в гражданской части они также в разных местах составляли от половины до двойной суммы государственного налога). Кроме того, гражданские чиновники оказались большими волокитчиками, чем офицеры, — появилось множество "входящих" и "исходящих" бумаг, ставших новым бедствием для неграмотной массы бывших граничар.

В 70-х — начале 80-х годов, по данным хорватского исследователя, процесс обеднения и пауперизации бывших граничар зашел далеко. Об этом свидетельствовали данные о налогах: более 2/3 крестьян платили менее 10 форинтов (8 рублей того времени) в год, при этом более чем у 4/5 крестьян производилась опись и конфискации имущества за недоимки³⁷. Невиданные ранее размеры приобрело ростовщичество.

Уже в 70-х годах управляющий демилитаризованной территорией генерал Ф. Филипович неоднократно докладывал в Вену об угрозе бунтов населения, которое ввиду нищеты не в состоянии содержать местную администрацию. Обстановка особенно обострялась в годы эпизоотий (падежа скота).

Территория бывшей Хорватско-славонской Военной границы, как отмечалось, в 1881 г. наконец была присоединена к Хорватии. Проволочка с этим объясняется относительной неустойчивостью дуалистического режима (т.е. венгерского господства) в Хорватии в 70-х годах. (Здесь у власти в 1873—1880 гг. находился умеренно-либеральный бан народняк Иван Мажуранич, доверенное лицо Вены.) С 1881 г. история крестьянского вопроса на бывшей Военной границе — часть истории крестьянства Хорватии³⁸.

Глава 6

РАСПАД "БОЛЬШОЙ СЕМЬИ" – ЗАДРУГИ

Позиция консерваторов и либералов

Задруга – "семейная" или "домашняя" община, иначе – "большая семья" хорватских и сербских крестьян как в гражданской Хорватии, так и на Военной границе (и в ряде других южнославянских земель). Эта общность была основана на совместном проживании многих людей (нередко 25–30 человек, случалось, больше 50, но чаще, особенно в конце XIX в., уже в пределах 10) и совместном ведении хозяйства (владении, а затем и собственности на землю, жилище, скот, инвентарь и пр.). Задруга существовала в эпоху феодализма и соответствовала условиям натурального (в основном) хозяйства. В одном из документов хорватского сабора (1869 г.) имеется следующее определение семейной (домашней) общины или большой семьи: "несколько семей... живущих в одном доме под управлением одного домохозяина и ведущих совместное хозяйство, т.е. обрабатывающих неразделенную недвижимость и совместно пользующихся той патриархальной связью, которая именуется задругой. Под задругой понимается община, существующая с определенной выше целью среди крестьян (дословно: в крестьянских домах. – В.Ф.) прежде находившихся в крепостной зависимости... и в среде простых дворян (однودворцев. – В.Ф.), ранее свободных от налога"¹.

Имелись в виду задруги в гражданской части Хорватии. В положении задруги на Военной границе имелись отличия (подчинению военной власти и обязанность поставлять солдат).

Задружное хозяйство объединяло несколько поколений родственников (обычно три-четыре). Возглавлял задругу избираемый старейшина (не обязательно старший по возрасту), а ее женскую часть — обычно его жена, но нередко — другая женщина, пользовавшаяся авторитетом. Задруга гарантировала исполнение феодальных повинностей (больного работника можно было подменить) и содержание нетрудоспособных (т.е. обеспечивала минимум социальной защиты). На Военной границе задруга кое-как вела хозяйство в отсутствие мобилизованных, принимала и содержала раненых и инвалидов. Поэтому военно-феодальный режим настойчиво стремился сохранить задругу. Именно на Военной границе, а не в Провинциале, впервые в законе 1807 г. было дано описание задруги и зафиксированы взаимоотношения ее членов².

Но с началом товаризации хозяйства крепостных крестьян и граничар, с развитием отходных промыслов в период кризиса феодализма более активные члены задруги стали тяготиться ею, поскольку уходить на заработки можно было с согласия членов большой семьи и по договоренности часть заработанного следовало отдавать задруге³. Случалось члены задруг покидали их надолго и возвращались лишь в старости. Все наработанное членами задруг вне задружного хозяйства (крестьянки ткали и т.д.) оставалось в личной собственности, на эти средства можно было купить скотину и вообще движимое имущество. Возможность арендовать участки земли вне наделов привела к распространению (наряду с задружным) индивидуального хозяйства членов задруги (осебуняк). Именно на этих участках земли велось наиболее интенсивное хозяйство. С возрастанием значения денег увеличивались противоречия и недоверие между членами задруг (особо частые конфликты возникали между женщинами, так как они вели домашнее хозяйство). Старейшина являлся единственным правомочным представителем задруги (впрочем, для отчуждения ее имущества требовалось согласие всех мужчин), а с введением основ конституционного порядка только он пользовался избирательным правом. В этих условиях сохранение задруг консервировало гражданское и политическое неравноправие массы крестьян.

Венгерские законы 1836 и 1840 гг. провозгласили право крестьян на переход, распоряжение имуществом, наследование, продаже участка и т.д. В Хорватии они были блокированы консерваторами, но все же в дальнейшем (после 1848 г.) способствовали формированию новой политики в отношении задруг.

Перемены, которые в гражданской Хорватии принес 1848 г., повлекли за собой интенсивный распад задруг, со временем все более ускорявшийся. Это, однако, не означало их простого исчезновения. На месте прежних многолюдных часто появлялись новые, меньшие по числу членов (следует различать раздел задруг, связанный с естественным ростом численности их членов — такие разделы происходили всегда — и процесс распада задружного быта, постепенного исчезновения самого института, что было связано с развитием рынка и буржуазной экономики)⁴. Во многих случаях имел место более или менее значительный период, когда в рамках задруги отдельные семьи уже вели самостоятельное хозяйство, а внешне задруга якобы сохранялась; позднее, после фактического распада, подчас часть имущества (построек, инвентаря) еще находилась в общем владении. Наконец, если задруга делилась мирно, между ее бывшими членами долго сохранялись близкие, дружеские отношения.

В целом процесс распада задруг захватил не только вторую половину XIX в. (когда в гражданской части страны исчезло большинство задруг), но и XX в. (отголоски его ощущались и после второй мировой войны). На территории Военной границы быстрый распад больших патриархальных семей начался после демилитаризации (1869–1873 гг.), но протекал с опозданием в сравнении с бывшим Провинциалом. Распад задруг на бывшей Военной границе, как и в бывшем Провинциале, ускорился в период аграрного кризиса 1873–1895 гг.

Этот важный социальный процесс привлек внимание хорватского (и сербского) общества уже до 1848 г. и особенно после революции. При этом свою позицию излагали как лица, непосредственно заинтересованные в том или ином юридическом решении связанных с ним вопросов (прежде всего помещики), так и публицисты, пытавшиеся подойти к проблеме с точки зрения (во всяком случае, как им казалось) общенационального интереса.

В любом случае — как правящие круги, так и оппозиционная интеллигенция — стремилась опекать крестьянство (решать проблему с точки зрения идеологической, вернее, придавая проблеме характер идеологический: сюда мы относим общие рассуждения о судьбах народа, его национальной самобытности и прочее), тогда как сами крестьяне стремились к тому, чтобы им не мешали поступать по собственному разумению, т.е. быть хозяевами своей судьбы. Нейтральный наблюдатель известный английский археолог Артур Эванс, побывавший в Хорватии в 1875 г., характеризовал задруги как "тюрьму", из которой крестьяне бегут⁵.

Вместе с тем при характеристике различных взглядов на судьбу задруги необходимо учитывать, что ускорение социальной дифференциации крестьянства, связанное с распадом задруг, в Хорватии — при отсутствии промышленности — вело к росту числа бездомных и полностью неимущих людей.

При феодализме крестьянин не являлся собственником надела, и раздел задруги допускался только с разрешения помещика. В 1850 г., когда процесс разделов задруг резко интенсифицировался, бан Й.Елачич пытался сдержать его, запретив разделы задруг бывших зависимых крестьян⁶ до принятия соответствующего закона. Это лишь вызвало тайные разделы, которые уже в 50–60-е годы приобрели широкий масштаб.

Разные запреты и ограничения разделов стали бедствием деревни. Предотвратить стихийный процесс они не могли, но крайне осложнили юридическое положение новых "нелегальных" собственников — затрудняли получение кредита и свободное распоряжение землей, т.е. сохраняли сословное неравенство основной массы крестьянства. В целом, как отмечалось, разделы стимулировали рост имущественного неравенства в деревне, ее расслоение — процесс неизбежный в новых условиях. Владения бывших свободных крестьян ("простых дворян" или крестьян-племичей) делились свободно, поэтому зримое обеднение большинства здесь происходило быстрее.

И. Елачич, а вслед за ним ряд других представителей консервативного направления (и, с другой стороны, народническо-демократического течения, представленного в 70-е годы Миланом Мака-

неем)⁷ обосновывали свою позицию необходимостью избежать "угрозы пролетариата" и важностью сохранения "стародавней патриархальной жизни, вполне соответствующей обычаям нашего народа"⁸. Подобная аргументация — ссылки на опасность "западного пролетариатства" и на национальную самобытность хорватов или всех славян — повторялась неоднократно в течение второй половины XIX в. Хорватские законодатели в зависимости от обстановки (и общих интересов крупных землевладельцев и финансовой буржуазии) подхватывали эти аргументы или отбрасывали их.

Результатами распада задруг воспользовались мощные инациональные силы для скупки земли в Хорватии. Поэтому представители различных течений национальной оппозиции, даже признававшие неизбежность процесса распада, долго пытались как-то его регулировать, притормаживать.

Австрийский неоабсолютизм 50-х годов XIX в., обеспечивая своей политикой переход к буржуазному порядку и стремясь к унификации норм права на всей территории империи, в 1852 г. распространил на Венгрию, Хорватию и Воеводину австрийский Общий гражданский кодекс, не признававший коллективной собственности без ответственности каждого совладельца.

В Хорватии применение этого закона сделало всех членов задруги материально ответственными за каждого ее члена, что резко обострило ситуацию. Вместе с тем, в 1853 г. правительство по просьбе Елачича постановило регистрировать в поземельных книгах только земельную собственность задруг (а не ее членов). Тот же принцип был сохранен при введении кадастра (1855 г.). Однако упоминавшийся выше патент 1853 г. об условиях ликвидации феодальных отношений объективно благоприятствовал разделу задруг. Эти юридические противоречия, за которыми в конечном счете скрывались разные социальные тенденции, долго не удавалось разрешить, от чего страдало прежде всего крестьянство. Так, в 1857 г. имперский верховный суд подтвердил возможность распродажи имущества задруги за долги одного из ее членов, что, по его мнению, должно было стимулировать создание "современного" крестьянского хозяйства. Но хорватский верховный суд (Банский стол) отстаивал принцип неотчуждаемости и неделимости имущества задруг до их "окончательного устройства"⁹. Министерство юстиции с этим со-

гласилось, и в 1859 г. имперский верховный суд пересмотрел свое решение 1857 г.

Все сказанное иллюстрирует сложность обстановки, противоречия между обычным правом Хорватии и имперскими законами, приспособленными к более развитой социальной среде Австрии.

В 50-х годах часть землевладельческого дворянства Хорватии, потерявшего даровую рабочую силу, выступила за форсирование распада задруг, которые в большей мере, чем малые семьи, были в состоянии вести самообеспечивающееся хозяйство. Скрытая сущность вполне либеральных предложений состояла в высвобождении из задруги дешевых работников. (Вообще, либерализм помещиков в крестьянском вопросе всегда ограничивался интересами крупного землевладения). Сторонники этого взгляда ссылались на низкую производительность труда в задругах ("лень") и наличие бесконечных конфликтов между их членами.

Другие доказывали, что быстрая пролетаризация деревни привела бы к катастрофическому падению производства. Среди последних (сторонников консервативной точки зрения) выделялся О. Утешенович-Острожинский, чиновник австрийского правительства (советник по делам Хорватии). В 1859 г. он опубликовал на немецком языке брошюру, в которой превозносил задругу как непреходящую национальную ценность хорватов и сербов, обеспечивающую патриархальную гармонию быта крестьян и воплощающую истинно славянские традиции. Вместе с тем автор не забыл отметить, что задруги в состоянии исправно нести бремя налогов в пользу имперской казны и быть опорой консервативного порядка¹⁰.

Брошюра Утешеновича – целый трактат о достоинствах задруг с философской, экономической, политической и нравственной точек зрения, возникший не без влияния идей русского славянофильства. Итак, по Утешеновичу: задруга противостоит индивидуализму Запада, как явлению... более низкой цивилизации, она спасает южных славян от гибели ("без нее югославянский народ давно бы исчез в пропасти"), она является фактором благосостояния, обуздания эгоизма, проявлением "христианского коммунизма в счастливой комбинации с ... доброй семейно-правовой идеей народа голубинового нрава". Западная и восточная культура диаметрально противоположны,

и задача славян — привить человечеству духовность... Автор игнорировал стремление массы крестьян сбросить эти оставшиеся оковы феодальной эпохи, символизировавшие для крестьянина вековое рабство и отсталость. Утешенович предлагал установить неотчуждаемость крестьянской земли, а в случае разделов задруг установить минимум владений в 12 ютров (ок. 7 га).

Нет сомнения в том, что Утешенович был озабочен судьбой южных славян и видел опасность со стороны укреплявшего свои позиции в Хорватии австронемецкого (позднее — и венгерского) капитала. Действительно, распад задруг облегчал ускоренное внедрение империалистических сил в страну. Но в многонациональном государстве Габсбургов отстаивать национальные интересы хорватов и сербов (Утешенович — серб) можно было в конечном счете не консервацией изживших себя социальных структур (они лишь закрепляли отсталость), а, наоборот, путем ускорения социального развития. Именно это создавало возможность успешно противостоять иноземному натиску и господству (этот тезис подтверждается как развитием Чехии уже в XIX в., так и, позднее, южных славян).

В 1859 г. неабсолютистский режим потерпел крушение и в дальнейшем проблема задруг стала объектом рассмотрения хорватских властей. Сабор 1861 г. подготовил либеральный закон, который ввиду обстановки в империи не вступил в силу (и стал основой закона 1870 г., принятого в условиях австро-венгерского дуализма).

Задруга продолжала привлекать внимание политиков и публицистов. На саборе 1861 г. некоторые либералы выступали за свободный раздел по желанию самих крестьян, доказывая, что это приведет к развитию других отраслей экономики и ее общему подъему. При этом делались ссылки на западные государства с их господством частной собственности¹¹. В ответ на это идеолог зарождавшейся мелкобуржуазной группировки ("партии права") Е. Кватерник, оговорившись, что он принципиальный "сторонник западной цивилизации", все же считал целесообразным временно сохранить в Хорватии неделимость минимального надела. Во Франции и Бельгии, говорил он, сельских работников поглощает промышленность, в Хорватии же свобода распоряжения крестьянской землей приведет лишь к распространению нищеты и обострению социальных противоречий¹².

Квотерник вообще выступал за элементы общественного регулирования буржуазной экономики и защиты, по мере возможности, мелкого хозяйства (как мы отмечали, крупный капитал тогда по преимуществу был инациональным).

Характерны взгляды барона Л. Хелленбаха, отстаивавшего интересы помещиков против проводимой Веной (до 1867 г.) политики покровительства австрийской промышленности и банкам. Задруги реакционны и их следует распустить, писал Хелленбах, ибо они сдерживают приток работников в имения, к тому же уход неимущих в города следует... запретить¹³ (своеобразная идея возрождения феодализма в новой форме). Другие помещики считали, что проще законсервировать задругу и тогда ее члены волей-неволей будут работать в имениях или арендовать помещичью землю. Третьи, видя неизбежность распада задруг, предлагали лишь упорядочить его¹⁴.

В целом, если консервативные авторы договаривались до того, что исчезновение задруг является прелюдией к исчезновению самого народа, то либеральные подчеркивали, что задруги способствуют сохранению "рабского" состояния крестьян (особенно граничар) не только в государстве, но и в семье. Консервативный взгляд, согласно которому минимум благосостояния крестьян был связан с задружным бытом, казалось, находил подтверждение в том, что распад задруг сопровождался обеднением большинства деревни и пролетаризацией. Но при этом игнорировалась скрытая за фасадом задруги пауперизация и имущественная дифференциация в самой домашней общине. В действительности, эта дифференциация и распад задруг были следствием развития товарно-денежного хозяйства — предтечи буржуазного общества. Это развитие, как и повсюду, приводило к временному — относительно длительному — обострению социальных противоречий, но в целом было прогрессивным процессом, так как открывало перспективу дальнейшей модернизации ("европеизации"). Хорватию.

Закон, принятый сабором в 1870 г., облегчил и даже стимулировал распад задруг (что, как мы видели, отвечало интересам разных слоев)¹⁵. Выделение с землей стало возможно по желанию каждого члена задруги. При этом имели место злоупотребления. Землю требовали, случалось, лица, давно в задруге не работавшие. Ус-

корился переход земли в собственность¹⁶. Закон был несколько изменен в 1874 г. По судебная волокита, дороговизна процесса, необходимость разыскивать разные документы, обращаться к землемерам (и подкупать их) и пр. стимулировали и в дальнейшем нелегальные разделы, поэтому, как и раньше, правовое имущественное положение множества крестьян не было гарантировано. За долги задруги, уже не существовавшей, могло быть конфисковано имущество, прежде всего скот, одного из ее бывших членов и даже его детей. Это вызывало острые конфликты, которые, случалось, кончались трагически.

На Военной границе, как отмечалось, задруги бдительно охранялись властями вплоть до демилитаризации территории. На задруге строилась вся казарменная система.

Согласно закону 1807 г., именно задруга (а не отдельный граничар) объявлялась наследственным ленником императора, а в 1850 г. — собственником надела. В 1807 г. задруга (а не граничар) получила право на "дополнительный" участок с правом его продажи. Какое-либо самостоятельное ведение хозяйства граничаром не допускалось. В отличие от крестьянина гражданской Хорватии граничар не мог владеть "осебуяком" (личным участком) и иметь свой скот¹⁷. А ведь именно личный участок (сверх задружного) в Провинциале облегчил переход бывшего крепостного к самостоятельному хозяйствованию.

В Основном законе 1850 г. говорилось, что "патриархальная жизнь населения Границы, как национальная черта, охраняется законом". Старейшина, обычно отслуживший солдат, был обязан поддерживать "тишину, порядок, единомыслие, религиозность и нравственность". Но и на Военной границе часть заработанного вне задруги оставалась в собственности граничара. Некоторые задруги нанимали работников, живших здесь же.

В 50-х годах XIX в. большинство граничарских задруг насчитывало по 30 и более человек¹⁸. Закон 1850 г. разрешал раздел задруги, но при сложной затруднительной процедуре (согласие большинства членов, уплата долгов и др.). Выделившаяся семья должна была владеть не менее 6 ютров "основной" земли, а количество военнообязанных не должно было уменьшаться. По указу 1859 г.

отделяющаяся семья была обязана возвести каменные постройки. Это было почти невыполнимым условием, и даже военное командование, чтобы смягчить недовольство населения, просило о послаблениях в этом деле. Условия раздела утверждал командир роты. Вообще, слово офицера было решающим в спорах между членами задруги.

Задружный быт, по замечанию русского консула в Риеке, ученого-географа, не способствовал экономическому развитию Военной границы, "уменик хозяйствовать, экономить, накапливать"¹⁹ (у честного наблюдателя не было никакого реакционного романтизма). О тайных "нелегальных" разделах и последствиях этого говорилось относительно гражданской Хорватии и здесь нет необходимости повторения. Расследование, проведенное на Военной границе в начале 60-х годов, показало, что 5,4 тыс. семей незаконно покинули задругу и еще 2,2 тыс. фактически вели обособленное хозяйство (обрабатывали отдельный участок), т.е. находились накануне ухода из задруг. В качестве одной из причин разделов называлась вражда между членами задруг²⁰.

После демилитаризации распад задруг на бывшей военизированной территории в сравнении с Провинциалом происходил с опозданием. Так, например, в Загорье (густонаселенный район Загреба) распад задруг в основном завершился уже в 60-х годах XIX в. (но к 1890 г. еще насчитывалось более 43% "незаконно" разделенных задруг, т.е. раздел не был оформлен в судебном порядке).

К 1880 г. в гражданской Хорватии официальные результаты процесса раздела задруг были следующими: в задругах находилось 531 тыс. человек (из них в незаконно разделенных — 247 тыс.), что формально составляло 62,4% земледельческого населения²¹ (фактически более половины этой цифры). Как видим, в гражданской части Хорватии процесс распада задруг зашел далеко, но вместе с тем оставался весьма актуальной проблемой.

Острота социальной обстановки в деревне вызвала новый закон о задругах (1889 г.) — теперь уже для всей территории, включая бывшую военную. Закон несколько затруднил разделы, но легализовал проведенные ранее²². Этот закон вместе с дополнением от 1902 г. служил основой при рассмотрении дел о задругах до второй половины XX в.

В целом в Хорватии в конце XIX в. в задругах находилось 19,7% крестьян (430 тыс. человек), в тайно разделенных — более 27,5%, самостоятельными семьями вели хозяйство 52,8%²³. Но при этом в мелких задругах, численностью до 10 человек, насчитывалось 287 тыс. человек, т.е. около 3/4 всех членов задруг, тогда как в крупных — с числом членов более 30 — имелось всего 8,2 тыс. человек или 0,37% населения Хорватии. Стало быть, фактически распад задруг находился в заключительной стадии, хотя и сильно затянувшейся. В 1891–1895 гг., согласно официальным (неполным) данным, ежегодно делилось в среднем по 2,8 тыс. задруг, в 1896–1900 гг. — по 2,6 тыс., а в 1905 г. — 1,7 тыс.²⁴. И все же еще в 1932 г. в Приморье на территории бывшей Военной границы "как двенадцатая душа" в задруге родился автор современной монографии о семейной общине Д. Павличевич²⁵.

Глава 7

ХОРВАТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1. Крестьянское движение в 1883 г. и национальная оппозиция

Народные, в том числе крестьянские, выступления в 1883 г. стали едва ли не наиболее значительным событием истории Хорватии в 80-е годы. Мы даем их сжатую характеристику преимущественно по монографии Д. Павличевича¹. Приводимые факты помогают представить обстановку в деревне, настроения и представления крестьян, которые едва начали втягиваться в политическую жизнь, отношение к крестьянскому вопросу основных политических группировок более трети века после освобождения крестьян в Провинциале и десятилетие после демилитаризации Военной границы. Это было время аграрного кризиса, частично – застоя в делах национальной буржуазии, продолжавшегося до середины 90-х годов.

В бывшей гражданской части страны самые значительные волнения произошли в густонаселенных северо-западных районах (Загорье, Пригорье), с крайне раздробленными владениями и повсеместным малоземельем. Вместе с тем на этой территории сохранялось "нераспутанным" тяжкое наследие феодальной эпохи (о чем уже говорилось). Кроме того, здешнее население пострадало от разрыва в 60–70-х годах сложившихся в предыдущее столетие торговых и экономических связей (водного пути Восток–Запад и свя-

занных с ним ремесла, ранних мануфактур, городов, отходных промыслов).

Существенное значение имела местная социально-психологическая обстановка. В новое время известная Стубица (см. в главе 2) в Загорье вблизи Загреба неоднократно становилась центром движений крестьян. "Загорцы часто бунтовали в старину, да и новое время свидетельствует, что здешний народ весьма склонен к волнениям", — писали в 1883 г. правительственные "Народни новине"².

Обстановка в деревне была столь напряженной, что поводом к волнениям стало событие, казалось бы, весьма далекое от непосредственных нужд крестьянина: по приказу начальника управления финансов (а они, как говорилось, находились в ведении венгерского правительства) на здании этого учреждения в Загребе щиты с надписью на хорватском языке (и хорватским королевским гербом) 17 августа 1883 г. были заменены двуязычными (на венгерском и хорватском языках). Это было нарушением пункта Соглашения 1868 г. о хорватском языке как официальном. В Загребе вспыхнули демонстрации ремесленников, подмастерьев, рабочих. Направлялись они буржуазной оппозицией — либеральной и радикальной ("независимцы" и "праваши"). Оппозиционная печать единодушно расценила действия властей как шаг на пути медьяризации страны.

Щиты были сорваны и разбиты. Против акции венгерского правительства протестовали также правящие круги Хорватии и сам бан — Соглашение 1868 г. являлось основой их деятельности.

Эти события стали детонатором крестьянских волнений, охвативших большую часть Хорватии. Как вскоре выяснилось, в Стубице и Бистрице крайнее недовольство населения вызывали невыносимые налоги и "очень плохая общинная управа, особенно начальники и делопроизводители, которые чинили произвол не меньше бывших феодалов"³.

В пореформенный период чиновничество разных рангов — от центра до общины — становилось одним из источников формирования буржуазии (как повсюду на Балканах). При отсутствии демократии любой шаг крестьянина, в частности, осуществление его "прав" на использование общинной собственности, решение многочислен-

ных повседневных дел зависело от чиновников. Не говоря о том, что чиновники разными правдами (скупка) и неправдами захватывали надельные и общинные земли (и становились аграриями), использовали "заповедные" (для крестьян) угодья и пр., они взяточничеством, разными насилиями доводили крестьян до крайности. Сплошь и рядом крестьянин "за услугу" (оформление какого-либо документа и др.) должен был бесплатно работать на земле чиновника, — так возрождались полуфеодалские отношения (не только между крестьянином и помещиком, но и чиновником). Имеется масса свидетельств того, как чиновничество осуществляло первоначальное накопление капитала. Чиновники, наряду с адвокатами, а нередко и представителями духовенства, являлись учредителями сберегательных касс, долго сохранявших черты центров организованного ростовщичества⁴.

Озобление против "мадьяронов" (венгерофилов, т.е. служившего режиму чиновничьего аппарата, помещиков и др.), которых буржуазная оппозиция обвиняла во всех невзгодах, уже охватило крестьянство.

Представляет интерес, что крестьяне ожидали инициативы стубичан, которые якобы обладали документами, подтверждавшими "старые права, данные императором, а также старые единицы меры и веса, чтобы уничтожить новые, назначенные мадьярами". С "венгерскими гербами", которые будто бы должны были появиться на зданиях местных управ, связывалось новое повышение налогов и всевозможные несправедливости, тогда как, полагали крестьяне, если Хорватия станет самостоятельной, жить станет легче. Группы крестьян дежурили на мостах и дорогах, поскольку распространились слухи, что "гербы" уже везут, а возможно, они уже привезены. Толпы окружали управы, церкви и школы, требуя их выдачи.

Не обнаружив гербы и будучи уверенными, что "настоящие хорваты" венгерских гербов не вывешат, крестьяне требовали от чиновников делать письменные заявления, что они "за народ". Распространялись слухи, что император симпатизирует хорватам, не позволит применить против них оружие, и надо защищать Франца-Иосифа от мадьяров, которые все налоги забирают себе, а государю ничего не дают и пр. В основном, таким образом, преобладали представления патриархального общества, на которые накладывалась национальная агитация.

Вскоре начались нападения на общинные управы и чиновников. В Марии-Бистрице "после мессы" (!) со здания управы был сорван герб, разбиты стекла, тяжело избиты два чиновника, одного из которых изгнали. Прибывшего в село поджупана забросали камнями. Сопровождавшие его стражники стреляли: один крестьянин был убит и двое ранено. В Бистрицу были посланы три роты солдат.

В соседней Горной Стубице крестьяне вынудили спасаться бегством чиновников, учителя и более богатых землевладельцев. Всех "господ", в том числе графа С. Оршича, заставили подписывать декларации, что они "хорваты", "а не мадьяроны" (хотя мадьяронами были именно хорваты и сербы, т.е. местные люди) (слово "хорват" получило политический смысл).

В связи с крестьянскими волнениями вопрос о двуязычных надписях отошел на второй план (его решили своеобразно: вывесили "немые" гербы — без надписей). В Хорватии было введено чрезвычайное положение (комиссариат). Королевский комиссар генерал Г. Рамберг руководил карательными мерами. Потребовалось более двух недель, чтобы "навести порядок", сотни крестьян были приговорены к заключению. Вместе с тем генерал приказал временно прекратить распродажу крестьянского имущества за долги.

Еще более серьезный характер получили волнения на бывшей Военной границе, а именно на Банской границе, "в отсталом и заброшенном крае" (Д. Павличевич). Хорватский историк не без основания называет эти события восстанием или бунтом (буна). Как и относительно гражданской части страны, приведем несколько примеров. В Петринском округе восстали хорватские и сербские села. В селе Якубоваш произошли наиболее трагические события. Крестьяне добивались выдачи им "гербов" и венгерских флагов, избивали общинных чиновников, разгромили дом местного учителя — сторонника правящей ("мадьяронской") партии⁵, а также корчму. В последовавшей стычке с войсками погибло 23 человека, несколько десятков было ранено. Около ста жителей было арестовано.

Имели место попытки захвата близлежащих местечек, где поэтому была создана гражданская гвардия. Кроме чиновников подверглись нападению богатые люди и священники, на недавних выборах голосовавшие за правительство. Кое-где вооруженные кре-

стьяне арестовывали стражников (у бывших граничар сохранилось немало оружия). Население требовало возвращения под власть Венны, замены венгерских гербов императорскими орлами. Оживились воспоминания о войне против Венгрии в 1848 г.⁶ В венгерском государстве бывшие граничары видели своего противника. Волнения здесь еще в большей мере, чем в бывшем Провинциале, приобрели национально-политический характер. В целом на бывшей Военной границе движение было столь значительным, что на его подавление было послано около двух пехотных полков.

Накануне волнений по селам ширилась агитация за восстание против Венгрии. По-видимому, в ней участвовали как сторонники хорватской партии права, так и радикально настроенные сербы⁷ (обращает на себя внимание тот факт, что в Сербии в 1883 г. вспыхнуло крестьянское восстание; сходные процессы вызывали аналогичные последствия). По сообщениям властей, подстрекали (и без того возбужденных) крестьян "бродяги", "студенты", "поденщики" и др., т.е. люди пришлые (часто из городов).

Партия права в 60–80-х годах включала наряду с частью буржуазной интеллигенции демократически радикальные и социалистически анархистские ("нигилистские") элементы, в частности (как уже говорилось) симпатизировавшие М.А. Бакунину⁸. По-видимому, они проявляли активность в недели, предшествующие крестьянским волнениям.

Летом 1883 г. после выборов в сабор, на которых победил кандидат правительства, в бывшей Банской границе распространялись слухи, что выборщики – учителя, священники, чиновники – "продали страну мадьярам". Вести о волнениях в Загребе и Загорье распространяли не только торговцы и ремесленники (побывавшие там), но и студенты и гимназисты – сторонники партии права. Имеются также сведения об антиправительственной агитации отдельных сельских священников. В донесениях полиции среди "подстрекателей" упомянут Г. Грюнхут, левый праваш, редактор партийной газеты "Слобода", "социалист", связанный с загребскими рабочими кружками. На правашей сыпались обвинения в том, что они грозят обществу "крестьянской оглоблей".

Правашаи, несомненно, выражали недовольство социальной обстановкой. В движении 1883 г. они видели оправдание своей оппозиционности всему социально-политическому строю Австро-Венгрии, а партия права в целом стремилась расширить свое влияние "в низших и средних слоях"⁹. Но руководство партии клялось в верности принципу святости частной собственности. Нет данных о движении правашаи радикальных аграрных программ и о социальном радикализме руководства партии¹⁰. Агитация была сосредоточена на проблеме венгерской власти и "мадьяронов". Устой консервативного режима в Хорватии, давившего на крестьянство, несомненно, поддерживались иноземной властью, и поэтому понятна отмеченная направленность агитации правашей. Тем не менее, нет оснований считать партию права в целом выразительницей чаяний крестьянства¹¹. Режим дуализма в начале 80-х годов был устойчив, и правашаи могли надеяться лишь на то, чтобы "насолить" своим политическим противникам, воспользовавшись недовольством и возбуждением народа¹².

Лидер правашей А. Старчевич писал о социальных причинах крестьянских волнений: люди считают, что "лучше умереть, чем умирать, лучше в настоящей тюрьме на казенном содержании, чем в фактической тюрьме не иметь ничего, кроме несвободы"¹³. Подстрекать народ к бунтам нет нужды, — утверждали публицисты-правашаи, оправдывая партию, — сами условия (имелось в виду Соглашение 1868 г.) толкают его к этому. Народ видит, утверждал Старчевич, что чем больше он работает, тем меньше имеет. Все это использовалось для пропаганды принципа национального суверенитета.

Для нашей цели — выявления подхода политических течений к крестьянскому вопросу — представляет интерес речь Грги Тушкана — депутата сабора от партии права по поводу событий в селах бывшей Военной границы в 1883 г. Он назвал их "восстанием" против органов власти. Хотя крестьяне ненавидят "господ" вообще, поводом к событиям стало навязывание народу мадьяронов на выборах в сабор. При порядке, установленном Соглашением 1868 г., венгерские власти на хорватские деньги строят Будапешт, железные дороги и пр., тогда как необходимые работы по регулированию

русла Савы, затопляющей долины, не производятся... (После 1868 г. развернулся бесконечный венгеро-хорватский спор о финансах: венгерские министры утверждали, что им еще приходится отпущать средства для Хорватии.) "Народ говорит, — продолжал Тушкан, — мы так не хотим, это наше, мы хотим иметь своё для себя, мы хотим быть хозяевами в своем королевстве, самостоятельными в своем доме". Утверждается, что волнения организовали старчевичанцы, это неверно, но мы, провозглашал депутат, довольны тем, что народ не дает себя обманывать, проливает кровь за себя, а не в Италии или Германии (имелись в виду войны Австрии, в которых участвовали граничары. — В.Ф.). "Народ сам должен решать, каким должен быть состав сабора"¹⁴.

Эволюция социальной основы партии права, которая представляла собой симбиоз мелкособственнических кругов (постепенно в трудных условиях рождавших буржуазию) и неимущей радикальной "полуинтеллигенции", эта эволюция в 70–80-х годах приводила к тому, что партия не столько выражала интересы крестьян, сколько видела в крестьянстве средство давления на политических противников. Ведь более зажиточные слои мелкой буржуазии, как и народные массы, страдавшие от режима, тем не менее основывали свое благополучие прежде всего на разорении мужика (ростовщическо-кредитные операции, скупка урожая, спекуляция землей и пр.), и хотя в выступлениях правашей, указывавших на инациональную власть, как на причину бедствий народа, содержалась правда, это во все большей степени была не вся правда.

Такова одна из линий генезиса национализма: патриотизм в условиях социальной дифференциации самого хорватского общества постепенно становился все более удобным облачением для имущих слоев или даже громоотводом. Тот же праваш Г. Тушкан, выступление коего в саборе приводилось, стал основателем Посавской сберегательной кассы и со временем одним из лидеров национальной банковской группировки и выражавшей ее интересы умеренно-либеральной Хорватской партии права (ХПП); в начале XX в. он был чужд интересам крестьянства (в частности,

выступал против крестьянской партии Степана Радича)*.

Независимая национальная партия (возникла в 1880 г.), умеренно-либеральная, не шла в своей деятельности в 1883 г. так далеко, как праваша. Пока волнения ограничивались городами, независимцы также участвовали в антиправительственной агитации, но крестьянские волнения их насторожили. Все же для независимцев, как и правашей, крестьяне – не "толпа насильников, зверей и грабителей" (так писали официальные "Народни новине"), а жертвы режима.

После событий 1883 г. в печати и саборе вновь и вновь возникали дискуссии по крестьянскому вопросу, и оппозиция, приводя сведения о злоупотреблениях властей, по-прежнему добивалась ускорения ликвидации наиболее нетерпимых остатков феодальной эпохи.

Подавив крестьянские волнения, венгерское правительство графа Тисы ужесточило режим в Хорватии, назначив баном завязтого мадьярона славонского (венгеро-хорватского) графа К.Куэна-Хедервари (1883–1903 гг.). Последнему удалось ослабить буржуазную оппозицию. Но в начале XX в. оппозиция вновь активизировалась, в политическую борьбу втянулось крестьянство, активность стал проявлять рабочий класс.

2. Старое и новое в деревне в конце XIX – начале XX в.

Заметные сдвиги в экономической ситуации в Хорватии произошли в конце XIX – начале XX в.¹⁵ В отличие от Венгрии, они однако не привели к существенным изменениям социальной структуры общества. К 1914 г. последнее оставалось аграрным и мелкобуржуазным¹⁶. В 1890 г. сельское население составляло 84,5%, в 1900 г. – 82% жителей Хорватии. Загреб тогда же насчитывал менее 60 тыс. человек¹⁷. В 1900 г. в Хорватии было неграмотно около половины мужчин и около двух третей женщин (но в городах – только 18,67% мужчин и 26,32% женщин)¹⁸.

*Данные о росте хорватского кредитно-банковского капитала, приводимые в дальнейшем, многое объясняют в политической жизни Хорватии в конце XIX – начале XX в.

Торгово-ростовщический (банковско-кредитный) капитал еще решительно преобладал над промышленным, а раннекапиталистические и полуфеодальные отношения не были преодолены. Замедленное развитие хозяйства во многом было следствием как политики венгерских правящих кругов, так и промышленной конкуренции развитых земель монархии, но основы процесса коренились, по-видимому, во внутренних условиях. При всем том несомненно, что национальная зависимость сказалась на одностороннем характере экономического развития Хорватии, что определялось интересами империи. Ни о какой гармоничности развития хозяйства поэтому не могло быть и речи. Это проявлялось хотя бы в железнодорожном строительстве: запад и восток Хорватии были хуже связаны между собой, чем с Веной и Будапештом, внутривенгерским связям мешала и целенаправленная тарифная политика (провоз товаров через Будапешт обходился дешевле, чем непосредственно из одной хорватской области в другую). Экономика Хорватии была тесно связана с имперскими центрами¹⁹.

С учетом сказанного отметим оживление промышленности: предприятий с персоналом более 20 человек в 1890, 1900, 1910 годах соответственно было 109, 205, 271²⁰. В 1900 г. на каждом из десяти более крупных предприятий было занято более 300 человек²¹. Быстрее других отраслей развивались мукомольное дело (1890 – 103, в 1900 – 155 паровых мельниц)²², лесная промышленность. Число кредитных заведений разного вида (банки, кредитно-сберегательные кассы, кооперативы) составило в 1890, 1900 - 1913 годах соответственно 94, 242, 1039, их акционерный капитал (в млн крон) соответственно 10, 34 и 112, вклады – 58, 91, 271, выданные ипотечные займы – 16, 55, 154.

Местная и инонациональная буржуазия²³, а также часть помещиков, связанных с финансовыми кругами, богатели, преимущественно занимаясь парцелляцией и перепродажей земельных участков (распродавались помещичьи владения и участки мелких крестьян). Сберегательные кассы находились в основном в руках хорватской и сербской буржуазии. В долгу у них находилась масса местного крестьянства.

В начале XX в. "господами положения" в Хорватии являлись "владельцы денег"²⁴. Это важный результат социально-экономического развития страны после 1848 г., о чем в источниках говорится неоднократно. Обуржуазивание дворянства в начале XX в. было значительным. За исключением части аристократии, связанной с венгерским режимом, дворянство старое и новое (служилое и буржуазного происхождения) вливалось в ряды национальной буржуазии. Среди дворян было немало интеллигенции (преподавателей иностранных языков, музыки и пр.)²⁵. Характерной фигурой того времени являлся граф Мирослав Кульмер — землевладелец и крупный банкир; по воззрениям либерал, он участвовал в национальном движении.

Между тем землевладение в Хорватии определялось прежде всего наследием феодальной эпохи; при этом уже сказалась и социальная дифференциация после 1848 г. В 1895 г. хозяйств площадью до 5 ютов (ютров)²⁶ насчитывалось 180 тыс. (44% от общего количества). Они занимали всего 8,5% площади (в том числе микроскопических наделов до 1 ютра имелось около 54 тыс. или 13,2%). Далее: хозяйства 5—20 ютров (47%) занимали 41,5% площади; 20—200 ютров (8,3%) — 24% площади; 200—1000 ютров (0,09%) — 3,6% площади; свыше 1000 ютров (0,05%) — 22,5% площади (последних насчитывалось 209)²⁷.

У 39 крупнейших помещиков было сосредоточено 2/3 всей помещичьей земли; имелись графские и княжеские латифундии (принадлежавшие магнатам преимущественно нехорватского происхождения) в десятки тысяч ютров. Они были сосредоточены преимущественно в Славонии, и в Вировитицкой жупании, например, занимали до 60% площади.

Можно сгруппировать данные переписи 1895 г. несколько иначе: 290 тыс. хозяев (участки до 10 ютров) — 2/3 всех частных владельцев — в совокупности имели 1/4 всей земли. Эта группа в общем и целом составляла сельскую бедноту. Другая четверть земли находилась в руках средних крестьян (хозяйства приблизительно по 10—20 ютров), они составляли 1/5 всех владельцев. Как отмечалось в саборе, в хозяйствах до 15 ютров "о пополнении инвентаря, машин, скота и т.д. нечего и упоминать"²⁸. Только владелец 20 и более

ютров считался "хозяином" (газда). Около 23% площади, т.е. тоже около 1/4, принадлежало хозяйствам по 20–200 ютров (8% хозяйств)²⁹ и, как отмечалось, 22,5%, т.е. тоже около 1/4 площади, имели крупные помещики.

При изучении истории аграрных отношений в стране, сохранившей после 1848 г. крупное помещичье землевладение, возникает проблема ведущей роли тех или иных социальных слоев в процессе капиталистической модернизации земледелия. Для ее решения необходимы монографические исследования способов ведения хозяйства крупными землевладельцами, аграрной буржуазией и крестьянами. Такое исследование развития экономики одной латифундии в Хорватии имеется³⁰. В труде И. Карамана показан способ преодоления кризиса крупнопомещичьего хозяйства в Славонии после ликвидации его прежней основы — барщинных и иных феодальных повинностей в 1848 г. С середины 60-х годов это в основном распродажа леса ценнейших сортов³¹. Постепенному переходу усадеб (маюр) к капиталистическим методам ведения хозяйства способствовало приобретение помещиками усовершенствованного инвентаря, машин, паровых двигателей, строительство мельниц и пр. Можно утверждать, что пионерами внедрения рациональных методов хозяйствования в Хорватии являлись, по крайней мере на части своих земель, крупные помещики. Однако наиболее характерной чертой обуржуазивания дворянской знати (владельцем латифундии Вальпово площадью более 40 тыс. ютров являлся в 1848–1885 гг. барон Прандау) было сближение ее с банковским капиталом — приобретение ценных бумаг австрийской и венгерской казны и частных компаний, преимущественно также австрийских и венгерских, и, наконец, создание предприятий в имениях. Процесс сближения с буржуазией, начавшийся еще в XVIII в., во второй половине XIX в. приобрел широкий характер. И. Караман показал, что именно финансовые операции стали давать главный доход барону Прандау.

Часть своих земель, предприятий и привилегий Прандау сдавал в аренду. Как свидетельствует ряд источников, в особенности стенограммы заседаний сабора, крупные арендаторы, в свою очередь, сдавали участки в субаренду. Субарендаторы, по жалобам сельского населения, являлись наиболее жестокими притеснителями

крестьян, работавших на них или, в последнюю очередь, вновь арендовавших участки земли для обработки (опять-таки часть не за деньги, а на условиях отработки или исполу). То есть в конечном счете действовала полуфеодальная система.

К сожалению, автор ценной монографии о Вальповской латифундии, сосредоточив внимание на усадьбах землевладельца, как предприятиях, все в большей мере становившихся капиталистическими, ограничился лишь упоминанием, что много земли "арендовали крестьяне"³², но не раскрыл условия этой аренды. Все это побуждает пока что сдержанно отнестись к предложенной автором обширного введения к книге Карамана академиком М. Мирковичем периодизации развития крупнопомещичьего хозяйства в Хорватии после ликвидации основных устоев феодализма: 1848—1885 гг. (объяснить столь четкий рубеж невозможно. — В.Ф.) — "период организации капиталистического крупного хозяйства", с 1885 г. — "последующий этап" развития такого хозяйства³³. По нашему мнению, можно говорить о преобладании с какого-то времени элементов капиталистического метода хозяйствования, но в целом капиталистическим помещичье хозяйство в Хорватии так и не стало до 1918 г.

Характерно, что организованное еще в 1841 г. Хорватско-славонское сельскохозяйственное общество (оно ставило перед собой цель способствовать созданию образцовых хозяйств, принадлежащих "высшему классу", т.е. помещикам)³⁴, по замечанию осведомленного исследователя, до начала XX в. носило "феодальный отпечаток"³⁵. Вместе с тем нельзя игнорировать новые веяния в его деятельности в последней трети XIX в. — пропаганду агрономических знаний и др. В начале XX в. общество по своему составу и деятельности все более приобретало либеральный характер, превратившись в конечном счете в кооперативное объединение. Важные тенденции развития помещичьего хозяйства несомненно сказались на судьбе сельскохозяйственного общества.

Только с развитием средней и мелкой, по преимуществу крестьянской по происхождению, сельской буржуазии можно (да и то с оговоркой) утверждать о значительной победе капиталистических отношений в сельском хозяйстве Хорватии в конце XIX — начале

XX в. (Упомянутая оговорка заключается в том, что и богатый крестьянин сочетал в своем хозяйстве буржуазные и кабальные методы найма работников.)

В начале XX в. много крестьян продолжало арендовать помещичьи леса, пастбища и луга. Часть площади обрабатывалась на старинных условиях ("горница"). Издольная аренда за $1/3$ – $1/2$ урожая сохранялась повсеместно. Особенно в Славонии, области латифундий, отработочная система, по свидетельству депутата сабора, фактически оставляла земледельца в положении "раба и крепостного"³⁶.

Что касается бедноты, то на три хозяйства по 5–10 ютров приходилось 2 лошади, на 1 хозяйство в 10–20 ютров — 1,26 лошади³⁷. Масса бедноты находилась на грани голодного существования, она была готова работать на помещика, предпринимателя-агрия или соседа-крестьянина на самых тяжелых условиях. Многие крестьяне, не имевшие рабочего скота, нанимали для обработки своего участка соседа с упряжкой быков или лошадей и за день работы отработывали десять и более дней вручную³⁸.

Широкие масштабы приобрело отходничество парцельных крестьян³⁹. Но крестьяне цепко держались за участок, даже становясь промышленными рабочими⁴⁰.

Именно в конце XIX в в деревне становится весьма влиятельной фигура землевладельца-торговца-ростовщика, прозванного гулибароном (слово произведено от хорв. гуликожа — нарыв, фурункул). В значительной мере его хозяйство было организовано на бывшей помещичьей земле, подвергавшейся интенсивной парцелляции и распродаже. Беднота ему отработывала займы, ему нередко продавался за полцены на корню будущий урожай, у него же брали взаймы хлеб весной и пр. В лавке сельского торговца широко практиковался натуральный обмен: "Есть села, где большинство не имеет в хате даже филира (филлер — мелкая монета в Венгрии, — В.Ф.), а керосин, спички и другое покупает за яйца"⁴. Гулибарон — обычно небескорыстный приятель местных чиновников. Это — сельская "элита".

В этих условиях противостояния массы крестьян (даже всего крестьянства) латифундистам и помещичье-буржуазному государст-

венному аппарату в конце XIX — начале XX в. все более интенсивно продолжался процесс социальной дифференциации крестьянства. Пробивал себе путь богатый крестьянин, поставлявший на рынок все больше рогатого скота, свиней, зерна, вина и др. Именно во второй половине 90-х годов XIX в. и в 1900-х годах, когда ежегодно исчезали тысячи хозяйств бедноты, эмиграция достигла невиданных ранее размеров — десятки тысяч крестьян покидали страну (уезжая преимущественно в США)⁴², а большинство сельского населения увязало в долгах, прочно становился на ноги зажиточный крестьянин. Вот приведенный в литературе характерный пример, как это происходило. Юноша-сын, "крайне жадный до земли", настоял на выделении отцом ему участка; расчетливо женился, получив большое приданое; добился выделения из сельской "земельной общины", при этом получив лучший по качеству надел (во время раздела общины землемер жил у него); стал прикупать парцеллу за парцеллой, установил связь с местным банком, получил кредит, поставил ветряк и лесопилку, приобрел паровую молотилку; наладил производство водки, вырыл пруды и завел рыбное хозяйство. Накануне войны 1914 г. уже был богатым хозяином, нанимал до 15 батраков, а в 20-х годах — известным предпринимателем⁴³.

Ряд разбогатевших крестьян упоминается в сочинениях основателей Хорватской крестьянской партии, некоторые выступали в качестве ее активистов. Так, Йосип Предавец торговал скотом, совершая при этом деловые поездки не только в Австрию, но и Германию. Образцовое хозяйство принадлежало братьям Думбовичам; они прикупали землю у соседнего графа, а в страдную пору нанимали 30—40 работников. Депутаты сабора — зажиточные крестьяне — особенно подчеркивали заметные сдвиги в экономике села. Укрепление экономических позиций зажиточного крестьянства служило при этом аргументом в пользу устранения остатков сословного неравноправия крестьянства, поскольку фактически имущественные границы между верхами крестьянства и буржуазией размывались. "Как только где-нибудь объявляют о парцелляции земли крупного помещика, крестьянство своими мозолями добывает средства и эту землю покупает... это хороший признак для крестьянского сословия и я могу гордиться делами своих братьев... Крестьянское сословие прогрессировало во всем"⁴⁴.

С. Радич отмечал в 1908 г., что в Хорватии примерно с 1902–1903 гг. развилось "самое прогрессивное земледелие и самое рациональное животноводство"⁴⁵. В 1914 г. он же говорил, что в области животноводства хорватское "крестьянство двинулось вперед в прогрессивном духе, развившемся под влиянием Америки"⁴⁶.

Товаризация не только помещичьего и буржуазного, но наконец и крестьянского (по сословной принадлежности владельцев) хозяйства – важнейший процесс в хорватской деревне в конце XIX – начале XX в. Об этом прежде всего свидетельствуют данные о вывозе скота из Хорватии (поскольку земли было мало и она облагалась тяжелым налогом, животноводство занимало все более важное место в товарном хозяйстве)⁴⁷. С 1896 по 1905 г., т.е. только за десять лет, поголовье скота, вывезенного из Хорватии главным образом в Австрию и Германию, возросло со 160 тыс. до 442 тыс., а его цена – с 13,5 млн крон до 63,3 млн крон, т.е. почти в пять раз⁴⁸. После заметного спада в 1906–1908 гг., вывоз скота вновь увеличился: в 1910 г. было экспортировано 443,6 тыс. голов на сумму 70,9 млн крон⁴⁹. Перед первой мировой войной эта сумма превысила 75 млн крон, а количество вывезенного скота достигло полумиллиона голов.

Сказанное, однако, еще не дает полной картины происходивших на селе процессов. Дело в том, что наряду с впечатляющим ростом экспорта поголовье скота на душу населения в Хорватии постепенно снижалось (с 1850 по 1911 г.)⁵⁰. Это означает, что крестьянин в массе питался плохо, а животных выращивал на вывоз, чтобы уплатить налоги, долги торговцу, ростовщику и помещику.

Б. Стойсавлевич, специалист по истории крестьянства, характеризует Хорватию в момент вхождения в состав Королевства СХС (Югославии) в 1918 г., как "страну помещичьих имений и отсталого крестьянства"⁵¹. Это справедливо в отношении подавляющего большинства крестьян. Но неверно было бы игнорировать появление в хорватском селе предприимчивого зажиточного меньшинства, которое в годы, предшествовавшие первой мировой войне, уже вело интенсивное товарное хозяйство. При этом зажиточный крестьянин расширял посевы товарных культур, сокращал площади под паром⁵².

и не только сам выращивал скот на продажу, но и скупал его с этой целью у многих соседей и в других общинах.

В этих условиях сохранялось упомянутое выше сословное неравноправие крестьянства. В частности, оно проявлялось в том, что до 1910 г. более 9/10 населения практически было лишено избирательного права, а для крестьян — глав семей (в задругах — глав задруг) сохранялась установленная еще в 1848 г. двухступенная система выборов в сабор; в местные общинные представительства треть депутатов посылали 24 наиболее крупных собственника; в саборе крупнейшие светские и духовные землевладельцы имели право личного ("вирильного") представительства, это право было закреплено за теми магнатами, предки которых до 1848 г. держали в своих руках суд над крепостными (сеньериальная юрисдикция). То есть опять-таки политические права были связаны с феодальной традицией. Неравноправие крестьянства по-прежнему проявлялось в более высоком избирательном цензе в сельской местности в сравнении с городами.

Итак, правовое положение крестьянства в начале XX в. в сравнении с серединой XIX в. изменилось мало. Феодальный дух пронизывал реформаторов и их реформы, проводившиеся в последний трети XIX — начале XX в. Показателен в связи с этим пример дискуссии по поводу ликвидации дорожной повинности, отмененной в 70-х годах XIX в. Закон вызвал недовольство крестьян, так как резко (подчас вдвое) повысил сборы в деньгах именно с них, тогда как помещики отделались небольшим повышением налога. В ответ на протест праваша Ф. Фолнеговича (национально-радикальная мелкобуржуазная в то время партия права вела антимагнатскую пропаганду, в частности потому, что дворянская знать была опорой венгерского господства над Хорватией) представитель правительства разъяснил, что выкуп дорожной повинности распределяется не пропорционально поземельному налогу, а "на основе связей, существовавших между помещиками и крестьянами"⁵³ (до 1848 г.), т.е. выкупается повинность бывших крепостных. В конце XIX в. была выкуплена "мостовина" — пошлина за проезд крестьян по мосту, принадлежавшему помещику до 1848 г. Неоднократные (вплоть до 1914 г.) ссылки на "прежние связи", на порядок, существовавший при феодализме, подчеркивали сословную приниженность крестьян.

Крестьянская земля по-прежнему облагалась налогом, в несколько раз более высоким на единицу площади, чем помещичья. Крупные помещики и в начале XX в. практически были освобождены от тяжелого местного налога, в различных районах составлявшего от половины до двойной суммы поземельного налога (существовало правило, согласно которому помещик платил местный налог не больше "самого зажиточного крестьянина"⁵⁴). Помещичьи имения были освобождены от расходов, связанных с общественными работами, весьма отягощавшими крестьян (строительство и ремонт дорог и др.), и других обязанностей, вроде борьбы с разбоем. Со словное неравноправие проявлялось в том, что крестьянин не мог стать учредителем сберегательной кассы. Считалось недопустимым, чтобы сельская учительница вышла замуж "за мужика" и т.д. и т.п.

В начале XX в. сохранялись некоторые регальные права помещиков (устройство перевозов, базаров). "Бесчеловечным и убыточным" для крестьянина (как было сказано в одной жалобе) законом об охоте (1893 г.) обширные угодья землевладельцев были вновь взяты под защиту. Как и при феодализме, дичь и животные, водившиеся там, наносили большой ущерб хозяйству крестьян. Требовать возмещения по суду было делом практически безнадежным. Крестьянский же скот, застигнутый в помещичьих владениях, разрешалось уничтожать, а владельца — штрафовать. Штрафы, получаемые с крестьян, являлись заметной статьей дохода крупного землевладельца⁵⁵. Эта ситуация вызывала частые конфликты. Полиция, суд и администрация, как правило, стояли на страже помещичьих интересов. В случае конфликта крестьяне подвергались обыскам, избиениям, арестам⁵⁶. На каждом шагу они ощущали грубое, пренебрежительное отношение государственных органов, находившихся под контролем крупных землевладельцев и буржуазии. В начале XX в. только в отношении крестьян, как бывшего крепостного сословия, сохраняли силу некоторые установления абсолютистских патентов 50-х годов XIX в. Так, общинный начальник имел право держать крестьянина под арестом до двух недель или штрафовать его.

В большой степени неравноправие крестьян сказывалось в сохранении общинного землевладения (по закону 1894 г. опека чиновников над общиной была еще усилена)⁵⁷. Крестьянин не мог свободно распоряжаться общинной собственностью (законы о порядке раздела общин изменялись как в сторону облегчения, так и затруднения процесса).

Но с ростом грамотности крестьянства, связей деревни с городом у крестьян укреплялось чувство собственного достоинства. Все более становилось нетерпимым, что "всякий рассыльный и последний писарь считают себя выше зажиточного пахаря, а тем более бедняка — работника"⁵⁸. Крестьяне-хозяева были кровно заинтересованы в устранении всевластия помещиков и чиновников и других препон, мешавших развитию экономики села. В этом отношении их поддерживала масса мелких земледельцев. Пролетаризованные слои были настроены более радикально. Их уже все больше интересовали не проблемы упрочения хозяйства и сбыта аграрных продуктов, а условия найма. В этой среде не исчезали надежды на раздел помещичьей земли. Широкие слои деревни считали необходимым исправление несправедливостей, нанесенных народу в ходе осуществления реформ 1848—1850-х годов (сегрегацией, комасацией, захватом угодий и пр.). В начале XX в. процессы пореформенной эпохи еще не были завершены, и крестьянство не только помнило о насильственных действиях властей в интересах старых и новых господ в недавнем прошлом, но продолжало испытывать несправедливости, вызванные сохранением остатков прежних отношений. Атмосфера в хорватском селе была накалена. Острые противоречия проявились во время движений 1897 г. и 1903—1904 гг.

Волнения 1897 г. хорватских и сербских крестьян в северо-западных районах Хорватии по своей направленности были близки событиям 1883 г. (о которых мы писали более подробно). Дело дошло до убийства чиновников, расстрела жандармами и солдатами крестьян, наконец, осуждения участников волнений на смертную казнь и заключение. Иное содержание приобрело движение в восточной части страны (Славония, особенно Срем). Здесь — в районах преобладания полупролетарских хозяйств и безземельного батрачества — оно уже было связано с социал-демократией Хорватии и Славонии, возникшей в 1894 г.⁵⁹

В Хорватии, где в городах производство было в основном ремесленным, социал-демократия опиралась на рабочих мелких мастеровских и мелких ремесленников. Поскольку крестьянская беднота и полупролетариат (в особенности в восточной части Славонии, в Среме) терпели жестокую нужду, как и их собратья в городах, руководство социал-демократов (Витомир Корач) провозглашало общность интересов всей бедноты (городской и сельской), пропагандировало идеи социальной справедливости. Даже известный призыв марксистов они переводили так: "Беднота всех стран..." Достижение своих целей социал-демократы предусматривали путем законной, прежде всего парламентской деятельности. Для завоевания мест в саборе партия стремилась вовлечь под своими лозунгами в избирательную борьбу сельскую бедноту, в противном случае в крестьянской стране, по мнению Корача, партия была обречена на бессилие.

Ситуация в Хорватии столь отличалась от Австрии и даже Венгрии, что хорватские социалисты, в отличие от австрийских и венгерских, обратили особое внимание на деятельность в деревне⁶⁰. Делегаты первого съезда (1895 г.) говорили о необходимости организации страхования крестьянских хозяйств, улучшения условий найма батраков, развития их профсоюзного движения, закрепления за крестьянством остатков общинной собственности (идея консервативная с экономической точки зрения). Шла речь и о кооперации мельчайших хозяйств⁶¹, мелиорации и др.

Социал-демократы не могли не ощущать особой остроты социальных противоречий в деревне, важности крестьянского вопроса для судьбы Хорватии. В 1895 г. Главный комитет партии предполагал рассмотреть его в партийной программе ("обратить особое внимание на наши аграрные отношения"). В проекте программы говорилось о необходимости расширения земельных владений общин (предоставив им преимущество при покупке участков), об их коллективной обработке, о равном праве членов таких кооперативов на доход, выделении средств на нужды социального обеспечения, наконец, о создании государственного крестьянского банка с целью облегчения ипотечной задолженности крестьян, приобретения земли для кооперативов и страхования крестьян. Более того,

в качестве максимального требования говорилось о передаче законным путем "всей земли, полей, лесов, рудников" (наряду с машинами, т.е. фабриками, и средствами сообщения) "в общую собственность всех людей" при "равном праве на пользование всем, что дает природа"⁶². Но, по-видимому, эта декларация показалась большинству второго съезда (1896 г.) радикальной; в результате — в отношении крестьянства — съезд ограничился резолюцией об агитации в деревне и вовлечении крестьян в социал-демократические организации⁶³.

Требую демократии и политических прав для бедноты и рабочих, хорватская социал-демократия выполняла роль крайней левой (мелкобуржуазной) демократической группировки. Но вместе с тем она пропагандировала социалистические идеи в духе Второго Интернационала, солидаризировалась с международным, особенно австрийским и венгерским, рабочим движением.

Уже в 1895 г. на своем первом съезде социал-демократы отметили успех своей агитации в деревне⁶⁴. Но дальнейшее не только превзошло их ожидания, но и вовлекло социал-демократов в движение, характер которого они сами предвидеть были не в состоянии.

Критика социал-демократами существующего строя привлекала к ним сельскую бедноту. Крестьяне в большом числе сами стали приходить к социал-демократам, интересовались социалистической литературой. Социализм они представляли как "жизнь в согласии", порядок, основанный на братстве и равенстве⁶⁵. Возникли десятки сельских социалистических групп, при этом деятели партии не смогли удержать их в предусмотренных руководством социал-демократии рамках: крестьяне отстаивали необходимость раздела помещичьих земель, а случаи конфискации крестьянских участков за долги и недоимки все чаще становились поводом для выступлений протеста, стычек с полицией и пр. Напряжение в селах нарастало. Власть здесь конфисковывала социалистическую литературу, свободно распространявшуюся в городах. В 1895 г. были разогнаны первомайские собрания крестьян, а ряд социалистов арестован. С началом избирательной кампании весной 1897 г. волнения усилились. Вооружаясь вилами и косами, крестьяне добивались освобождения арестованных⁶⁶. Волнения были подавлены жандармерией и войска-

ми. Руководители социал-демократии и ряд активных крестьян были арестованы. Состоялось несколько судебных процессов.

На вопрос судьи, как они себе представляют социализм, один из обвиняемых Гавро Нешкович ответил: "Объединение, братство и дружба. Стремление к жизни в согласии, и чтобы исчезла ненависть между людьми разных вероисповеданий". О цели движения Лазо Форишкович сказал: "Избрать депутата, который стал бы опорой бедноты, так как мы считали, что другие депутаты — все что угодно, только не за народ", хотим "прежде всего всеобщее избирательное право". Крестьян обвиняли в чтении литературы, содержащей призыв к введению "коллективной собственности", в планах раздела помещичьей земли. Среди обвиняемых были сельские жители, вынужденные продать участок, чтобы заплатить недоимки по налогам⁶⁷. Характерно, что судьи убеждали подсудимых крестьян в том, что им (как собственникам) не по пути с социалистами, а крестьяне отвечали, что они "все — пролетарии".

В 1905–1907 гг. в тех же районах Хорватии, как и в южной Венгрии, вспыхнули массовые "стачки жнецов", не только добивавшихся улучшения условий найма поденщиков, но кое-где посягавших на помещичью землю. Движение было подавлено жандармерией.

Но наиболее значительными были события 1903 г., вошедшие в историографию как "народное вдвижение"⁶⁸. Начавшись как национальное (поводом послужило вывешивание венгерских флагов на государственных учреждениях), движение из Загреба, где произошли бурные манифестации и стычки с полицией, перекинулось в деревню. Здесь вновь, но в масштабах ранее невиданных (в десятках мест), вспыхнули выступления против чиновников, светских и церковных землевладельцев. Нападениям подверглись дома ростовщиков, сберегательные кассы, где были уничтожены долговые документы. Духовенство без успеха призывало народ к спокойствию.

Крестьяне считали режим антинациональным, установленным Венгрией, — эту сторону проблемы особенно подчеркивали члены партии права, участвовавшие в волнениях. Провозглашались требования самостоятельности Хорватии (в рамках империи), прежде всего "финансовой самостоятельности" — права собирать налоги и формировать бюджет. Социальные и национальные цели крестьянских выступлений были связаны воедино.

Много раненых скрывалось по селам, опасаясь ареста (поэтому точное число их неизвестно). Тюрьмы были переполнены. Но выступления продолжались и в 1904 г.

Движение 1903–1904 гг. наложило отпечаток на политическую жизнь Хорватии в 1905–1914 гг., программы и тактику различных партий⁶⁹.

Весь период последней трети XIX – начала XX в. в Центральной Европе был ознаменован длительным социальным кризисом, связанным с модернизацией общества – с формированием общества буржуазного и постепенным ослаблением полуфеодальных структур. Разные страны в разное время вступили в эту трудную полосу истории, когда исчезали патриархальное крестьянство и старое ремесленное сословие, происходило обнищание широких слоев населения, вызывавшее систематическую социальную борьбу, временами взрывавшуюся крупными волнениями (особенно в регионах замедленного развития капитализма в земледелии). В связи с этим активизировались социал-демократические партии. С другой стороны, упрочились позиции национальной буржуазии, т.е. происходила поляризация общества, причем обострение противоречий обгоняло постепенно нараставшие консолидационные тенденции, связанные с формированием новых средних слоев (зажиточного крестьянства, мелких и средних предпринимателей, квалифицированных рабочих, имущей служилой прослойки и интеллигенции). Это не была болезнь старения и время общего упадка капитализма, как полагали многие марксисты ("ортодоксы"), но его роста, утверждения, длительного и трудного в большинстве стран востока Центральной Европы перехода к периоду зрелости. При этом острота конфликта оказалась столь значительной, что раздавались голоса об угрозе "распада всех социальных связей", распада нации.

Чехия вступила в этот кризисный период, по-видимому, в 60-е годы XIX в. и прошла его относительно быстро, южные славяне Австро-Венгрии – в 80–90-е годы. В этих обстоятельствах с разными социальными идеями выступали как либеральные, так и клерикальные круги, активизировавшиеся после появления знаменитой энциклики папы Льва XIII "Рерум новарум" (1891 г.). Здесь обращалось внимание католической церкви на важность социальной проблемы,

указывалось на необходимость обеспечения трудящемуся люду достойных условий жизни. В Хорватии активизация церкви (христианско-социальная группа в 90-х годах, католический съезд, 1900 г.) произошла с заметным опозданием, поскольку местная иерархия зависела от венгерской либеральной власти, была связана с крупным землевладением и с трудом воспринимала новые идеи Ватикана. Но в Австро-Венгрии, стране в основном католической, влияние папского послания на общественную жизнь постепенно возрастало.

Глава 8

ХОРВАТСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ

Социально-политические взгляды
Антуна и Степана Радичей и возникновение партии
(90-е годы XIX в. — 1905 г.)

Крестьянские партии — особенность регионов востока Центральной Европы и Балканского полуострова¹. Их возникновение приходится на конец XIX — первые десятилетия XX в. Наличие огромной массы крестьянства (терпящего не только тяжкое давление полуфеодалных отношений и сословной приниженности, но и первоначальных жестоких форм капиталистического хозяйствования), переход которой в город и к прогрессивным формам ведения сельского хозяйства был крайне затруднен, стало базой сохранения общих ("сословных") интересов крестьянства. А конституционный либеральный порядок, хотя и ограниченный (в Венгрии, Хорватии, Болгарии, Румынии и др.), давал возможность создания крестьянских политических организаций. Вместе с тем, по нашему мнению, только с появлением слоя зажиточного крестьянства, у которого чувство достоинства хозяина сочеталось с пониманием непереносимости положения — неполноправия, враждебности существовавшего общества крестьянству и пр., указанная возможность реализовалась. Во всяком случае об этом свидетельствует опыт Хор-

ватии. Что же касается сельской бедноты и полупролетариата, то как было показано, они пытались использовать для своей организации социал-демократическое движение.

Братья Антун (1869—1919 гг.) и Степан (1871—1928 гг.) Ради-чи, выходцы из крестьян, впервые в хорватской общественно-политической жизни выдвинули идею обращения к крестьянству с целью решительной активизации национального движения. Они выступили в обстановке, когда, с одной стороны, вполне выявился процесс нарастания социальной напряженности в хорватской деревне и политизации крестьянства, а с другой — национально-буржуазное движение переживало кризис. Это был период " жесткого" правления бана К. Куэна-Хедервари (1883—1903 гг.). Результатами определенных сдвигов в экономике воспользовались преимущественно венгерские и провенгерские круги. Буржуазные оппозиционные партии были не в состоянии противостоять режиму. В 80—90-х годах они ограничивались защитой "государственного права" Хорватии, т.е. выдвигали требования расширения автономии Хорватии (на сферу финансов), объединения хорватских земель (в состав которых подчас включались Босния и Герцеговина). Наиболее радикальными были требования уравнивать Хорватию в правах с Австрией и Венгрией (хорвато-венгерский дуализм или австро-венгеро-хорватский триализм). Эти программы, несмотря на попытки мелкобуржуазных радикальных кругов развернуть агитацию в деревне (1883, 1897 гг.), не могли обеспечить национальным партиям прочной опоры среди крестьян и повсеместно утвердить среди югославян-католиков хорватское национальное самосознание.

Требовалась более глубокая социальная программа и систематическая агитационная и организаторская деятельность. Понимание этого в разной мере было присуще учащейся молодежи, вступавшей в общественное движение в 90-х годах, и нашло отражение в сборниках статей, вышедших в Праге². В них содержались прогрессистские идеи чешского профессора Т.Г. Масарика о необходимости сближения интеллигенции (в сущности, буржуазии в целом) с народной массой путем "малых дел" — активности в сфере просвещения, помощи крестьянину в улучшении хозяйства, развитии кредита, вытеснении ростовщика, т.е. в сущности всяческого

содействия упрочению мелкого производства и положения мелких собственников. В Чехии в данной сфере имелись немалые успехи, и пример чехов был достоин подражания. Это движение, в котором участвовал Степан Радич (будущий основатель крестьянской партии) получило наименование "прогрессистского".

Эволюции взглядов А. и С. Радичей в ранний период их деятельности посвящена статья С.А. Романенко. Автор отметил постепенный отход обоих деятелей от традиционных "интеллигентских" партий в конце 90-х годов, их стремление для достижения национальных целей опереться на крестьянство, конкретнее, на жизнеспособное в хозяйственном отношении (зажиточное) крестьянство. Теоретические принципы С. Радича в это время автор определяет как "сложное переплетение взглядов Т. Масарика, русских либеральных народников, западноевропейских позитивистов и хорватской национальной идеологии"³ (т.е. классического для хорватов того времени наследия идей югославизма, а также государственного и естественного права Хорватии на объединение своих земель и национальную самостоятельность, хотя бы в рамках государства Габсбургов).

С. Радич определял взгляды государственно-правовой оппозиции как "чистый культ хорватского государства при отсутствии минимальной заботы о хорватском народе"⁴.

Уже в 1892 г. он безуспешно пытался убедить патриарха государственно-правового движения Антуна Старчевича в целесообразности издания массовой газеты для крестьян, которая бы, наряду с пропагандой национальной программы просвещала крестьян, защищала бы их интересы⁵. Существо идеологии традиционных партий заключалось в том, что без национальной самостоятельности ничего реального в социальной сфере не сделать. Когда эти партии в конце XIX – начале XX в. стали перестраиваться и уделять внимание социальной проблематике (сначала в публицистике, позднее и в программах), то и тогда она оставалась на дальнем плане, да и в самом этом внимании было немало демагогии.

Вплоть до 1903 г., сотрудничая в Хорватской партии права – основной национальной умеренно-либеральной группировке – С. Радич убеждал лидеров партии, связанных в основном с банковско-

кредитным делом, принять программу, привлекательную для крестьян⁶. И здесь его постигло разочарование. Аграрный банк, учрежденный духовенством и буржуазией, не стал крестьянским (1902 г.).

Но события 1903 г. с особой силой показали либерально-демократическим течениям, что относиться прохладно к социальным требованиям крестьянства опасно. Более того, после народного движения 1903 г. стало ясно, что обращаться к народу за поддержкой на выборах без социальной программы бесполезно. Поэтому обещания "защищать крестьянский надел", "улучшить положение рабочих", способствовать добровольной парцелляции земли крупных землевладельцев и продаже ее крестьянам, бороться за всеобщее избирательное право (особенно после его введения в Австрии в 1906 г.) замечались в программах разных партий. Это называлось "обогащать политику социальным элементом". Но практических результатов не было. В сущности, только хорватская социал-демократия и возникшая в 1904–1905 гг. крестьянская партия всерьез занимались проблемами деревни.

Для раннего С. Радича приоритетной тоже являлась национальная проблема, именно для достижения успеха в этой области он выдвигал идею подключения крестьянства к общественному движению и в связи с этим необходимость социальной программы. Впрочем, обращаясь долгое время к буржуазии, он не мог по-иному строить свои доказательства. И в этом он, возможно внешне, до поры до времени мало отличался от остальных прогрессистов. Отличие однако всегда существовало — в 90-х — начале 900-х годов прогрессисты были либеральными демократами, сторонниками привлечения к сотрудничеству социал-демократии; в 900-х годах они пришли к представительству интересов городских средних и мелких торгово-промышленных кругов, их эволюция типична для радикально-буржуазных течений Европы от Франции до Балкан. Радичи же представляли иной социальный слой.

В среде неравноправного в национальном отношении народа авторы любых политических теорий стремились выразить общенациональные интересы и найти способы их достижения. Однако выбор

социальной опоры, того "рычага", с помощью которого общенациональные цели могли быть достигнуты (если, разумеется, социальная цель не была утопической) – уже показатель реального перехода идеолога к представительству того или иного общественного слоя (при этом какое-то время идеолог субъективно мог это не осознавать). Братья Радичи мечтали опереться на "народ", на крестьянство для освобождения Хорватии, но те конкретные пути и методы, которые ими с конца 90-х годов предлагались, все более убедительно свидетельствовали о том, что они выражали интересы крестьянства, точнее зажиточного крестьянства.

Взгляды А. и С. Радичей по национальному вопросу – тема столь же обширная, как и социальные взгляды (особенный интерес при этом представляет эволюция их в сербском вопросе, связанная с изменением международной обстановки в Юго-Восточной Европе в 1900–1914 гг.). Мы имеем возможность в данной работе лишь кратко упомянуть об этом. Сущность их воззрений – австро-славизм (австрофедерализм) и славянская солидарность (взаимность).

Свои принципы в сфере национальной – как они сложились на рубеже веков – С. Радич кратко изложил, в частности, в журнале "Славянский век". Этот журнал выходил в Вене на русском языке в 1900–1904 гг. под редакцией Дм. Вергуна, представителя С.-Петербургского телеграфного агентства⁷. Целью учредителей журнала, наряду с усилением русского влияния на славян Австро-Венгрии, было содействовать их сплочению для борьбы против национального неравноправия и германской экспансии. Редакция прокламировала "панславизм" или "славянский национализм", общность интересов всех славянских наций.

В журнале С. Радич выступил с серией статей "Второй период славянского возрождения", которой была предпослана статья "Что такое Европа"⁸. Радич утверждал, что именно славяне, неполноправные народы (в Австро-Венгрии и Турции), своей борьбой выдвинули на первый план вопрос о справедливости в межнациональных отношениях в Европе и что в этой борьбе они могут рассчитывать на политику Франции и России. Последнее обстоятельство, а

также общее оживление общественных движений в разных краях континента и, наконец, существование в центре Европы "громадного лагеря фанатиков" (по-видимому, имелась в виду милитаристская Германия), таковы, по Радичу, условия, с которыми следует считаться славянским народам.

Для самой славянской среды, писал Радич, характерны "исчезновение призрачного политического панславизма по немецкому образцу и возникновение славизма, одновременно космополитического и национального, спланивавшегося для обороны (от германизма. — В.Ф.) и приверженца федерализма во всех областях человеческой деятельности"; при этом малые народы ищут свободы, "материального и нравственного прогресса". Так автор выразил свою приверженность федерализации монархии Габсбургов, как гарантии будущего славянских народов Центральной Европы. Он констатировал, что "большинство в габсбургской монархии" еще не выработало общей программы "переустройства всей империи в смысле федерализма" и не определило своего отношения к России.

Признаки "второго периода славянского возрождения" Радич видел в оживлении интереса славянских народов друг к другу, в идеях славянской взаимности ("при условии равноправия всех славянских народностей").

Но автор подчеркивал, что происходит духовное сплочение уже не "племен", а "народов", т.е. не нескольких аморфных единиц, как это виделось в первой половине XIX в., а наций, способных, продолжал он, тем лучше понять свои задачи, "чем глубже их сознание и чем многостороннее их народная самостоятельность". Полвека назад, полагал Радич, мы стремились друг к другу "как слепые", теперь же у всех имеется своя литература, наука, искусство. Так Радич подчеркивал принцип национального равноправия, стремясь сочетать его со славизмом. Именно идя по этому пути, продолжал он, славянство станет "великим славным, цельным и культурным" прообразом "здорового и счастливого человечества". Увы, эта система взглядов опиралась на придуманные автором основания и имела налет мессианства. Идеи, связанные с формированием нового славизма (неославизма), не выдержали первого испы-

тания – аннексии Боснии и Герцеговины монархией Габсбургов, в связи с чем сам Радич, начиная с 1908 г., выступил с рядом статей, направленных против "сербской политики", а несколько позднее попытался сблизить свою партию со словенскими и австронемецкими клерикалами. Но это позднее. А пока Радич полагал, что необходимо сплочение западных славян и создание "живой стены славянства" (ясно, что против германизма) и "объединение всех южных славян" против венгров, турок и итальянцев... Нетрудно увидеть, что Радич в политических целях абсолютизировал тенденцию к сближению между славянами (замалчивая противоречия), как и их противостояние соседям-неславянам. частично, однако, угадав участников будущих конфликтов.

На страницах "Славянского века" С. Радич отстаивал мысль, что славяне ввиду своих качеств более, чем другие народы, в состоянии пайти выход из кризиса. Он утверждал, что славянам присуще особое миролюбие, и поэтому "славянская народная политика" направлена на достижение светлого идеала всего человечества – мира без пушек, броненосцев и пр., а также без... крупной промышленности (это – голос идеолога мелких сельских хозяев). "Западноевропейский индустриализм, опирающийся на милитаризм, не нашел себе поклонников среди славянских мыслителей".

В связи с этим, по Радичу, славянам (славянской интеллигенции) присуще "глубокое понимание народности" и тяготение к справедливости, стремление разобраться в социальных проблемах. Особенность славян Радич видел в том, что народ здесь не считается "бесправной массой для фабрикантов" или "грозной машиной полководцев" или, наконец, "подножием "великанов"", "народ наш не служит средством для достижения каких бы то ни было "великих" отвлеченных целей"*, – народ для нас "не дикий, не толпа, но и не кумир". "Наше стремление – "организовать экономические силы народа" (в журнале Радич не уточнял, что он имеет в виду крестьянство, чтобы не оттолкнуть умеренно-либерального и консервативного читателя). В конечном счете, по Радичу, задача состоит

---

*По-видимому, подразумевались как империалистические, так и социалистические программы.

в "проникновении в суть народной жизни", в "сближении всех слоев народа", а это — путь к сближению всех народов человеческой семьи (т.е. решению национальных проблем). Славизм Радича всегда был пронизан социальным содержанием.

"Одним словом, — заключал Радич свои размышления, — наш славянский национализм не только не идет в разрез с идеалом человечности,.. но и находит в нем свое оправдание". Именно это имел в виду хорватский автор, говоря о славянском космополитизме, всечеловечности, совпадении интересов славянства и человечества.

Уместно подчеркнуть, что так как почти все славянские народы в начале XX в. испытывали неравноправие, решение их национальных задач действительно означало бы шаг вперед в развитии всей Европы. Следовательно, утверждения Радича имели определенное реальное основание, — ведь освобождение любого народа означает прогресс демократии, шаг вперед в развитии всего человечества. Но идеи мессианства — чистая иллюзия.

Оттеняя особенности славянства, Радич отвергал противопоставление славян Западу. Как об "отрадном явлении" он писал о "стремлении примирить наш славянский индивидуализм с тем, что есть лучшего общечеловеческого в западной культуре". При этом, автор, в частности, называл Монтескье, отмечая с сожалением, что принцип разделения властей, им выдвинутый, еще далеко не осуществлен. Необходимо следить за общественной мыслью Западной Европы, нельзя пренебрегать ее знаниями, продолжал он. Но беря у Запада полезное, славянам следовало бы противостоять наплыву с Запада "научной и социальной анархии". Итак "западный" либерализм и милитаризм (любопытное сочетание, присущее той эпохе! — В.Ф.) или, по Радичу, "гушские идеалы" вызывали с его стороны настороженность, как и революционные теории. Славянам не следует по западным рецептам "производить опыты над народным организмом". Эта тенденция относить революционность и социализм к западной специфике усилилась в публицистике А. и С. Радичей во время революции в России 1905–1907 гг. Ведь история двинулась по пути, неожиданному для Радичей.

Наш патриотизм, проповедовал С. Радич в "Славянском веке", должен быть просвещенным. Интеллигенции необходимо развить

славянское понимание народности – "демократическое и социальное" и заняться "успешной малой работой", т.е. способствовать прогрессу народа во всех сферах жизни. Здесь С. Радич не упустил возможности вновь указать на свое частичное неприятие западного опыта. "Малые дела" в Западной Европе, "несмотря на все усилия, не привели ни к каким действительным результатам только потому, что там народ выделился как "презренная чернь"", тогда как славяне могут добиться успеха, поскольку "у нас разрыв между интеллигенцией и народом еще не превратился в пропасть".

Эта мысль была развита С. Радичем в другом сочинении, где автор констатировал, что "славянский народ везде озлоблен против своих господствующих сословий" и даже "на первый взгляд кажется, что у славянских народов раздор между интеллигенцией и народом столь же глубок и даже более глубок, чем в Западной Европе. Внешние признаки свидетельствуют о ... более тяжелой болезни общества". Но, полагал автор, все же, в отличие от Запада, у славян сохраняется надежда на общественное единение, ибо "вопреки влиянию Западной Европы" славянская интеллигенция "не заинтересована в том, чтобы раздор превратился в пропасть"⁹. Как видим, Радичу был присущ исторический романтизм.

Постепенно представительство Радичами интересов крестьянства (и мелких сельских собственников вообще) в сфере социальной, национальной и политической стало сказываться все более последовательно.

Уже в 1902 г. С. Радич выступил "с открытым забралом", заявив, что интересы крестьян должны находиться в центре политической жизни Хорватии и что в сущности "самая сильная партия Хорватии" – партия крестьянская, поскольку всё крестьянство о всех явлениях жизни общества мыслит одинаково¹⁰. Как обоснованно подчеркивали последователи С. Радича, организатор крестьянской партии стремился пробудить в массе забытых крестьян чувство человеческого достоинства, уверенности в своих силах: крестьянин, мужик-пахарь такой же человек, как и "господин", создан по образу и подобию Божию и должен научиться думать о своих и общественных делах, должен постепенно сам втягиваться в политику, не доверяя это ни господам, ни духовенству.

Антун Радич уже в 1900 г. приступил к изданию специально для села двухнедельной газеты "Дом", единственным сотрудником которой являлся он сам¹¹. Заявление редактора, что газета чужда политике, было маневром, поскольку идея особой газеты, ставящей себе целью политическую организацию крестьян, вызвала бы негодование всего "общества". Но в "Доме" наряду с материалами просветительского характера (в том числе о гигиене) постепенно все большее место стала занимать информация о политической жизни. А. Радич давал краткие характеристики австро-венгерского государства, хорватских партий, хорватско-сербских отношений, духовенства, обстановки в деревне, потребностей и забот крестьян и пр.

Постепенно все более четко вырисовывались политические принципы А. Радича: расширение автономии Хорватии, воссоединение Далмации, претензии на Боснию, оппозиция австро-венгерскому господству в монархии и вместе с тем ориентация на укрепление государства Габсбургов, лояльность династии, пиетет к России и русской культуре, идеи межславянской солидарности, стремление к хорватско-сербскому сотрудничеству в хорватских землях (как условие отпора мадьярской власти), но на условиях безоговорочного признания сербами хорватской государственности.

Как и его брат, А. Радич в "Доме" все более выдвигал на первый план мысль об особой роли "крестьянского сословия" в судьбах Хорватии, о важности его социально-экономического подъема, предоставления ему всех политических прав. Так он формулировал идеологические принципы будущей партии. При этом сам А. Радич относительно быстро пережил характерную эволюцию: если в первых сочинениях и в некоторых ранних выпусках "Дома" он во многом исходил из представлений, соответствовавших ситуации полупатриархального среднего и мелкого крестьянина "хозяина" (т.е. оскудевавшего собственника), например, сожалел об исчезновении домашних семейных традиционных промыслов самообеспечивающейся задруги, писал о жестоком порядке господства денег, бедствиях народа, мечтал о регламентации торговли, призывал крестьян по возможности меньше покупать на рынке,

чтобы не влезать в долги, экономить на "ложке похлебки" и т.д., то вскоре он уже писал о жизненной необходимости для крестьян как можно энергичнее и успешнее выступать на рынке со своим товаром, давать жесткий отпор конкуренту-иноземцу, более того, стал возражать против идей обеспечения законом минимальной оплаты батрака¹² (а ведь эта мысль содержалась в папской энциклике 1891 г., стало быть А. Радич был менее "социальным" и более либеральным, чем Ватикан). Не только исчезал страх перед рынком, но, как важная для судьбы нации, ставилась задача овладения им, – задача, решение которой объективно было доступно растущему слою зажиточного крестьянства. Выступления против прокладки железных дорог, ускоряющих разорение мелкого хозяина и разрушение истинно народного уклада жизни, сменились призывами строить их больше и быстрее. Нужно больше банков, заводов и пр. А. Радич стал убеждать крестьян, что прошлого не вернешь, более того, что "хорошего там не было, а если что и было, то прошло..."

По-видимому, не последнюю роль в этой идейной эволюции сыграли рассказы возвращавшихся или писавших на родину хорватских эмигрантов в США. Не случайно А. Радич отмечал, что за океаном – новый мир, свободный от пут прежних консервативных (кабальных, эксфеодальных) отношений, присущих Старому свету и прежде всего Австро-Венгрии.

Эволюция С. Радича в том же направлении совершилась также быстро, так как он получил образование в Париже и был знаком с европейской либеральной позитивистской мыслью¹³.

Итак, интересы зажиточного крестьянства привлекали все большее внимание братьев Радичей, но, выступая при этом против сословной приниженности крестьянства, всевластия бюрократии и пр., они защищали общие интересы сельского населения.

А. Радич остро поставил проблему противостояния города и села в Хорватии. В начале XX в. хорватский город еще являлся для крестьянина не только и, по-видимому, не столько рынком сбыта и местом дополнительного заработка (в сельской торговле огромное место занимал экспорт, а не внутренний рынок), сколько

средоточием чуждой ему власти, суда, полиции, бюрократии, обирающей народ путем налогов, кредитных касс, распропадающих имущество за долги и пр. и пр. Эта ситуация и соответствующие ей представления сказались в противопоставлении Радичами "народа" (с его общим единым интересом) и "господ". По А. Радичу, "народ" составляли "крестьяне-земледельцы, сельские ремесленники и сельские торговцы"¹⁴. Городские рабочие, как видим, первоначально сюда не включались, так как весь "город" изображался А. Радичем как арена иной, не народной, а наносной, западной цивилизации. Позднее, по мере упрочения влияния крестьянской партии и появившейся возможности воздействия ее на некоторые городские слои, отношение к рабочим стало более терпимым и даже признанным. Рабочие, как и крестьяне, — так трактовалась эта проблема — производящие сословия и потому интересы их близки и отличаются от интересов аристократии, банкиров и бюрократов. Не следует лишь делать уступок атеизму и революционности, которые социалисты стремятся привить рабочему движению. "Рабочее государство", по Радичам, — ловушка для рабочих, так как приведет к господству всесильной бюрократии. Рабочие вполне могут удовлетворить свои интересы в условиях крестьянского государства. При этом А. Радич выражал опасение, что рабочие и крестьянская беднота все же пойдут за социалистами. Впрочем, в условиях Хорватии, считал он, рабочие еще долго не будут играть самостоятельной политической роли¹⁵.

"Господа" — это помещики, фабриканты, банкиры, чиновники, большая (далекая от "народа") часть интеллигенции (адвокаты и др.), т.е. все "одетые по-городскому" ("капуташы"). Впрочем, и в этом отношении со временем были сделаны исключения. "Господа", развращенные чуждым влиянием, эгоистичны, презирают "народ", держат его в темноте. "Народ" — средоточие лучших нравственных национальных качеств (трудолюбие, миролюбие, домовитость, верность семье и родине, доброе отношение к соседу, хозяину — к работнику и т.д.). Господские же взгляды — либерализм — свобода для богатых разорять слабых и эксплуатировать работников¹⁶. "Господа" подразделяются на старых (помещики) и новых. Последние — владельцы денег, оттесняя старых господ, захватили власть¹⁷ и навязали народу новые тяготы.

Радичи упорно отстаивали ликвидацию привилегий "господ" — остатков феодального прошлого. Социальные процессы в крестьянской среде — ускорявшееся выделение буржуазного (т.е. деловитого, оборотистого) крестьянства должно было вести (и в действительности вело в определенном отношении) к сближению последнего с буржуазией и смягчению прежнего противостояния, но именно эти предприимчивые энергичные и грамотные крестьянские верхи особенно остро ощущали нелепость своего неравноправия не только в сравнении с городским собственником, но и с каким-нибудь мелким чиновником, служащим в помещичьем имении.

Это вновь подпитывало прежнее противопоставление. В частности, в 1905 г., т.е. спустя 57 лет после отмены феодального строя, А.Радич писал, что действующий закон об общинах "переносит прежние сословные различия в наше время и ... оставляет на бывших крепостных и их потомках клеймо их крепостного состояния, отмененного у нас в прочих делах"¹⁸. "С 1848 года, — говорил в саборе в 1910 г. А.Радич, — прошло немного времени. Дух, последствия той эпохи не только еще не исчезли из общественной жизни, но не исчезли ни из нашего общества, ни из нашего мышления"¹⁹. Более того, в среде интеллигенции наблюдается понятное движение (Радич имел в виду создание деятелем национального возрождения М.Боговичем героической драмы "Губец", посвященной крестьянскому восстанию XVI в., и — в противовес этому — враждебность крестьянам депутатов сабора, представлявших в значительной мере разные кредитно-финансовые учреждения).

С.Радич видел глубокое противоречие между теми, кого представляли традиционные национальные партии, и крестьянством: "Кто-либо мог быть самым оппозиционным депутатом и ... требовать, чтобы крестьянин приниженно и покорно с непокрытой головой говорил с ним под снегом или дождем" или "мог продавать крестьянский участок за долги и воодушевляться великой Хорватией, разоряя до основания жалкие крестьянские избушки". Обеспечить же будущее Хорватии, по Радичу, был в состоянии лишь "просвещенный, зажиточный, гордый народ"²⁰.

Существующая власть, как и прежняя, по А. Радичу, организована "сверху" и нуждается в насилие — армии, тюрьмах и пр. "Господская политика" — эгоистична, направлена против своего и других народов, вызывает войны. Но все же новая "либеральная господская политика" имеет заслуги: она насаждает просвещение, науку, развивает пути сообщения и, главное, способствует постепенному расширению демократии: поскольку "новых господ с каждым днем становится все больше, политическая власть таким путем естественно и понемногу переходит в руки того, кому только и должна принадлежать, т.е. всего народа"²¹. Примеры такого благоприятного развития А. Радич видел в США и Швейцарии.

Первоначально казавшееся довольно резким противопоставление господ и народа быстро размывалось. Господа могут быть плохими и хорошими, писал А. Радич еще до создания крестьянской партии. Плохие те, кто полагает, что народ должен их безропотно слушаться и служить им, чтить их только потому, что они не пашут, а живут лучше и якобы умнее. Плохие господа те, кто мыслит иначе, чем народ. Хорошие или "народные господа" те, кто готов сотрудничать с народом, от благополучия коего зависит будущее Хорватии, т.е. готов отказаться от господской политики в пользу "политики демократической" (или народной: *риџкој* от хорв. *рук* — народная масса, простой народ). В Хорватии такая политика совпадает с "крестьянской политикой"²².

В ответ на нападки справа и обвинения в разжигании ненависти к господам С. Радич говорил, что дело не в образованности господ и их манере одеваться (эти "признаки" господ ранее отмечались Радичами), а в отношении к народу. Радичи пропагандировали сближение господ и народа, но имели в виду не любое их сотрудничество, а только ставящее во главу угла интересы крестьянства. Средоточие этих интересов — крепкая семья, народные традиции, сельский зажиточный Дом (с большой буквы; отсюда и название газеты).

Кардинальными пунктами системы идей братьев Радичей были: крестьянское право, крестьянская политика, крестьянское государство. Первое означало признание обществом права крестьян

на свободное пользование природными богатствами – землей, лесами, лугами, водами, полное равноправие крестьянства. Крестьянская политика – обеспечение этого права. Она противостоит господской политике – эгоистической, эксплуататорской, той, которая реально имела место в Хорватии. Крестьянская политика – демократическая, неэксплуататорская, миролюбивая, истинно патристическая, христианская. Неэгоистичен тот, кто трудится, "думая лишь о своей пользе, если при этом не помышляет об ущербе другому", – писал С. Радич²³. Миролюбие крестьянства, по Радичам, проявляется как в сфере социальной, так и национальной.

Характерен этот выход крестьянской политики С. Радича в сферу межнациональных отношений: "Ненависть к какому-либо народу, – говорил лидер ХДКП, – противоречила бы нашему духу"... "Наше крестьянство не ненавидит мадьяр, не ненавидит мадьярский народ, но ненавидит мадьярское насилие, точнее, мадьярских господ". В Подравине наш народ говорит, что мадьяры "вполне достойные люди", народ все более различает мадьярский народ, его нужды и требования и мадьярскую политику²⁴... – здесь Радич выражал настроения всего крестьянства.

Утверждение о единстве интересов и устремлений всего крестьянства было основой идейных построений Радичей. Крестьянство – "пятое сословие", единое в культурном, нравственном и политическом отношениях²⁵. Крестьянин-хозяин сажает работника обедать за свой стол, и между ними нет такого противостояния, как между господином и любым крестьянином... По С. Радичу, крестьянство – воплощение общности интересов массы, "готовая партия, существующая уже тысячу лет", ее надо лишь организовать²⁶. В этом сущность, ядро взглядов Радичей (в этом смысле сходство с болгариним А. Стамбойлийским, основателем Болгарского земледельческого Народного союза, велико, хотя социальные условия в Хорватии и Болгарии заметно различались). Тогда же, в 1902 г. А. Радич полагал, что "уже пора крестьянам самим о себе позаботиться и подумать о собственной партии". Статья называлась "Хорватская крестьянская партия" и слова эти еще были взяты в кавычки²⁷.

Разногласия и противоречия в среде крестьян Радичи называли соревнованием, "кто лучше обработает землю". Есть, правда, озлобленность, кабала, ростовщичество. Ужасно, когда мужик относится "бессердечно" к мужику²⁸. Но это означает, что для спасения страны необходимо не только примирение господ с народом, но и внутри народа. И тогда "крестьянин крестьянину станет братом, один другому не захочет поджечь дом, разрушить постройку". Вот тогда-то — и здесь важный для Радичей "выход" в межгосударственные отношения — Хорватии не будут страшны мадьяры²⁹.

Об идеализации Радичами отношений в крестьянской среде было сказано много³⁰. Вряд ли требуется подробный анализ противоречивости взглядов А. и С. Радичей и доказательства их буржуазности. Частная собственность, как основа экономического подъема и политической демократии, не ставилась ими под вопрос. Более того, Радичи добивались ее всемерного расширения (хотя особенно в ранний период деятельности высказывались в пользу задруги и общины). Это были социальные взгляды буржуазии более демократической и прогрессивной, чем тогдашние хорватские банкиры. Осуществление ее интересов означало бы значительный шаг вперед в развитии нации.

Тактическим принципом Радичей было постепенное вовлечение крестьян в политическую жизнь, в парламентскую борьбу. При этом для них важно было сохранить дух законности. О политике крестьянину можно говорить "лишь то, о чем крестьянин в состоянии рассудить"³¹ и тогда оснований для беспокойства со стороны господ не будет. Чтобы народ приобрел те же права, что и господа, надо не шуметь, не бунтовать, а просветить крестьянина и поднять его экономически. "Темный и бедный не могут управлять". Человек возвышается над другими благодаря знаниям и собственности, поэтому надо содействовать тому, чтобы народ догнал господ по богатству³². Крестьянину-собственнику присуще постоянство в политике, отвращение к бунту. Оказывая влияние на власть, крестьяне используют его не для мщения (в частности торговцам, ныне всемогущим, и это опасно для общества), но для совместного с другими слоями народа подъема. Мщение — черная мысль отчаявшихся и ей надо противостоять во что бы то ни стало.

Народ называет торговца, захватывающего имущество крестьян, "врагом народа" (как видно, эта "формула" имеет международные корни! — В.Ф.). Но ведь и торговец сам часть народа и не повинен в том, что "честным трудом" достиг богатства и стал "крепким хозяином". Крестьяне обвиняют его в несправедливости, но разве между самими крестьянами не бывает споров из-за межи? Крестьяне говорят: к богачу нужда гонит, и А. Радич отвечает: это плохо, надо защищать крестьян от разорения. Но ныне не время бунтов против богатых, как действовали в прошлом хайдуки (написано после 1903 г.), а надо добиваться власти политическим (мирным) путем. Политика же дело небыстрое: "надо действовать постепенно, а дойдем быстрее"³³. В целом это леволиберальная, буржуазно-демократическая концепция с элементом крестьянских иллюзий, естественных в Хорватии в начале XX в.³⁴

Крайне негативное отношение Радичей к революционному движению проявилось, в частности, в том, что деятельность будущей крестьянской партии, согласно их замыслу, должна была предотвратить не только повторение событий 1903—1904 гг., но и распространение социалистических идей³⁵. До 1918 г. Радичи являлись сторонниками демократизированной конституционной монархии³⁶ (сейчас уже нет сомнения, что опыт Западной Европы в XX в. показал: конституционная монархия — одна из полноправных форм либеральной демократии).

Мало сказать, что Радичи представляли интересы зажиточного крестьянства: последующий опыт Центральной и Восточной Европы показал, что принципиально иначе обеспечить подъем экономики сельского хозяйства и, следовательно, благополучие нации было вообще невозможно.

Крестьянскую политику в полном объеме, по Радичам, способно осуществить лишь крестьянское государство. Но уже до его возникновения крестьянству следует самому позаботиться о себе. Необходимо развить кредитно-сбытовую кооперацию, при этом кредит следует давать в первую очередь не тому, кто "больше нуждается", а тому, кто с помощью полученных средств сможет достичь больших результатов в хозяйстве (напомним, что социал-демократия мечтала путем кооперации помочь бедноте). Дальнейшее А. Радич

представлял так: крепкие хозяева каждого села, объединившись и организовав покупку скота и улучшенных орудий, построили бы молочные заводы и склады, заботились бы об установлении выгодных цен на продукты сельского хозяйства, а затем могли бы организованно выступать с требованиями к правительству, например, о мелиорации и пр. Они же стали бы покупать землю, препятствовать переходу ее в руки иностранцев... Развиваясь таким образом, Хорватия со временем стала бы "балканской Данией"³⁷. Мысль о том, что Дания (в начале XX в. — передовая аграрно-индустриальная страна) является образцом для хорватов, встречается у Радичей неоднократно.

Существенно, что уже в январе 1903 г. А. Радич наряду с крестьянским государством упомянул термин земледельческое государство. Только последнее способно защитить всех, в том числе "слабых от сильных"³⁸. В общем и целом эти понятия стали применяться как тождественные, в чем нельзя не видеть зарождения так называемых аграристских идей (о чем см. ниже). Интерес защиточного крестьянства все более отождествлялся с развитием интенсивного капиталистического хозяйства. Речь шла о государстве, проводящем политику покровительства сельскому хозяйству вообще, подчиняющем развитие промышленности и транспорта "интересам земли". "Тогда господином стал бы земледелец, так же как в современном государстве наиболее влиятельные господа — владельцы денег"³⁹.

Еще в 1901 г. А. Радич призывал "общество" и государство помочь селу — обучать крестьян, дать им машины, дешевый кредит и пр., а в 1904 г. уже писал, что вызволить крестьян из кризиса может только крестьянское государство — социальное, демократическое, миролюбивое. Оно обеспечит внутренний (социальный) и международный мир. В крестьянском государстве большинство в саборе будет у защитников интересов огромного большинства народа, но господа, верно служащие народу, найдут себе место в аппарате государства.

В крестьянском государстве народ в любой ситуации будет контролировать власть, в необходимых случаях путем референдума (как в Швейцарии). Ссылки на реально функционирующие в раз-

ных странах институты в сфере политики и экономики (например, на взаимопомощь кооператоров в Дании) свидетельствует о том, что Радичи не искали какого-то невиданного в истории "самобытного" пути, а стремились использовать наработанный человеческим передовым опытом, "очистив" Хорватию от остатков недоброй старины. Разумеется, взгляды хорватских крестьянских лидеров не были свободны от идеализации будущего устройства государства и общества.

Весьма существенна аргументация С. Радича, обращенная к "интеллигентному" буржуазному читателю (которому, в отличие от "Дома", предназначался издававшийся им журнал "Хрватска мисао" — "Хорватская мысль"): крестьянство необходимо всячески поддерживать потому, что "только из нашего крестьянства может возникнуть наше хорватское промышленное и торговое сословие"⁴⁰. Богатства страны, как показал опыт Франции и США, растут после предоставления всех прав крестьянству. Ссылки на эти страны свидетельствуют о том, что С. Радич мечтал о превращении хорватских крестьян в фермеров, которые стали бы основой третьего сословия.

С этой позицией связано, в частности, отношение Радичей к процессам переустройства землепользования, многие годы (более полувека) проводившимся хорватскими властями: комасация земельных владений необходима, но не только в интересах господ, а на широкой основе — в интересах крестьянских хозяйств, способных успешно развиваться. После комасации наши крестьяне, нередко считающие себя беднее, чем они являются в действительности, эти крестьяне, "по крайней мере некоторые (sic! — В.Ф.), стали бы кем-то вроде маленьких помещиков, маленьких графов и магнатов"⁴¹.

Подчеркивая верность крестьянства религии и церкви, приглашая священников к сотрудничеству, Радичи в период подготовки создания крестьянской партии и первое время после этого акта (1904–1905 гг.) резко критиковали клерикализм⁴². Дисциплинированное духовенство было послушно высшей церковной иерархии, этой части "господского" общества; часть духовенства была связана со средней национальной буржуазией, традиционно неприязненно относившейся к любому независимому от буржуазных партий крестьянско-

му движению. Позднее, в предвоенные годы (1908–1914 гг.) отчужденность между Радичами и духовенством заметно смягчилась, но до мировой войны крестьянская партия так и не получила поддержки со стороны хорватской церкви.

Программа прихода к власти "крестьянства", а в сущности его имущего, крепнущего, экономически прогрессивного слоя, стала возможна в обществе, где торгово-промышленная буржуазия была немногочисленной и относительно слабой, а преобладающая часть городской финансовой буржуазии вместе с магнатством противостояла всему крестьянству. С. Радич прямо указывал на эту особенность социальной обстановки в Хорватии накануне возникновения крестьянской партии: "У нас, хорватов, нет ни настоящей буржуазии, ни настоящего рабочего класса, чтобы третье и четвертое сословие могли вести наши общественные дела"⁴³. Радичи мечтали, опираясь на зажиточное крестьянство, как потенциально главный субъект хорватской общественной жизни, вывести хорватское общество из кризисной, опасной ситуации. Поэтому, писал А. Радич, "сердце и душа человека радуются" при виде того, как "умные, серьезные и честные, большей частью достаточно зажиточные крестьяне приходят к осознанию своей хорватской и крестьянской значимости"⁴⁴.

Таким образом, свои идеи о крестьянстве Радичи всегда обосновывали общенациональными интересами: только "освободив народ, особенно крестьянский, от внутреннего рабства, которого еще много у нас"⁴⁵, можно обеспечить благостояние деревни, а с помощью "просвещенных хорватских крестьян и крепких хозяев"⁴⁶ достичь национально-политического возрождения Хорватии, — все это было несомненным шагом вперед в идеологии национального движения. В целом отличие братьев Радичей от идеологов прежних партий заключалось в том, что они первые стали рассматривать крестьянство не как объект заботы и опеки со стороны "просвещенных классов", с опаской относившихся к этой легкой на бунт темной и враждебной массе, а приступили к организации самого крестьянства. Но предпосылкой этого было возникновение слоя крестьянства солидного и "консервативного" (по С. Радичу), т.е. стремящегося к сохранению порядка. К легкой на бунты массе Радичи также отно-

сились с недоверием. Зажиточное крестьянство, по Радичам, несмотря на неполноправие, оппозиционность "обществу", обиды и пр., может стать опорой эволюционного прогрессивного развития, поможет в будущем избежать опасных социальных конфликтов.

Именно движение 1903–1904 гг. дало сильнейший импульс А. и С. Радичам к организации крестьянской партии⁴⁷. С одной стороны, оно показало высокую степень политизации широких слоев народа, с другой, укрепило убеждение Радичей в необходимости направить эту энергию в задуманном ими направлении.

В конечном счете, по Радичам, крестьянство поведет политику не против, а "рядом" с господами, т.е. речь шла об определенном компромиссе при доминировании крестьянских интересов. Но и это было неприемлемо для дворянско-бюрократическо-буржуазного истеблишмента, с недоверием относившегося к любому крестьянскому движению. Это общество не только опасалось того, что крестьянство, к организации которого приступила группа сторонников Радичей, может выйти из-под ее контроля, выйти за рамки, определенные Радичами (как это уже произошло с социал-демократами), но и вообще не желало поступаться привилегиями даже в пользу "трезвых" "порядочных" хозяев-крестьян.

Взгляды основателей крестьянской партии можно кратко свести к нескольким положениям: управлять государством должны господа и народ вместе, но на первом месте при этом должны находиться нужды крестьянства (нынешние же господские партии объединяют всех, "живущих за счет темноты, страха, рабства, нищеты крестьянства"⁴⁸), большую часть земли помещиков надо по закону распродать крестьянам (об этом см. ниже), клерикализму не должно быть места в Хорватии (ибо он связан с "господской политикой"), расходы на чиновников должны быть резко сокращены, кабалу крестьян у ростовщиков следует ликвидировать и т.д. Все это создаст прочную основу для борьбы за национальные права Хорватии. Далее, основы милитаризма надо подрубить, и монархия Габсбургов должна стать миролюбивым федеративным государством. В этом состояли элементы радикализма и демократизма крестьянской партии.

Глава 9

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ В 1905–1914 гг.

Неустанно обходя десятки хорватских сел, Степан Радич в 1904 г. выступал на собраниях, растолковывал идеи, что должны были составить основу программы крестьянской партии. Территорией, на которой первоначально действовали радичевцы, была северо-западная Хорватия ("собственно Хорватия"), т.е. область Загреба-Вараждина-Сисака-Карловаца, населению которой были присущи не только более развитое, чем в других землях, национальное самосознание и особенности бытовой и хозяйственной культуры, но и общность экономических интересов — тесные связи с соседними словенскими землями и через них с немецко-чешскими областями Австрии ("Наше сельское хозяйство, промыслы и торговля погибнут, если закрыть путь таможенной границей на рубеже Штирии и Крайны, а тем самым в остальной мир", — отмечал А.Радич¹. Кстати, это не последняя причина австрославизма.)

Северо-западная Хорватия с ее большой этнической гомогенностью, плотностью населения, массой мелких и средних хозяйств, отличалась традиционностью крестьянского движения со времен средних веков. Главный конкурент будущей крестьянской партии — праваши-франковцы (группировка прогабсбургского толка), "доме-ном" которых тоже были прежде всего северо-западные округа, в особенности сельские, ставили агитации радичевцев препятствия:

последних, случалось, встречали камнями. Не жаловала сторонников Радичей и полиция, получившая указание венгеро-хорватских властей срывать их митинги.

На этих собраниях С. Радич призывал крестьян не отчаиваться, избавиться от опасной "черной мысли", что "хуже быть не может", говорил, что сейчас, в XX в., время не бесполезных мятежей, а кропотливой хозяйственной деятельности, организации и политической борьбы на разумных, демократических, прочных христианских и национальных основаниях — и тогда торжество крестьянского народа неизбежно. Сугубо аграрно-крестьянская, почвенническая и прогабсбургская ориентация Радичей обусловила их окончательный разрыв с другими партиями, в частности, с "молодыми" (М. Хеймерл, В. Лоркович). Все более обозначался особый облик возглавлявшегося Радичами течения.

Конституционный порядок, при всей его ограниченности в Венгерском королевстве и Хорватии, позволил сторонникам С. Радича распространить свои материалы и организовать совещание активистов партии в Загребе. К этому совещанию (в декабре 1904 г.) С. Радич подготовил проект программного заявления крестьянской партии. В нем, а также в статьях, опубликованных в 1904 г., отстаивались следующие основные положения: финансовая самостоятельность Хорватии, запрет ввоза сельскохозяйственных товаров в Хорватию (имелось в виду оградить Хорватию, точнее, хорватских сельских хозяев, от венгерской конкуренции; кстати, в этом требовании проявилась важная причина резкой оппозиционности Радича венгерской власти), введение закона о неотчуждаемом минимуме крестьянского имущества (осуществление этого могло затормозить развитие экономики деревни. — В.Ф.), использование бюджета прежде всего на нужды деревни, отмена всех видов штрафов с крестьян и повинностей (кроме подводной), запрет ареста крестьянина за мелкий проступок во время полевых работ, отмена поземельного налога, улучшение преподавания агрономических знаний, расширение автономии общин, свобода печати, собраний, союзов. Женщинам предлагалось дать право голоса только в городах, а на селе женам мужчинам — два голоса, главам семей — три голоса; женщин

не допускать в парламент и т.п.² Как видим, в проекте в 1904 г. имелось еще немало остатков патриархальных представлений. По в то же время С. Радич в духе "аграристских идей" проповедовал общность интересов всех земледельцев: "Земледелие как единое целое, а не только крупное, – вот основание народного хозяйства и всего культурного прогресса"³.

Возможно, что таким путем организатор крестьянской партии пытался отвести обвинение в разжигании вражды крестьян к господам. Но при этом он слишком оторвался от настроений крестьян. Среди группы инициаторов создания партии, по-видимому, происходили серьезные дискуссии, и программа "Хорватской демократической крестьянской партии", принятая на совещании ее организационного комитета 22 декабря 1904 г. и в окончательном виде подписанная 9 января 1905 г., заметно отличалась от положений развитых в первоначальном проекте. Участники совещания 9 января подписались: "землевладелец" (трое), "крупный землевладелец" (один), "торговец" (один), ремесленник (один), управляющий имением (один), священник (четверо), журналист (шестеро), мелкий служащий (один), адвокат (двое) и только двое – "крестьяне"⁴. Впрочем, часть (треть) основателей партии позднее отошла от нее, крестьянское же ядро сохранилось.

Программа ХДКП⁵ состояла из трех разделов: общие принципы, конкретные требования и тактика. В преамбуле говорилось о строго законном характере деятельности партии, задачей ее ставилось объединение в национальном государстве всего хорватского народа. Таким образом, национальный вопрос выдвигался на первое место, при этом отвергались радикальные (тем более – революционные) методы его решения.

В первой части говорилось о необходимости устранения любых сословных привилегий. Простой народ должен сам создавать "хозяйственные и просветительские заведения"⁶, а остальные сословия обязаны этой "крестьянской самопомощи" хотя бы не мешать.

Национальные принципы партии заключались в признании: 1) непрерывности хорватской государственности; 2) необходимости соглашения между хорватами и сербами ("особенно там, где они живут совместно"), так как это "фактически единый народ"; 3) един-

стве хорватов со словенцами (оба народа поэтому должны действовать "во имя общего будущего"); 4) национальном и экономическом единстве всех южных славян" (включая Болгарию); 5) свободе западных славян, т.е. поляков, чехов, словаков, что является условием всестороннего прогресса хорватов, их "освобождения от экономической зависимости." Наконец подчеркивалось, что славянство имеет значение лишь "ввиду существования России". Все эти положения следует рассматривать в связи с австрославизмом и неославизмом Радичей.

Программа исходила из необходимости строгого осуществления конституционного порядка, прав граждан, предусматривала возможность референдума. В заключении принципиальной части программы осуждалось Соглашение 1868 г. как препятствие прогрессу Хорватии, но этот закон признавался как исходный пункт деятельности ХДКП. Партия отказывалась от формулировки своих национально-политических целей, ввиду того, что отношения Хорватии к Венгрии и монархии в целом, как было сказано в программе, являются результатом "общих политических условий" (ХДКП не связывала себя каким-либо обязательством; в ее руководстве в это время не было единства в подходе к национальному вопросу)⁷.

Часть вторая перечисляла ряд требований ХДКП — политических и социально-экономических. До воплощения в жизнь "земледельческого права" в полном объеме ХДКП добивалась следующего: 1) предпочтительного права общины на покупку земельных участков ее разоренных членов (направленное на борьбу с крупными спекулянтами землей, этот пункт явно защищал интересы местного зажиточного крестьянства); 2) исключения сестер из числа наследников участка (с возмещением им половины цены их надела! Комментариев здесь не требуется); 3) ликвидации налога на наследство; 4) наконец, законодательной ликвидации латифундий, — согласно программе, площади имений свыше 500 ютров (около 300 га) подлежали распродаже после объективной оценки их рыночной стоимости смешанной комиссией; то же касалось участков казенных лесов и пастбищ, непосредственно примыкающих к селам. Радичи специально оговаривали, что выкуп части помещичьей земли не имеет ничего общего с распространенным в народе стремлением "разде-

лить господскую землю" ("как будто она ничья"!)⁸. Здесь выяснилось, что "крестьянское право" на землю понималось идеологами ХДКП как право покупки земли у соседнего помещика. Все же ясно, что тем самым крупнейшим остатком полуфеодальной связи крестьян (особенно способных купить землю) с латифундистами был бы нанесен серьезный удар. Говорить о радикальном улучшении экономической ситуации основной массы крестьянства в этом случае нет оснований, но Хорватия сделала бы серьезный шаг вперед в развитии капитализма в земледелии. Позиция лидеров ХДКП в момент принятия ее программы свидетельствовала об их эволюции к представительству "аграрных интересов" вообще, точнее, интересов сторонников капиталистического земледелия. Масса бедноты оставалась на обочине. Радичи мечтали об аграрном блоке (зачиточное крестьянство плюс буржуа-землевладельцы плюс средние помещики) как условия создания интенсивной аграрной экономики по западному образцу⁹.

Заботу о хозяйстве следовало передать общинам, пользующимся самоуправлением, т.е. фактически самим хозяевам-агrarianам (имелось в виду подорвать влияние бюрократии, связанной с крупным землевладением и банками). Говоря о самоуправлении, программа подчеркивала, что основных прерогатив центральной администрации ХДКП не затрагивает, стремясь лишь расширить права населения по образцу австрийских земель. Общины выбирают "земледельческие советы" (региональные и центральный) для попечения над хозяйством. Привилегия магнатов при расчете местного налога должна быть упразднена, деятельность ростовщиков ограничена. Такова конкретизация в программе основ "крестьянского права". Характерно, что в отличие от первоначального проекта в программу не вошло консервативное требование неотчуждаемости земельного минимума (за долги) (кстати, это требование вошло в программы некоторых буржуазных партий). Но в своих статьях Радичи и впредь писали о необходимости "гарантии от нищенства", указывая, что и самим помещикам со всех сторон предпочтительнее сохранение парцелльного крестьянства.

В этой же части ХДКП характеризовалась как партия "общенародная", признающая право всех "сословий" (рабочих, предпри-

нимателей, купечества) создавать свои союзы, "палаты" с целью отстаивания своих интересов, а от государства требовались меры по защите (страхованию) рабочих. ХДКП намеревалась содействовать кооперативному движению, развитию торговли, а для этого — улучшению путей сообщения. В масштабах империи она стремилась обеспечить Хорватии решающий голос при заключении торговых договоров, установлении пошлин и т.п. Главное здесь заключалось в том, чтобы не допустить создания таможенной границы между Хорватией и "другими частями монархии", куда "направлена почти вся хорватская торговля"¹⁰. Эта установка была направлена против нараставшего в Венгрии движения части торгово-промышленных кругов за отделение королевства от Цислейтании таможенной границей. Хорватские аграрии были заинтересованы в австрийском (и германском) рынке и целостности монархии Габсбургов. При этом подчеркивалась необходимость проведения монархией политики нейтралитета и сокращения военных расходов.

Однако сокровенным стремлением Радичей было полное отделение объединенной Хорватии от Венгрии, устранение венгерского господства над Хорватией, превращение монархии в федерацию, одной из составных частей которой являлись бы объединенные южно-славянские земли Габсбургов, в центре которых находилась бы Хорватия (после аннексии Боснии и Герцеговины их также предлагалось включить в эту часть империи).

При распределении бюджетных средств программа требовала уделять первостепенное внимание сельскому хозяйству. Поддержка промышленности мыслилась в рамках интересов сельского хозяйства.

ХДКП требовала независимости суда и создания "административного суда" для рассмотрения дел, связанных со злоупотреблениями чиновников, отмены смертной казни.

Начальное образование предлагалось удешевить (бедноте трудно было содержать учителя), но в то же время организовать обучение детей в образцовых имениях. Вообще, крестьянских детей следовало прежде всего учить в духе законопослушания, честности, "страха божьего", а уж затем наукам...

Право помещика предлагать епископу кандидатуру священника следовало бы передать самим верующим, ликвидировав эту прерогативу помещика, а священника содержать за счет общины, отменив натуральную подать духовенству. Ясно, что все это означало бы очищение церковной организации от остатков дореформенной эпохи.

Власть в Хорватии должна была строиться на основах парламентаризма. Бана назначает король. Характерно, что программа не упоминает о праве венгерского премьер-министра предлагать кандидатуру бана, но вместе с тем не содержит требования предоставить это право сабору. В статьях Радичей эта идея содержится, однако она не прошла; принцип компромисса с династией оставался ведущим для Радичей вплоть до мировой войны. Состав правительства Хорватии предлагалось расширить в соответствии с увеличением ее автономных прав вообще (создание министерств торговли и транспорта, финансов, ополчения, культурных связей).

Законодательная власть принадлежит сабору, избираемому "самостоятельными хозяевами" "в духе всеобщего избирательного права"¹¹ (магнаты-вирилисты из сабора должны были быть устранены). А. Радич не преминул отметить в своих комментариях, что от партий потребуются "серьезная деятельность", "если мы не хотим, чтобы всеобщее избирательное право стало общенародным несчастьем"¹². Опасения вызывала, конечно, масса бедноты, даже "самостоятельных хозяев". В материалах С. Радича присутствовала идея "всеобщего избирательного права для всех совершеннолетних мужчин"¹³. Однако в программу ХДКП она не вошла. С другой стороны, введение всеобщего избирательного права в австрийской части монархии (Цислейтании) в 1906 г. побудило ХДКП вернуться к этой проблеме. На одном из собраний в октябре 1906 г., сообщал С. Радич в письме, "сорок [присутствующих] подписали петицию к сабору за всеобщее избирательное право, и остальные подписали бы, но ... боятся, как бы власти их не наказали"¹⁴ (сообщение это иллюстрирует обстановку в "глубинке", в которой действовала ХДКП).

Оба раздела программы конкретизируют понимание основателями ХДКП "земледельческого государства" и "крестьянского пра-

ва". Минимум необходимого для успешного развития аграрной крестьянской экономики и — никаких "крайностей"; стремление к реализму, якобы приемлемому для "общества" практицизму в рамках габсбургской монархии. Но при всем том — устранение вопиющих остатков старины, прежде всего сословного неравноправия крестьянства (впрочем, уже это казалось "обществу" радикализмом).

В третьем разделе программы ХДКП обещала действовать в соответствии с "мнением, волей и нуждами всего народа, в особенности простого народа". Поэтому принцип демократической политики — систематическое общение деятелей партии с народом, в частности путем проведения собраний. Но в комментариях подчеркивалось, что "ХДКП не будет проводить собраний, на которых масса народа решала бы вопросы, о которых судить не в состоянии"¹⁵. Партия организует крестьян для самопомощи, а не сословной (т.е. классовой. — *В.Ф.*) борьбы. В последней теперь нет необходимости. ХДКП не будет раздувать "ни национальной, ни политической ненависти", но — в отличие от других партий — зовет на защиту хорватского государственного права широкие массы. Партия не потерпит в своей среде атеистов, так как в основе справедливости — "живая вера". Девиз партии "Вера в бога и единение крестьян" (по-хорватски получалась рифма: "Вера у бога и селячка слога"). Конечной целью партии является "примирение всех сословий и народов"¹⁶.

Жизнь показала, что дорога к примирению народов полна ухабов, особенно на Балканах. Следует отметить как заслугу братьев Радичей их пацифизм (однако в 1914 г. им не удалось удержаться на этой позиции).

В обращении к "интеллигенции, особенно к духовенству" подчеркивалось, что на сотнях митингов партия избегала всего, что могло усилить "и без того большое народное недовольство", что в ХДКП "нет и следа разрушительного социализма, ибо она признает всякую собственность неприкосновенной"¹⁷.

Итак, идеология ХДКП была направлена на модернизацию хорватского общества путем реформ. "В действительности, крестьянскому движению не удалось выразить свою социальную идею столь определенно, как национальную. В области социальной политики бы-

ло больше стремлений, чем требований" ¹⁸. По-видимому, при всех разочарованиях, которые ожидали Радичей на пути к "крестьянской демократии", в принципе это была одна из составляющих пути (идеализация – достижение всекрестьянского единства и братства – не в счет, ибо она естественна), в сущности реалистическому пути к действительной модернизации в условиях отсталой части региона Центральной Европы.

Во главе организующейся ХДКП находился Главный комитет, подбиравший своих уполномоченных на местах. Членом партии мог стать всякий хорват, признающий ее программу и заявивший об этом уполномоченному. В дальнейшем местные активисты становились ядром съездов ХДКП.

ХДКП постепенно создавала свою организационную структуру. Это сопровождалось враждебной к новой организации кампанией. Загребский архиепископ предписал духовенству препятствовать собраниям ХДКП вплоть до вызова войск. Бан Пеячевич, сам крупный землевладелец, запретил распространение программы ХДКП. Однако загребский суд не нашел в программе ничего противозаконного и запрет был снят. Тем не менее в 1906–1907 гг. десятки собраний ХДКП были запрещены, активистов партии подвергали преследованиям, агитаторов, случалось, изгоняли силой, крестьян, симпатизировавших новой партии, запугивали, вызывали в суд во время полевых работ и т.д. Сам С. Радич неоднократно подвергался заключению в тюрьму.

Традиционные партии как провенгерской, так и проавстрийской ориентации особенно остро реагировали на деятельность ХДКП. Влияние этих партий на крестьян во многом основывалась на зависимости сельского населения от местных кредитно-сберегательных касс. Крестьяне были их вкладчиками и должниками – подчас без надежды выплатить долг. Существование множества хозяйств зависело от милости воротил сберегательных касс. Руководители касс обычно являлись и местными политическими лидерами, наиболее громко говорили о своем патриотизме, представляли свои округа в саборе. Вот их-то и предстояло потеснить крестьянской партией. Но наиболее часто ХДКП конфликтовала с "чистой партией права" Й. Франка, влияние которой распространялось преимущественно на ту же территорию, что и ХДКП (собственно Хорватия).

К осени 1905 г. на собраниях ХДКП присутствовало до 20 тыс. человек, а к осени 1906 г. уже до 100 тыс. В сентябре 1905 г. учредительный съезд утвердил программу ХДКП. Из 325 его делегатов большинство составляли крестьяне. На съезде много говорилось о национальной проблеме и С. Радич отметил, что в ХДКП соединились "дух Губеца и дух Елачица", т.е. партия отстаивает интересы крестьянства, соблюдая традицию национального движения и верность династии. В конце 1905 г. партия имела 14,5 тыс. сторонников¹⁹. Постепенно ее влияние распространялось не только в собственно Хорватии, но и в Славонии, включая Срем*. В 1907 г. была организована партийная типография. Наконец, в 1908 г. ХДКП удалось собрать большинство голосов в трех округах (все они — в собственно Хорватии, т.е. северо-западной части страны — Чазма, Лудбрег, Повиград), и при мажоритарной системе провести в сабор трех депутатов. Это были С. и А. Радичи и крестьянин В. Ловрекович. В 1909 г. ХДКП располагала около 1 тыс. активистов. На съезде в этом году собралось 3 тыс. сторонников партии. В 1909–1910 гг. на собрания партии в округах, где она пользовалась наибольшим влиянием, сходилось по 400–600 человек²⁰. А. Радич определял число сторонников партии в 50 тыс. человек.

В это время — в 1908–1914 гг. — выявилась эволюция социальных взглядов Радичей. До 1906 г. они сочувственно отзывались о русской общине. Теперь С. Радич в связи с упоминанием в саборе политики П.А. Столыпина воскликнул "очень хорошо"²¹. В 1909 г. во время поездки в Россию С. Радич принимал участие в беседах с депутатами Думы, литераторами и иными деятелями аграрного направления: обсуждались проблемы как предоставить крестьянам "практические знания ведения хозяйства", ставились вопросы организации сельскохозяйственных училищ и посылки крестьян за границу для обучения рациональному хозяйствованию²².

ХДКП вскоре после своего возникновения вступила в острую борьбу против либерального хорвато-сербского альянса ("коалиция"), ориентировавшегося на венгерскую оппозицию и направленного на ослабление связей между частями габсбургской монархии²³. Таким

*Это влияние ограничивалось хорватским населением. Хотя вначале и сербы заинтересовались "крестьянским правом", но сербские партии, более тесно, чем хорватские, связанные с крестьянством, сохранили влияние на сербскую деревню в Хорватии.

образом, национально-политическая позиция ХДКП, в программе 1905 г. очерченная туманно, вскоре приобрела четкость. Это была программа укрепления и реформирования монархии Габсбургов. Дальнейшее развитие эта линия получила в 1908 г. в связи с аннексией монархией Боснии и Герцеговины и претензиями на эти провинции со стороны Сербии. Лидеры ХДКП прямо называли себя "сторонниками императора" ("царевцы")²⁴.

На принципах "социальной политики" Радичи пытались сблизиться с христианско-социальной партией К. Люгера в Австрии и со словенскими клерикалами, а внутри Хорватии — с хорватским клерикальным движением. Другой основой этого сближения была указанная проавстрийская, прогабсбургская ориентация ХДКП. Однако желаемого ими блока не получилось, поскольку в Хорватии (в отличие от австрийских земель) давали себя знать демократические задачи ликвидации тягостных остатков сословного неравноправия крестьянства. Лидеры ХДКП были вынуждены признать, что их жесты в сторону правашей-клерикалов вызвали недовольство в среде рядовых сторонников собственной партии, потребовавших в дальнейшем "ни на волос" не сближаться с правашами — хорватское крестьянство было настроено радикально-демократически, а с другой стороны, клерикальная печать, связанная с торгово-банковскими кругами:²⁵ не приостановила нападки на С. Радича как якобы "врага христианства" и духовенства, — таким способом она стремилась ослабить влияние ХДКП²⁶.

В 1910 г. в Хорватии было расширено избирательное право для мужчин: имущественный ценз был снижен в 3–4 раза, расширена категория лиц, получивших образование и освобожденных от ценза. Двухстепенная система выборов в селах была ликвидирована, резко возросла доля избирателей-крестьян (избирательное право было распространено примерно на 40% всех крестьян-хозяев, т.е. на зажиточных и часть средних слоев), но зато остальные потеряли даже видимость права избирать (ранее они избирали одного выборщика от 50 хозяев). Сохранилась, хотя и относительно небольшая, разница ценза в городах и селах (10 и 15 крон), чем все же подчеркивалось неравноправие крестьянства. Кроме того, была расширена категория "горожан". Высшие чиновники и аристократия сохранили право личного представительства в саборе. Голосование по-прежнему осталось открытым.

В саборе в 1910 г. ХДКП выражала сожаление по поводу сохранения остатков неравноправия крестьянства в избирательном законопроекте и, как и все прочие партии, формально выступала за всеобщее избирательное право (фактически имелись в виду все "независимые хозяева", т.е. категории населения, "кроме заводских рабочих и сельских поденщиков")²⁸. В целом ХДКП поддерживала избирательную реформу, рассчитывая на успех на будущих выборах.

В 1910 г. в саборе имелось трое депутатов от ХДКП. Крестьянина В. Ловрековича "господа" встретили насмешками. Для характеристики идеологии ХДКП весьма существенными были программные выступления С. Радича. Лидер ХДКП говорил о необходимости разрыва Хорватии с венгерской короной и о верности Габсбургам: осуществление суверенитета народа он рассматривал в рамках соглашения народа с государем (это была конкретизация национальной и демократической политики ХДКП)²⁸.

В 1910 г. ХДКП выразила готовность поддержать правительство бана Н. Томашича при условии реорганизации местного управления, изменения законов о лесах и охоте, организации кредита для крестьян и др. Это была программа-минимум партии. Однако кратковременный блок ХДКП с баном сохранился, хотя в программе правительства (рескрипте короля) отсутствовали главные требования партии (о местном управлении и лесах). Поэтому Томашич прекратил преследования ХДКП, а на выборах в октябре 1910 г. часть проправительственных избирателей (в том числе чиновников, действовавших по приказу свыше) поддержала ХДКП²⁹. В сабор прошло девять кандидатов ХДКП, т.е. фракция ХДКП составила более 10% сабора. Это было наибольшим успехом крестьянской партии до 1918 г. Непрочный успех, однако, стал результатом закулисных маневров.

В своем проекте адреса Францу-Иосуфу ХДКП призывала "устранить остатки феодальной системы в администрации", равнодушие чиновников к интересам хозяйства, игнорирование интересов хозяйства при формировании бюджета и т.д., просила "перестроить бюджет в соответствии с нуждами крестьянского населения"³⁰. Депутаты ХДКП являлись зажиточными крестьянами. Так, В. Ловре-

кович нанимал батраков, судя по реплике одного адвоката, сам не работал ("вы живете больше за чужой счет, чем я")³¹. Он предлагал закрепить в частную собственность присвоенную отдельными крестьянами общинную землю³². Й. Предавец — богатый фермер, враждебный ему депутат бросил реплику: "Вы огосподившийся крестьянин, а это хуже всего" (характерное презрение к богатому человеку, крестьянину по происхождению; заметим, что современное фермерство западных стран "огосподилось" и это свидетельствует о высоком уровне экономического развития общества; в Хорватии первые шаги "мужика" в этом направлении встречали недоумение). Т. Ялжабетич — деятель кооперации, оптовый торговец скотом. М. Бобогредац отстаивал право крестьянских детей быть чиновниками ("а может быть, и банами") на том основании, что "многие из нас" — люди богатые, владеющие тысячами [форинтов] и сотней ютров земли³³. Аналогичный аргумент приводил С. Радич, требуя разрешить учительницам выходить замуж за крестьян. Некоторые депутаты являлись членами общинных управ, даже общинными начальниками, служили в имущественных общинах на территории бывшей Военной границы. Вот эта нарождавшаяся крестьянская буржуазия являлась одним из носителей прогресса аграрной экономики Хорватии в начале XX в.

А. Радич прямо утверждал, что именно старательные хозяева, прикупающие землю (у разоряющегося соседа-помещика), нажимающие десятки батраков, трезвенники, владельцы товарных хозяйств, в том числе виноградарей, — гордость, утешение и надежда Хорватии, ее мощь и сила. "Было бы чудом, если такие люди, крестьяне, не были бы в крестьянской партии"³⁴. "Крепкие хозяева", организаторы сельской кооперации, руководители земельных общин, церковные старосты и т.д. — вот актив ХДКП³⁵. Многие из них были связаны со сберегательными кассами. С. Радич так характеризовал ядро ХДКП: "...если, скажем, крестьянин имеет 20 ютров земли и при этом образован, если читает... и вообще проявляет себя настоящим человеком, то он определенно будет членом крестьянской партии, так как в ней... крестьянская интеллигенция"³⁶. Лидер партии подчеркивал, что она "вовлекла в общественную жизнь наиболее консервативную и наиболее трезвую часть крестьянст-

ва"³⁷. Представителей интеллигенции же в партии было немного, однако их количество постепенно росло — преимущественно из лиц крестьянского происхождения.

В своих выступлениях в саборе в 1910–1914 гг. депутаты ХДКП отстаивали различные программные положения партии (о словном равноправии, доступном кредите, крестьянском самоуправлении³⁸, реформе земельных общин, как уже говорилось, поставленных законом 1894 г. под контроль чиновников); выдвигалось требование аннулирования огромной задолженности крестьянства, несколько неожиданно прозвучало требование уравниения в правах женщин (в период организации ХДКП это отвергалось), — таким образом, крестьянская партия все более освобождалась от патриархальных идей. ХДКП требовала ликвидировать куриальную систему при выборах руководства общин (эта система обеспечивала решающее влияние нескольких крупнейших землевладельцев), а также известные привилегии помещиков при уплате общинных налогов и т.п. Характерно, однако, что вопрос о выкупе крупнопомещичьих имений не затрагивался, — в тогдашних условиях акцентирование на этом воспринималось бы "обществом" как радикальная пропаганда, а этого-то лидеры ХДКП стремились избежать. Но при всем том они призывали крестьян избрать "хороший сабор", который только и сможет решить многие назревшие вопросы.

Короче говоря, ХДКП добивалась снятия преград на пути превращения крестьян в современных полновластных собственников. Это особенно проявилось в требованиях ХДКП в экономической области: свободный раздел общинных лесов, пустошей с целью превращения их в сады, огороды, поля!³⁹ Уже "освоенные" общинные угодья (подчас более половины площади общин) ХДКП предлагала закрепить законом за новыми хозяевами. А. Радич выступил за передачу права наследования земельного участка только старшему сыну⁴⁰, чтобы сохранить крепкие хозяйства.

ХДКП требовала закрепить за крестьянами давно раскорчеванные участки, из-за которых велись многолетние споры с помещиками⁴¹.

В административных общинах предлагалось учредить сберегательные кассы, развивать местное ремесло с тем, чтобы местные

бюджеты полностью составлялись за счет доходов общины (а не налога). Предлагалось выдавать крестьянам из фондов казны дешевые долгосрочные займы, чтобы потеснить ростовщиков. По образцу Чехии С. Радич предложил организовать объединение кооперативов. Общины должны были получить право вкладывать часть своих средств в крестьянскую кооперацию⁴². Депутаты ХДКП требовали увеличить внимание мелиорации, организовать на льготных условиях продажу племенного скота и машин⁴³.

Важным было требование аннулировать задолженность крестьян по "лесным штрафам" и изменить закон о лесах (в частности, прекратить стрельбу в крестьян, застигнутых в помещичьем или казенном лесу); предлагалось расширить право бывших граничар на использование леса (на топливо и строительство), обеспечить их участие в доходах "имущественных общин"⁴⁴. Депутаты крестьянской партии призывали господ строить производственные предприятия, помогать готовить техников и агрономов, а не вкладывать деньги в кассы⁴⁵.

Подавляющее большинство предложений ХДКП отклонялось сабором, десятки депутатов которого представляли интересы банков и сберегательных касс⁴⁶, ростовщическо-кредитного капитала. "Господа" были далеки от "народа", и идеи ХДКП о сплочении нации на основе поддержки крестьянства вызывали у них опасения.

Братья Радичи в парламентских выступлениях, статьях в "Доме" и специальном программном сочинении (1908 г.) развивали идеи аграризма. В сущности теория аграризма, заключавшаяся в обосновании господства аграрных интересов в обществе и политике государства, являлась у Радичей логическим завершением их "крестьянской" или "земледельческой" политики. С. Радич указывал на повсеместное распространение аграрных политических течений – в Германии, Франции, России, даже в индустриальной Англии⁴⁷, – всюду аграрные проблемы привлекают все большее внимание. Образец организации кредитно-банковского дела, поставленного на службу аграрным интересам, С. Радич видел в Чехии, Дании, Норвегии, в определенной мере уже и в Словении, где имелось христианско-социальное течение.

Термин "аграризм" зародился в Германии в конце XIX в. Аналогичное течение имело место во Франции (девиз: "Назад к земле"). В развитых странах организатором аграрного движения являлись крупные землевладельцы, стремившиеся добиться влияния на правительственную экономическую политику. Ввиду общих аграрных интересов с крестьянами-товаропроизводителями крупные буржуа-аграрии (например в Чехии, действуя под девизом "Вся деревня — одна семья") закрепили свое влияние в деревне, где процесс превращения прежнего крестьянского сословия в слой буржуазного общества в основном завершился. Естественно, что "социальных" требований крестьянства, "крестьянского вопроса" в том смысле, в каком они проявлялись в большинстве аграрных крестьянских стран восточной части Центральной Европы и Балкан, в этом аграризме не было⁴⁸.

Тем не менее С. Радич широко использовал тезисы этого буржуазного аграризма (даже призыв "Назад к земле", — и это в Хорватии), всегда, однако, отмечая особенность ХДКП как крестьянской партии. С учетом нужд народного хозяйства, подчеркивал он, мы создали аграрную партию "не как копию юнкерской дворянской прусской и магнатской венгерской партии, но как оригинальное творение на собственной почве"⁴⁹. Неверно уподоблять ХДКП аграрным партиям, ядром которых является крупное землевладение, мы, подчеркивал ее лидер, партия крестьянской массы⁵⁰.

С. Радич характеризовал аграризм как экономическое устройство, отличное от капитализма... Цель капитализма — прибыль, цель аграризма — удовлетворение жизненных потребностей; более того, имея в виду особенности земледельческого труда, С. Радич подчеркивал, что "аграризм и капитализм не два экономических уклада, но две этики, два социальных направления"⁵¹. Аграризм заменяет "борьбу за существование", характерную для капитализма, "союзом для жизни"⁵². Промышленный капитализм безнравствен, рабочий и капиталист враждебны друг другу, их не соединяет ничего, кроме голого расчета, тогда как батрак обедает "за одним столом" с сельским хозяином, их соединяет природа, земля и т.д. Аграризм — противник капитализма и социализма, но — как выяснилось — лишь их крайностей. Аграризм "не против капитала как такового, это разумеется само собой, не против собственности, точ-

но также не против рабочей массы и социализма, ибо это братья"⁵³ (имелась в виду социальная политика в интересах рабочих). Теории аграризма с ее идеализацией отношений в сфере сельского хозяйства крестьянская партия придерживалась и в пору своего расцвета в 20-е годы XX в.

Фермерство, как компонент "новых средних слоев", — одна из основ стабилизации развитого общества. А радичевская идеализация — всего лишь идеологическое оформление реального исторического процесса.

Социалист В. Корач, выступая в саборе, без труда показал иллюзорность взглядов лидеров ХДКП относительно общности непосредственных экономических интересов всех "земледельцев" или "аграриев". Опирируя известными данными статистики 1895 г., он говорил, что 180 тыс. владельцев крошечных участков до 5 ютров (т.е. менее 3 га) вынуждены искать наемную работу и, следовательно, не заинтересованы в покровительственном для аграриев тарифе. Мелкие крестьяне (5–20 ютров) числом 190 тыс., по Корачу, лишь частично выиграли бы от такого тарифа, а частично проиграли (в связи с неизбежным повышением оплаты чиновников и промышленных рабочих и, следовательно, цены товаров). Итого, 370 тыс. крестьянских хозяйств Хорватии (из 407 тыс.) не заинтересованы в аграризме⁵⁴. Корач всего лишь указал на реальный процесс социального расслоения деревни, к которому теоретики аграризма не проявляли интереса. Но это был исторически неизбежный процесс, а в силах людей было лишь как-то смягчить его мучительные последствия для большинства крестьянства. Радичи же смотрели вперед, выражая интерес буржуазного развития деревни и, о чем уже говорилось, идеализируя это развитие. Тем не менее история была на их стороне. Иного пути модернизации деревни не было.

В Хорватии в начале XX в. убедить помещиков и буржуазию в общности их и крестьянских интересов было невозможно. Да, как отмечалось, С. Радич и сам подчеркивал отличие ХДКП от иных аграрных партий. Капитал крестьянина облагорожен его трудом, подчеркивал лидер ХДКП⁵⁵, и в этой тенденции "будущее европейской и вообще человеческой культуры"⁵⁶.

Были в аграризме С. Радича вполне реальные идеи, так, он подчеркивал, что крестьянству нужна армия "практичных" и "чест-

ных" специалистов сельского хозяйства, а обществу нужно множество хозяев-агров, способных создать высокопродуктивную экономику.

Уверенность в устойчивости зажиточного крестьянского хозяйства С. Радич основывал на давно выявившейся в Хорватии тенденции постепенного распада латифундального землевладения: "...среднее владение, можно сказать, почти мелкое, ежедневно поглощает крупные имения"⁵⁷. Именно так: "среднее, почти мелкое" владение в Хорватии тогда было одним из основных двигателей агротехнического прогресса, а опыт передовых стран современной (конца XX в.) Европы свидетельствует об огромных ресурсах этой категории хозяйств в условиях быстрого роста производительных сил аграрного сектора экономики.

На идеологические принципы ХДКП накладывали печать как социальные процессы в Хорватии, так и крупнейшие события начала XX в. Это были прежде всего революция в России в 1905–1907 гг. и массовое крестьянское восстание в соседней Румынии в 1907 г. В 1908 г. было опубликовано пространное заявление (брошюра) лидеров ХДКП – "Толкование программы"⁵⁸.

Здесь подчеркнуто, что ХДКП представляет интересы всего хорватского народа против "высших чиновников, латифундистов и капиталистов". Весь народ включает крестьянское, рабочее и городское сословия, а также учителей, духовенство и пр. Партия принимает в свои ряды всех, кто готов бороться против "самоуправства чиновников", "помещичьих привилегий", "ненасытности капиталистов". Но "крестьянское сословие, как огромное большинство хорватского народа, должно получить всю власть". "В Хорватии должно быть устранено господство чиновников, адвокатов, попов". При этом ХДКП готова объединить всех земледельцев, вплоть до крупных, согласных с ее политикой. Радичи мечтали об объединении всех "хозяев" – агрономов, что в Хорватии тогда было неосуществимо.

В соответствии с аграристскими взглядами С. Радич заявлял, что приветствовал бы назначение баном Хорватии крупного помещика, если тот является прогрессивным сельским хозяином: "...аристократы-агрономы, серьезные экономисты-хозяева глубже понимают политику"⁵⁹. Но при этом характерно понимание С. Радичем наличия

"двух" аграрных вопросов в Хорватии: "современного" — борьба за покровительственные пошлины, инвестиции в сельское хозяйство и пр., и "старого" или "социального" вопроса об "угнетенном крестьянском сословии" в целом, этот вопрос особенно острый в районах латифундий, казенных лесов и в Загорье (северо-западном районе, страдавшем от малоземелья и традиций феодализма).

Именно ввиду отмеченных "двух" аграрных вопросов в пропаганде лидеров ХДКП встречаются то резкие антипомещичьи заявления, то призывы к единению всех хозяев, к ликвидации пропасти между ними⁶⁰.

Итоги эволюции своих взглядов накануне войны 1914 г. подвел и А. Радич. Отмечая многие пороки нового общественного порядка (рост преступности, распространение в массах настроений безысходности, эмиграция и др.), он вместе с тем понимал, что бесполезно вздыхать о "добрых обычаях" старины, когда крестьянин был "послушным", честным и не читал газет... "Цивилизации, т.е. распространению современного образа жизни во всех областях, воспрепятствовать невозможно". Конечно, это свобода для сильных прежде всего, но именно так сложилась "современная американская демократия". И в Хорватии надо создавать "новую культурную жизнь на новых основаниях"⁶¹. Здесь уже нет и следа бывшего подозрительного отношения к Западу и подчеркивания самобытности славянства. Оба Радича видели выход из отсталости в развитии промышленности⁶².

Кроме деятельности в сфере идеологической и участия в парламентской борьбе в предвоенное десятилетие ХДКП расширяла свою активность в сфере экономической организации крестьянства. Это прежде всего создание сети кредитно-сбытовой кооперации. В состав существовавшего еще с 40-х годов XIX в. "Сельскохозяйственного общества", членами которого были крупные аграрии и связанные с ними финансисты, ХДКП добилась включения одного крестьянина. В 1912 г. руководство ХДКП подготовило проект "Крестьянского сельскохозяйственного совета", предлагая избрать из "известных опытных сельских хозяев" внепартийный (и "внеполитический") совет для защиты экономических интересов крестьян, т.е. действовать в духе торгово-промышленных палат⁶³. Совет был создан, однако широко развернуть его деятельность помешала война.

В тех общинах, где деятели ХДКП становились во главе управ, они стремились к экономии народных средств, сокращению аппарата (что вызывало протесты чиновников, поддержанных "сверху")⁶⁴.

Несмотря на стремление лидеров ХДКП успокоить крестьянство, сама деятельность крестьянской партии по организации крестьян вызывала беспокойство буржуазии и дворянства. Так Грга Тушкан, руководитель одной из крупных сберегательных касс, сообщал об "ужасных примерах опасной деятельности" ХДКП: крестьяне говорят, что "надо отнять у господ леса и поля и разделить между крестьянами", что надо отказаться от подати в пользу сельского духовенства и вообще власти должны служить крестьянству... "Везде, куда проникли братья Радичи, можно услышать от крестьянина: господин, а почему бы крестьянин не мог стать начальником котара (района. — В.Ф.), великим жупаном (главой администрации области. — В.Ф.) и даже баном"⁶⁵. "Я считаю, — продолжал Тушкан, — что нет большего зла, чем вселить в сердце крестьянина идею раздела господских лесов и что якобы крестьяне могут стать великими жупанами и даже банами". Ведь если так, негодовал Тушкан, то почему не могут занять эти должности "ремесленник, рабочий, торговец, следовательно, всякий"⁶⁶. Типичная сословная постановка вопроса, характеризующая вместе с тем те силы, в чьих руках находилась власть в Хорватии.

Надо при этом напомнить, что против сословного неравенства крестьяне протестовали задолго до появления ХДКП, и партия лишь стремилась придать этому протесту организованный, последовательный и мирный характер. Важна и оговорка Г. Тушкана: "К чести нашего крестьянства относится то, что так говорили наихудшие крестьяне, даже не являющиеся хозяевами, исключения очень редки"⁶⁷. Лидеры ХДКП отрешивались от подобной агитации (в особенности от идеи раздела земель), но "к чести крестьян" скажем, что некоторые депутаты сабора от ХДКП действительно подходили к обоснованию равных прав выходцев из крестьян на занятие любых должностей.

Что касается радикальных выступлений на собраниях ХДКП, то в этом отношении сторонникам Радичей пришлось в какой-то мере испытать то, с чем до них столкнулись социал-демократы. Последнее, как мы помним, собирали крестьян для мирного разъяснения

"принципов социализма" и с целью заручиться голосами жителей села на выборах, а крестьяне сразу стали говорить о наболевшем — о помещичьей земле, об условиях работы на помещика, а вскоре перешли и к действиям... Не случайно "господа" опасались любого (независимого от них) вовлечения крестьян в политическую борьбу. Именно поэтому загребская "Аграмер цайтунг" писала, что Радич вызывает злых духов, с которыми потом не удастся справиться⁶⁸. Само радичевское деление на господ и народ, несмотря на призывы к их примирению, казалось буржуазно-дворянскому обществу опасным.

Петербургские консервативные "Славянские известия", солидаризуясь с этими кругами, заявляли, что ХДКП "сеет ненависть между сословиями", что теория ее "разрушительная", ибо партия проповедует будто "всякий сюртучник — враг мужицкого кафтана, а чиновники — неприятели крестьянского сословия"⁶⁹. В действительности, как показано в данной работе, все было значительно сложнее.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Важнейшей особенностью социально-экономической эволюции деревни Хорватии было то, что капитал, внедряясь в поземельные отношения, разлагал феодальный строй, а после 1848 г. медленно вытеснял остатки полуфеодальных связей и, вместе с тем, в условиях аграрной страны с незначительной промышленностью и узким внутренним рынком вновь и вновь способствовал воспроизводству (регенерации) полуфеодальных структур. Последние, таким образом, подпитывались и пропитывались товарно-денежными отношениями, а сами эти отношения (и даже наем рабочей силы) выступали в переплетении с полуфеодальными. В отличие от Пруссии, классической страны так называемого прусского пути развития капитализма в земледелии, где в последней трети XIX – начале XX в. мощный внутренний (городской) рынок и повсеместное развитие товарной экономики привели к победе капитализма в сельском хозяйстве, в странах типа Хорватии, Галиции или Румынии, несмотря на в целом буржуазную тенденцию развития села, капитализм в земледелии вплоть до 1918 г. (более поздний период нами не исследуется) находился в состоянии органического и противоречивого единства с отношениями, присущими прошлой эпохе (своеобразный феодально-буржуазный сплав).

В этих условиях после 1848 г. часть либеральных кругов, не связанная с землевладением, стремилась ускорить "развязку" – способствовать возникновению независимого от помещика крестьянского хозяйства (путем выкупа оставшихся повинностей, ликвидации разных видов совместных владений, наследственной – феодальной по происхождению – аренды). Указанная выше ситуация в конце XIX – начале XX в., с одной стороны, предопределила отношение основных буржуазных политических группировок к крестьянскому вопросу (консерватизм или умеренный либерализм, дополненный социальной демагогией), а с другой, вызвала не только антипомещичьи, но и антибуржуазные настроения и движения среди крестьянства, т.е. тенденции противоречивые, невозможные в условиях классического "прусского" пути в Германии.

На Балканах, где крупного помещичьего землевладения не было, все же происходил процесс, сходный с тем, который имел место в восточных и южных землях Центральной Европы (регенерация национальной буржуазией кабалных, т.е. полуфеодальных, отношений в Сербии и Болгарии).

В этой социальной обстановке, при наличии основ конституционного устройства стало возможным появление крестьянских партий, оппозиционных существующему истеблишменту. Одновременно, и об этом свидетельствует история Хорватии, идеологи и руководители такой партии стремились устранить серьезные препятствия для сотрудничества крестьянства с национальной буржуазией на основе эффективной рыночной экономики (как это к началу XX в. уже произошло в Северной Америке, Западной и Северной Европе или в Чехии – наиболее развитой части Центральной Европы).

Значительной оказалась роль крестьянской партии в национальной сфере. Увязав социальные проблемы с национальными, ХДКП способствовала распространению национального самосознания вишь и вглубь и тем самым завершению процесса формирования хорватской нации. Но это – особая тема.

СОКРАЩЕНИЯ

- АВПР – Архив Внешней политики России
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
УЗИС – Ученые записки Института славяноведения АН СССР
HZ – Historijski zbornik, Zagreb
JAZU – Jugoslavenska akademija znanosti i imjetnosti, Zagreb

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Šulek B. Hrvatski ustav ili konstitucija godine 1882. Zagreb, 1883.

² Так, в Далмации, на побережье Адриатики, существовали феодальные традиционные формы аренды, в XIX–XX в. эволюционировавшие к буржуазным (колонат).

³ Вучо Н. Привредна историја народа ФНРЈ. Београд, 1948; Bösendorfer J. Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950; Bićanić P. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1951; Kostić C. Seljaci industrijski radnici. Beograd, 1955; Stojasavljević. Suma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji poslije 1848. Zagreb, 1961; Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije 1906–1907. Beograd, 1960; Sidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968; Karaman I. Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972; Vojna krajina (D. Pavličević). Zagreb, 1984; Pavličević D. Narodni pokret 1883. u Hrvatskoj. Zagreb, 1980; Društveni razvoj u Hrvatskoj (M. Gross). Zagreb, 1981; Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb-Ljubljana, 1985; Pavlicević D. Hrvatske kućne zadruge. Zagreb, 1989; и др.

⁴ Вукотић-Тодоровић Љ. Хрватски сељачки покрет браће Радича. Књ. I. Београд, 1940; Sidak J. Idejno sazrijevanje Stjepana Radića // Sidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 379–389 (впервые в 1940 г.); Марјановић М. Стјепан Радич. Београд, 1937.

⁵ См.: Radovi. Institut (Zavod) za hrvatsku povijest (Zagreb), br. 13, 15, 22, 24.

Глава I

¹ В дальнейшем обе исторические области ("королевства"), составлявшие политическое целое, именуются Хорватией, а в тех случаях, когда речь идет о собственно Хорватии (области городов Загреб – Вараждина – Сисака – Крижевци), это оговаривается.

² В Славонии 2/3 крестьянских участков принадлежало семи помещикам. Об одном из таких славонских имений см.: Karaman I. Valpovačko vlastelinstvo. Zagreb, 1962. Доходы латифундистов, владевших десятками сел, составляли десятки, а иногда сотни тысяч форинтов в год. 1 форинт примерно 0,8 рубля того времени.

³ Bićanić R. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952. S. 75.

⁴ Vrbanić F. Jedno stoljeće u vazvoju broja žiteljstva Hrvatske i Slavonije // Rad JAZU, br. 140. Zagreb, 1899. S. 17–58; Karaman I. Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. S. 9. В целом в середине XIX в. хорватские земли (Хорватия, Славония, Далмация, большая часть Истрии, Меджимурье, Риека) насчитывали 2,2 млн. человек.

⁵ История Венгрии. Т. I. М., 1971: С. 302–304; *Ачади Н.* История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956. С. 133–141.

⁶ *Jelačić A.* Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848–49. i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925. S. 30–31.

⁷ Значительными особенностями отличались социально-экономические отношения в Приморье и Горском котаре (Горный район), где либо сельскохозяйственное производство вообще было невелико и население издавна занималось промыслами, уходило на флот, работать в портах и др., либо в районах виноградарства господствовала натуральная и денежная рента.

⁸ *Karaman I.* О неким osnovima socijalnog razvoja na području Slavonije i Srijema u početku XX st. // *HZ*, 1961. S. 248.

⁹ Урбарии – книги записей крестьянских повинностей за пользование участком, верховным собственником которого являлся помещик. Тексты урбариев см.: *Vezić M.* Urbar hrvatsko-slavonski. Zagreb, 1882. S. 125–145, 185–203; *Bösendorfer J.* Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950. S. 193–206.

¹⁰ В собственно Хорватии сессия – в зависимости от плодородия земли – составляла 12–24 ютра, в Славонии – 24–40 ютров. 1 ютро (йох, морген) = 0,57 га. Кроме того, крестьянин имел не-большой "приусадебный участок" (окучница) – в Славонии до 1 ютра.

¹¹ *Bićanić R.* Počeci kapitalizma... S. 88.

¹² Горница нередко составляла важнейшую часть дохода помещика. См., напр.: *H[ellenbach] R. L.* Misli o socialnoj politici u Austriji. Zagreb, 1862. S. 12. См. также: *Stojšavljević B.* Gornjaci. Zagreb, 1959. В районах виноградарства более рано развилось товарное крестьянское хозяйство, тогда как зерно шло на собственные нужды.

¹³ В 1-й половине XIX в. аренда – в основном феодальный или переходный полуфеодальный институт. К 1848 г. под арендой находилось 12% пахотной земли и 27% виноградников Хорватии. См.: *Bićanić R.* Op. cit. S. 104.

¹⁴ Накануне отмены феодальной зависимости из трех тысяч учтенных Р. Бичаничем хозяйств свыше одной тысячи (около 37%) владели до 1/2 сессии и 116 хозяйств (4% хозяев, 11% урбарильной земли) – по 2 и более сессии: *Bićanić R.* Op. cit. S. 107.

¹⁵ *Bićanić R.* Op. cit. S. 110–111. В Венгрии, а также в Славонии доля полупролетаризованных крестьян и пауперов была значительно выше, чем в собственно Хорватии.

16 *Karaman I.* O nekim osnovnim problemima ekonomskog-socijalnog razvoja ... // HZ, 1961. S. 247.

17 Освободительные движения народов Австрийской империи. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980. С. 58—65. К середине XIX в. в Австрии (без Венгрии) имелось 656 паровых машин.

18 Там же. С. 37—41; *Aчади Н.* Указ. соч. С. 249—257; *Bösendorfer J.* Op. cit. S. 93—96.

19 *Bićanić R.* Op. cit. S. 72.

20 *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. S. 156—157.

21 *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u XIX st. Zagreb, 1972. S. 11. Перечень предприятий, выявленных Р. Бичаничем, в сущности подтверждает этот вывод. *Bićanić R.* Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. 1750—1860. Zagreb, 1951. S. 214. etc. В 1849 г. в Хорватии имелось 4 паровые машины общей мощностью в 48 л.с. К мануфактурам можно отнести небольшие судостроительные верфи (где строили парусники) и, с некоторой натяжкой, лесоперерабатывающие предприятия.

22 Некоторые сдвиги в городской промышленности начались в третьей четверти XIX в. (паровые мельницы, кожевенный завод в Загребе и др.). См.: *Despot M.* Industrija građanske Hrvatske. 1860—1873. Zagreb, 1970.

23 Общий обзор истории Риеки см.: *Rijeka Zbornik.* Zagreb, 1953. См. также: *Despot M.* Tvorница papira. Rijeka, 1971.

24 *Šidak J.* Odjeci francuske revolucije i vladavine Napoleona I u hrvatskim zemljama. // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX st. Zagreb, 1973; *Bogdanov V.* Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958. S. 50—52.

25 *Лещиловская Н.Н.* Из истории торговли Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. // УЗИС. Т. XXIV. С. 221—254.

26 *Bićanić R.* Ilirski pokret i kapitalizam. // *Bićanić R.* Počeci kapitalizma... S. 127—140.

27 *Stulli B.* Prijedlozi i projekti željezničkih pruga u Hrvatskoj. 1825—1863. I—II. Zagreb, 1975.

28 *Despot M.* Historijat trgovačkih putova između Rijeke i zaleđa u 18. u 19. st. // *Rijeka. Zbornik.* S. 123—132.

29 *Šidak J.* Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta (1790–1827) // *HZ*, 1980–1981. S. 13–15; *Horvat J.* Povijest povinstva Hrvatske. Zagreb, 1962; *M[ilovanović] A.* Rech Domovini od Hasznovitosti Piszanja vu Domorodnom Jeziku. Vu Bechu, 1815.

30 Antologija ilirskog pokreta. Beograd, 1953. S. 33. Первый призыв к кодификации родного языка мотивировался в основном интересами транзитной торговли зерном и национально-патриотическими соображениями. Автором его был житель города Карловаца: *[Sipus J.]*. Temely xitne tergovine polag narave i dogavzajev. Zagreb, 1796. См.: *Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790–1832)*. Zagreb, 1933. S. 38–42. Автор упоминает "хорватского и славонского мужика" (который называет многие предметы иначе, чем серб или мусульманин, т.е. босняк).

31 *Nemeth K.* Zagrebačka akademija uoči narodnog preporoda. // *Iz starog i novog Zagreba*. Zagreb, 1957. S. 175; *Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj (D. Franković)*. Zagreb, 1958. S. 72.

32 *Povijest školstva...* S. 49–75.

33 Императорский чиновник в 1836 г. доносил из Загреба о том, что большинство хорватского дворянства ввиду своей бедности резко отрицательно относятся к венгерским проектам реформ. *Šidak J.* Seljačko pitanje u hrvatskoj politici 1848. // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–49. Zagreb, 1979. S. 147–148).

34 *Лещиловская Н.Н.* Иллиризм. М., 1968; *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Варшава, 1894. Иллиризму посвящена значительная хорватская литература.

35 "Диссертация" Я. Драшковица была первым политическим трактатом на хорватском языке. Об авторе, его взглядах и деятельности см.: *Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskog preporoda*. S. 297–312; *Bičanić R.* Ekonomski program grofa Janko Draškovića. // *Bičanić R.* Počeci kapitalizma... S. 141–156; *Šidak J.* Hrvatski preporodni pokret i grof Janko Drašković. // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX st. S. 181–194.

36 *Лещиловская Н.Н.* Иллиризм. С. 164.

37 *Дьяков В.А., Фрейдзон В.Н.* Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX в. // *Сов. славяноведение*. 1984. № 2. С. 55. Рец.: *Воп. истории*. 1986. № 10. С. 125 (акад. Ю. Кахк).

38 Historijska čitanka za hrvatsku povijest, I. Zagreb, 1952. S.187–190. Но дворянство до революции 1848 г. продолжало придерживаться латыни как официального языка.

39 Лещиловская И.И. Иллиризм. С. 131, 143, 144.

40 Там же. С. 193.

41 HZ, 1960, S. 194–203.

42 Лещиловская И.И. Иллиризм. С. 199–200.

43 Šojat O. Ljudevit Vukotinović i Četrdesetosma // HZ, 1956. S. 32 etc.

44 Šidak J. Stranački odnosi u Hrvatskoj prije 1848 // Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX st. S. 142.

45 Лещиловская И.И. Иллиризм. С. 215–216.

46 Šidak J. Stranački odnosi u Hrvatskoj prije 1848. S. 141.

47 Ibid. S. 147–150.

Глава 2

¹ Характерно, что часть феодальной группировки называла себя "консервативными сторонниками реформы". См.: Ачади И. Указ. соч. С. 325. Это еще один пример вынужденного "консервативного реформизма". (См. выше: Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Указ. соч.). Наличие аналогичного (преобладающего) течения в русском дворянстве необходимо учитывать при изучении крестьянской реформы в России в 1861 г. Многих авторов реформы в исторических работах, по нашему мнению, неосновательно характеризуют как "либералов" и "либеральных бюрократов".

² О политической борьбе в Австрийской империи в 1848–1849 гг. см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980; Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1986; Краткая история Румынии. М., 1987; Краткая история Чехословакии. М., 1988; Лещиловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии. 1848–1849. М., 1977.

³ Pisma Ljudevitu Gaju (Horvat J., Ravlić J.) // Građa za povijest književnosti hrvatske. Sv. 26. Zagreb, 1956. S. 100.

⁴ Бромлей Ю.В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М. 1959.

⁵ Šidak J. Seljačko pitanje u hrvatskoj politici 1848 // Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–49. Zagreb, 1979. S.153.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. S.154.

⁸ Эти вопросы впервые были исследованы Алексеем Елачицем, русским эмигрантом хорватского происхождения: *Jelačić A. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848–49. i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka*. Zagreb, 1925. См.: также: *Bičanić R. Oslobođenje kmetova u Hrvatskoj godine 1848* // *Bičanić R. Počeci kapitalizma...*; *Šidak J. Seljačko pitanje...*; *Лециловская И.И. Общественно-политическая борьба ...*

⁹ *Jelačić A. Op. cit. S. 21.*

¹⁰ *Gavrilović S. Agrarni nemiri u Križevačkoj i Varaždinskoj županiji 1848–1850* // *HZ*, 1960. S. 48–49 etc.

¹¹ Факсимиле документа см.: *Šidak J. Seljačko pitanje.. S.155.*

¹² *Šidak J. Seljačko pitanje... S. 159–161; Jelačić A. Op. cit. P.130–138 (тексты петиций).*

¹³ *Jelačić A. Op. cit. S. 39–40; Sulek B. Hrvatski ustav... S.98–102.*

¹⁴ *Jelačić A. Op. cit. S. 41.*

¹⁵ См.: *Historijska čitanka... I. S. 210–228.*

¹⁶ *Jelačić A. Op. cit. S. 48.*

¹⁷ Ibid. S. 63.

¹⁸ *Šidak J. Seljačko pitanje... S. 159.*

¹⁹ *Jelačić A. Op. cit. S. 64.*

²⁰ *Historijska čitanka... S. 224–225.*

²¹ *Šidak J. Seljačko pitanje... S. 166.*

²² *Jelačić A. Op. cit. S. 69–71; Historijska čitanka... S.228–229 (текст закона об отмене урбаральных повинностей).*

²³ Его полномочия были "подписаны" 166 неграмотными крестьянами и одним грамотным.

²⁴ *Jelačić A. Op. cit. S. 73–95.*

25 Текст см.: Ibid. S. 102–104.

26 Ibid. S. 106–108.

27 А. Елачич приводит пример Пожегской жупании (Славония), где летом 1849 г. управление сосредоточилось в руках примерно 200 человек-дворян, духовенства и пр., а во главе его был поставлен граф Янкович. Население жупании насчитывало 65 тыс. человек (*Jelačić A. Op. cit. S. 120*)

28 В Венгрии в связи с войной против Габсбургов была отменена горница (15.IX.1848), т.е. сделан шаг навстречу крестьянству.

29 *Bičanić R. Oslobođenje kmetova u Hrvatskoj. // Bičanić R. Počeci kapitalizma... S. 124.* Автор отмечает, что хорватская делегация в Вене просила императора не утверждать положения закона, относящиеся к Славонии (сабор признал право крестьян Славонии временно пользоваться помещичьими лесами и пастбищами).

30 *Stojsavljević B. Seljaštvo Jugoslavije. Zagreb, 1952. S. 109.*

31 Ibid. S. 110.

Глава 3

1 После революции от Венгерского королевства и Хорватии–Славонии была отделена административная область "Сербская Воеводина и Темешский Банат". В 1860 г., с началом конституционных реформ, она была воссоединена австрийской властью с Венгрией и Хорватией–Славонией.

2 *Gross M. Počeci moderne Hrvatske; Kuntić L. O nekim osnovama za politiku hrvatskih političkih stranaka u XIX st. // Radovi Filozofskog fakulteta, Odsjek za povijest, br. 2. (1959).*

3 *Gross M. Op. cit. S. 180.*

4 *Bösendorfer J. Op. cit. S. 180–186; Gross M. Op. cit. S. 164–175.*

5 *Stojsavljević B. Gornjaci. S. 34–53 etc.*

6 Подробно см.: Ibidem. S. 53 etc.

7 *Saborski dnevnik kraljevina Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. 1875–1878. S. 92.*

⁸ Духовенство пользовалось феодальными привилегиями. Нередко основным источником дохода сельского духовенства было содержание корчмы (ясно, какие неблагоприятные последствия это имело для его авторитета). Здесь речь не идет о правах католической (загребского архиепископства, дьяковского епископства, монастырей и др.) и православной (карловицкого патриаршества), церковью как крупных феодальных землевладельцев. В 1856–1857 гг. в Хорватии насчитывалось более 60 церковных землевладельцев. См.: *Gross M.* Op. cit. S. 171.

⁹ *Stojasavljević B.* Šuma i paša u borbi sela...

¹⁰ *Gross M.* Op. cit. S. 174.

¹¹ *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1879. S. 52.

¹² *Gross M.* Op. cit. S. 177.

¹³ Первая инстанция – жупанийский суд, вторая – хорватский (загребский), высшая – в Вене. По этим вопросам см.: *Bösendorfer J.* Op. cit. S. 186–187.

¹⁴ *Stojasavljević B.* Šuma i paša... S. 50–56, 108–110. Примерно с 90-х годов XIX в. имущество крестьян во все более широких масштабах стало переходить в руки сберегательно-кредитных касс (краткие сведения о развитии денежно-кредитного капитала см. в главе 7).

¹⁵ См. например: *B.L.H[ellenbach]* Misli o socialnoj politici u Austriji. Zagreb, 1862.

¹⁶ *Gross M.* Op. cit. S. 204, 206, 207.

¹⁷ Ibidem. "Недостаток рабочей силы" в Славонии в начале 70-х годов XIX в. отмечал современный автор: *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1873. S. 35.

¹⁸ *Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od god. 1861.* Zagreb, 1862. S. 1. В своих обращениях к сабору крестьяне указывали, что хотя в Хорватии введена конституция, крестьянин по-прежнему терпит несправедливости и произвол.

¹⁹ *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskoga naroda. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 24.

²⁰ Pozor. 1.II.1862 г.

²¹ Усилиями народняков в Загребе были учреждены академия наук и искусств (1866 г.) и университет (1874 г.); но в селах под Загребом школ не было.

22 Известно, что Габсбурги попустительствовали вспышке польского крестьянского мятежа в Галиции в 1846 г., направленного против шляхетского национально-освободительного движения.

23 Šulek B. Hrvatsko-ugarski ustav ili konstitucija. Zagreb, 1861. S. 71, 120, 121.

24 Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 25–30; Фрейдзон В.М. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 248–257.

25 Сумма налогов (косвенных, прямых, выкупного) в 1848–1857 гг. возросла с 254 тыс. до 5,8 млн форинтов. См.: Bićanić R. Industrijska revolucija u Hrvatskoj // HZ, 1948. S. 80.

26 Pozor. 7, 10, 12 I 1867 г.; Štojsavljević B. Gornjaci. S. 93–97.

27 При этом славонскую аристократию "Пбзор" называл "да-лекой от народа кастой" (Pozor. 16.V.1862 г., 30.III. 1867 г.).

28 Šulek B. Dostatak težaka // Šulek B. Izabrani spisi. Zagreb, 1952. S. 180–186.

29 Korespondencija Rački-Strossmayer (F.Šišić) Knj.prva. Zagreb, 1929. S. 49.

30 Pozor. 4.I, 1.II.1862 г.

31 Там же. 16.V.1862 г.

32 Korespondencija Rački-Strossmayer. Knj.prva. S.112.

33 Аренда за часть урожая – "способ хозяйствования, достойный самого большого сожаления". См. также: Kvaternik E. Hrvatski glavničar. Zagreb, 1863. S. 21, 24; Cesarec A. Eugen Kvaternik kao politički ekonom // Izraz, 1940. Br. 4. S. 202, 203; Kvaternik E. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 531–533; Фрейдзон В.М. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника // УЗИС. Т. XXX. М., 1966. С. 86–95.

34 Kuntić Lj. E. Kvaternik prema nekim problemima hrvatske politike šezdesetih godina XIX st. // Radovi Filozofskog fakulteta. Historijska grupa. I. Zagreb, 1950. S. 82–83.

35 Starčević A. Plač nad propadanjem seljaka // Starčević A. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 417.

36 Hrvatska. 15.I.1871 г.

37 Kvaternik E. Hrvatski glavničar. S. 16, 17.

38 Hrvatska. 14.V.1871 г. Характерно, что в цитировавшихся выше изданиях произведений национальных лидеров — либералов и радикалов — крестьянству уделено незначительное место.

39 Kuntić Lj. Kvaternik prema nekim problemima... S. 84; Šegvić K. Drugo progono Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907. S. 72, 157; Cesarec A. Kriza stranke prava i naši "komunari" 1871. Zagreb, 1951. S. 50.

40 О программе Э. Кватерника в момент восстания 1871 г. см. текст, посвященный Военной границе (глава 5).

41 Hrvatska. 8.I.1871 г.

42 Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. С. 217–237.

43 Krestić V. Seljački nemiri u Hrvatskoj i Slavoniji 60-h godina XIX st. // Zbornik Historijskog Instituta, vol. 5. Zagreb, 1963. S.397; о крестьянских волнениях в 60-е годы см. также: Pavličević D. Seljačke bune i nemiri u središnjoj Hrvatskoj šezdesetih godina 19. st. // HZ, 1980–1981. S. 13–50.

44 См.: Гросс М. Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 137–154.

45 Krestić V. Op. cit. S. 411.

46 Ibid. С. 420–426.

47 Процесс баронов Раух (и их совладельцев) против крестьян закончился в 1908 г. Решение загребского суда гласило: "...считать окончательно ликвидированными отношения зависимости, существовавшие между бывшими крепостными и их бывшими господами до 1848 года". Обе стороны... подали апелляции, но верховный суд Хорватии утвердил решение в 1909 г. См.: Stojšavljević B. Šuma i paša... S. 229. С 1848 г. прошло шесть десятилетий.

48 Krestić V. Op. cit. P. 437.

Глава 4

¹ АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 164. Л. 830, 331а. См.: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа... С. 821.

² Dnevnik sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije god. 1868–1871. S. 53, 143, 154, 195.

³ Pozor. 14–17.I.1867 г.

⁴ Pozor. 18.VI.1867 г.

⁵ АВПР, Г.А. УА₂. Д. 1025. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 46.

⁷ Gesetz-Artikel des Landtages der königreichen Kroatien, Slavonien und Dalmatien von den Jahren 1868, 1869 und 1870. Agram, 1871. S. 75. Помещики и общины (в случае согласия большинства членов) могли осуществить комасацию своих владений. Но закон дал право общинникам проводить ее и вопреки воле большинства.

⁸ *Polić M.* Parlamentarna povijest kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Dio drugi. Zagreb, 1900. S. 142.

⁹ Dnevnik sabora. 1868–1871. S. 121.

¹⁰ Ibid. S. 198.

¹¹ Ibid. S. 478–479.

¹² Ibid. S. 483.

¹³ Ibid. S. 611–614.

¹⁴ Ibid. S. 638–641.

¹⁵ Saborski dnevnik. 1872–1875. Sv. I. S. 428–429.

¹⁶ Ibid. S. 428.

¹⁷ Сессия сабора 1872–1875 гг. приняла закон о замене денежным налогом старинной трудовой (дорожной) повинности. Так постепенно исчезали некоторые остатки средневековых отношений. Но до полного их устранения было далеко.

¹⁸ Saborski dnevnik. 1875–1878. S. 63–64.

¹⁹ Ibid. S. 75.

²⁰ Ibid. S. 66.

²¹ *Karaman I.* Problemi ekonomskog razvitka hrvatskih zemalja u doba oblikovanja građansko-kapitalističkog društva do prvog svjetskog rata // Društveni razvoj u Hrvatskoj od 16. do početka 20. stoljeća. Zagreb, 1981. S. 310.

²² Saborski dnevnik. 1875–1878. S. 90.

²³ *Stojsavljević B.* Gornjaci. S. 169–171.

²⁴ Ibid. S. 252. В 1903 г. пришлось вновь принять закон об ускорении выкупа земель, "сходных" (или "родственных") с урбариальными (S.170).

25

Saborski drevnik. 1872–1875. Sv. I. S. 147 etc.

26

Ibid. S. 452.

27

Szabo A. Društvena struktura polaznika srednjih škola u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji 1850–1881 // *ИЗ.* 1988. S. 155–180.

28

Karaman I. Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. S. 63–85 etc.

29

О периоде, непосредственно предшествующем дуализму, см.: *Фрейдзон В.И.* О некоторых условиях формирования хорватской торговой и промышленной буржуазии в 50–60-х годах XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969. О второй половине XIX в. см.: *Karaman I.* Ekonomske prilike u Slavoniji u drugoj polovini 19. stoljeća // *Materiali naučnog skupa “prvo radničko društvo u jugoslavenskim zemljama – Osijek, 1867”.* Slavonski Brod, 1969; *Despot M.* Industrija građanske Hrvatske. 1860–1873. Zagreb, 1970.

30

Эти явления способствовали как распространению влияния партии права (с ее радикальной национальной пропагандой), так и постепенно углублявшемуся размежеванию в ее среде (*Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. S. 195–309).

31

Об этом процессе см.: *Kostić C.* Seljaci industrijski radnici. Beograd, 1955. Автор отмечает разные этапы отрыва работников от села – от возвращения домой ежедневно или на воскресенье при сохранении хозяйства до полного разрыва с земледелием.

32

За два десятилетия (80–90-е годы) быстро возрастающая эмиграция превысила 100 тыс. человек (*Korac V.* Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. Knj. prva. Zagreb, 1929. S. 44).

33

Гросс М. Указ. соч. С. 148. Вместе с тем в страдную пору в 1885 г. Вальповское имение в Славонии еще занимало венгерских крестьян, так как местных работников не хватало (*Karaman I.* О неким osnovnim problemima... // *ИЗ.* 1961. S. 247–264).

34

О проблемах сельского пролетариата в конце XIX–начале XX в. в Среме, а также в южных комитатах Венгрии (совр. Воеводина) см. например: Социалистически покрет у Војводини /1890–1919/. Нови Сад, 1953; *Lebl A.* Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1954; Документи о социјалистическом покрету у Срему 1894–1908 (А. Раденић). Нови Сад, 1955; *Erić A.* Agrarna reforma u Jugoslaviji. 1918–1941 god. Sarajevo, 1958; *Mesaroš S.* Radnički pokret u Bačkoj (1890–1918). Novi Sad, 1975; и др.

³⁵ *Bičanić R.* Agrarna kriza u Hrvatskoj 1873–1895. Zagreb, 1937; *Pavličević D.* Narodni pokret 1833 g. u Hrvatskoj. Zagreb, 1980. S. 31–34.

³⁶ *Stojasavljević B.* Seljaštvo Jugoslavije (1918–1941). Zagreb, 1952. S. 113.

Глава 5

¹ Военная граница Австрийской империи в XIX в. состояла из двух комплексов земель – Хорватско-славонской (примыкавшей к Хорватии) и Банатско-сербской (соседней венгерским комитатам) границ (мы занимаемся первым комплексом).

² *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1873. S. 33 (данные за 1869 г.).

³ *Kaser K.* Freier Bauer und Soldat. Die Militarisierung der agrarischen Gesellschaft in der kroatisch-slavonischen Militärgrenze (1535–1881). Graz, 1986; *Moččanin F.* Vojna krajina do kantonskog uređenja 1787 // Vojna krajina. Zagreb, 1984. S. 23–35.

⁴ Военный сборник. СПб., 1861. С. 18–49; *Kaser K.* Freier Bauer und Soldat. S. 4–5.

⁵ *Valentić M.* Hrvatsko-slavonska Vojna krajina 1790–1881 // Vojna krajina. S. 57–92. Ленниками являлись "большие семьи", "семейные общины" (задруги), о которых см. ниже.

⁶ *Schwicker J.* Geschichte der Oesterreichischen Militärgrenze. Wien-Teschen, 1883; *Kaser K.* Op. cit.

⁷ В 1818 г. Военная граница бесплатно отработала 2,8 млн рабочих дней (*Valentić M.* Op. cit. S. 76).

⁸ ЦГВИА. Ф. 428. Д. 108. Л. 46.

⁹ АВПР. Г.А. УА2. Д. 1020. Л. 29.

¹⁰ По М. Валентичу, располагавшему архивными данными, Хорватско-славонская граница (776 тыс. населения в середине XIX в.) в мирное время поставляла 60 тыс. солдат, в военное – 90 тыс. (вся Военная граница – 126 тыс., т.е. примерно сколько Чехия с ее 5 млн населения). См.: *Valentić M.* Op. cit. S. 77, 78. Донесения русских дипломатов содержат еще более крупные цифры (ЦГВИА. Ф. 428. Д. 90. Л. 16; Д. 108. Л. 40). Австрийская армия в мирное время насчитывала 400 тыс. человек.

¹¹ Австрийская Военная граница была воспринята императором Александром I и Аракчеевым в качестве образца при организации

военных поселений в России (главным доводом при этом был финансовый кризис, связанный с длительными войнами с Францией). Однако полностью повторить австрийский опыт не удалось. См.: *Frejdzon V. Vojna krajina i vojna naselja u Rusiji // Vojna krajina. S. 303–310.*

12 Лишь в Петроварадинском полку (на востоке Славонии, куда в то время входил и Срем) развитие городов было более оживленным (по преимуществу сербские Сремские Карловцы, Земун). Здесь проживало до половины всех торговцев Хорватско-славонской Военной границы. В 50-х годах XIX в. эта территория входила в состав Банатско-сербской границы.

13 *Valentić M. Op. cit. S. 82.*

14 *Možanin F. Op. cit. S. 54–55.*

15 *Valentić M. Op. cit. S. 88.*

16 *Valentić M. Vojna krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom. 1849–1881. Zagreb, 1981. S. 53.* Политическая борьба за воссоединение хорватских земель, в частности Военной границы, не является темой данной работы. Этой проблеме посвящена указанная монография М. Валенчица. Некоторые данные по 60-м годам см.: *Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа...*

17 *Utišćenović O. Die Militärgrenze und die Verfassung. Wien, 1961. S. 153–169; Приложение V: "Grundgesetz vom 7. Maj 1850. für die kroatisch-slavonische und die banatisch-serbische Militärgrenze".*

18 *Hof- und Staats-Handbuch des Kaiserthums Oesterreich für das Jahr 1859. Fünfter Theil (Wien). S. 237.*

19 По материалам русских дипломатов в Австрии, в семье (за-друге) в 50–60-х годах XIX в. практически оставался один трудоспособный мужчина, а случалось ни одного. ИГВИА. Ф. 428. Д. 79. Л. 38 (1857 г.); АВПР. Г.А. УА₂. Д. 1019. Л. 12 (1867 г.); см. также: *Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od god. 1861, sv. III. Zagreb, 1862. S. 96.* Подробнее см.: *Фрейдзон В.И. К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе в 50-х – начале 70-х годов XIX в. // УЗИС. Т. XXVI. М., 1963. С. 80–115.*

20 Разнообразные материалы о положении на Военной границе накануне ее демилитаризации, с яркими острокритическими характеристиками военного управления содержит газета "Hrvatska" (орган "партии права") за 1871 г.

- 21 ЦГВИА. Ф. 428. Д. 61. Л. 1; Д. 108. Л. 108. Л. 45, 52. См. также: *Hervatska*. 4. VI. 1871 г.
- 22 *Spisi saborski 1872–1875*. Sv. I. S. 416.
- 23 ЦГВИА. Ф. 428. Д. 108. Л. 38 (записка "О военно-политическом значении Военной границы").
- 24 Там же. Д. 1020. Л. 29. Сведений об этом очень много. См.: *Фрейдзон В.И.* К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе. С. 91–96.
- 25 Цит. по: *Nehajev M.* Djela. Sv. VII. Zagreb, 1944. S. 334.
- 26 Цит. по: *Bogdanov V.* Uloga Vojne Krajine i njenih zastupnika u hrvatskom saboru 1861 // *Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske Akademije*. Vol. 3. Zagreb, 1960. S. 115–128.
- 27 *Spisi saborski... god. 1861*. Sv. II. S. 96.
- 28 *Bogdanov V.* Op. cit. S. 59–214; *Фрейдзон В.И.* К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе. С. 93–95.
- 29 *Spisi saborski... god. 1861*. Sv. I. S. 67.
- 30 Анте Старчевич вырос на Военной границе, в доме священника. На всю жизнь он сохранил впечатление о наказании граничара, свидетелем которого был: человеку отрубили руку (и это в Австрийской империи, где уже в XVIII в. были отменены пытки и калечащие наказания). О жизни хорватского идеолога и лидера см.: *Horvat J.* Ante Starčević. Zagreb, 1940.
- 31 *Bogdanov V.* Op. cit. S. 187–188. О взяточничестве на Военной границе подробно писала "Хрватска" (*Hervatska*. 13. VIII. 1871 г.)
- 32 ЦГВИА. Ф. 428. Д. 108. Л. 39.
- 33 АВПР. Г.А. УА₂. Д. 244. Л. 126.
- 34 *Arhiv S.R. Hrvatske. Rakovička buna*. K. 5. Br. 89¹/₂. См.: *Фрейдзон В.И.* Борьба... С. 360–361.
- 35 *Фрейдзон В.И.* Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян Хорватии в конце XIX– начале XX в. // УЗИС. Т. X (1954 г.) С. 83.
- 36 *Pavličević D.* Narodni pokret 1883 u Hrvatskoj. Zagreb, 1980. S. 258.
- 37 *Pavličević D.* Op. cit. S. 261. С 1873 г. (когда завершилась демилитаризация) по 1877 г. поземельный налог на территории бывшей Военной границы возрос на 170%. В 1876 г., несмотря на жесткие меры властей, недоимки составили 1/3 суммы налога (Ва-

lenić M. Vojna krajina i pitanje... S. 315). Ситуация была аналогичной той, которая складывалась в гражданской части Хорватии. О новом, особо неблагоприятном, обстоятельстве — начавшемся аграрном кризисе см. ниже.

³⁸ Именно после воссоединения Хорватско-славонской границы, где сербское население достигало почти половины общей численности, сербы составили четверть населения Хорватии (со Славонией).

Глава 6

¹ *Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. 1868–1871. S. 665.* См. также: *Gesetz-Artikel des Landtages der königreiche Kroatien, Slavonien und Dalmatien (1868, 1869 und 1870). Agram, 1871. S. 55.*

² *Pavličević D. Hrvatske kućne zadruge do 1881. Zagreb, 1989. S. 11.* Данный труд — первая часть монографического исследования хорватского ученого (историка, социолога, этнографа). Большой интерес представляет имеющийся здесь обзор научных и публицистических сочинений по теме. В приложении помещены документальные материалы (1699–1881 гг.).

³ *Ibid.* S. 84–85.

⁴ *Pavličević D. Hrvatske kućne zadruge. S. 80.*

⁵ *Ibid. S. 115.*

⁶ Одно из ранних свидетельств сохранившегося после 1848 г. сословного неравноправия бывших крепостных.

⁷ *Pavličević D. Hrvatske kućne zadruge. S. 229–230.*

⁸ *Gross M. Počeci moderne Hrvatske. S. 208, 211.*

⁹ *Ibid. S. 214.*

¹⁰ *Utješenović Og. M. Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien, 1859; Aranicki O. Ognjeslav Utješenović Ostrožinski. Zagreb, 1933. S. 50–60; Gross M. Počeci moderne Hrvatske. S. 225–226.*

¹¹ Например: *Dnevnik sabora trojedne kraljevine... god. 1861. S. 910–911.*

¹² *Ibid. S. 914.* См. также: *Cesarec A. E. Kvaternik i ekonomski problemi njegova vremena // Izraz. 1940. N 5; Фрейдзон В.И. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника // УЗИС. Т. XXX М., 1966. С. 93.*

- 13 *H. Jellenbach* / B.L. Misli o socialnoj politici u Austriji. Zagreb, 1862. S. 44–47.
- 14 Обзор различных взглядов на судьбу задруг, сформулированных в 50-х годах, см.: *Gross M.* Роџеси... S. 208–227; обширный материал по 50–70-м годам XIX в. см.: *Pavličević D.* Hrvatske kućne zadruge.
- 15 *Pavličević D.* Hrvatske kućne zadruge. S. 206–211.
- 16 По словам депутата М. Мразовича, "закон позволил бездушным людям нападать на задруги нашего народа, как воронам на трупы" (*Saborski dnevnik*. 1872–1875. Sv. I. S. 28).
- 17 *Valentić M.* Vojna krajina i pitanje... S. 53.
- 18 ЦГВИА. Ф. 428. Д. 61. Л. 2.
- 19 *Березин Л.В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т. 2. С.-Петербург, 1879. С. 348–349.
- 20 *Valentić M.* Vojna krajina i pitanje... S. 54–56.
- 21 *Zoričić M.* Statistički crtice o kraljevinah Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1895. S. 24.
- 22 *Mayer A.* Die bauerliche Hauskommunion (Zadruga) in Königreichen Kroatien und Slavonien. Heidelberg, 1910. S. 71–73.
- 23 *Pavličević D.* Narodni pokret u Hrvatskoj 1883. Zagreb, 1980. S. 41, 173.
- 24 *Annuaire statistique hongrois*. 1903. Budapest, 1904. 78 L.
- 25 *Pavličević D.* Hrvatske kućne zadruge. S. 5.

Глава 7

- 1 *Pavličević D.* Narodni pokret 1883. u Hrvatskoj. Zagreb, 1980.
- 2 *Ibid.* S. 173.
- 3 *Ibid.* S. 229.
- 4 "Слобода", газета правашей, отмечала в 1883 г.: "...нет дела, за которое бы наш несчастный и обнищавший народ не платил своим кровопийцам, общинным чиновникам" ... они имеют большие дома, много земли, бесплатных батраков и "капиталы, на которые получают сто процентов прибыли". При распродаже участков с молотка именно чиновник скупает их за бесценку. См.: *Pavličević D.*

Narodni pokret... S. 66. Подобными сведениями полны стенограммы заседаний сабора и печать вплоть до 1914 г. Например, судейские чины накладывали штрафы на крестьян, случалось, равные цене коровы, т.е. вконец разорявшие их хозяйство (например, за убийство зайца, забравшегося в огород — ведь охота крестьянам была запрещена). Дело в том, что штрафы являлись важным источником поступлений средств в местный бюджет (т.е. на содержание тех же чиновников).

⁵ Чиновники (а учитель — государственный служащий), как правило, голосовали за кандидатов властей, так как иначе могли лишиться службы. Избирателей насчитывалось менее 50 тыс. человек, и голоса чиновников вплоть до 1910 г. определяли состав сабора.

⁶ По-видимому, не обошлось без агитации австрийских консерваторов — противников дуализма.

⁷ *Pavličević. Narodni pokret...* S. 268–269.

⁸ *Flaker A. O pravaškom radikalizmu 80-h godina XIX st. //HZ, 1954; ejisd. Hrvatski Bazarovi i Neždanovi //Zbornik radova. Filozofski fakultet, knj. III. Zagreb, 1955.*

⁹ *Pavličević D. Narodni pokret...* S. 280.

¹⁰ *Gross M. Osnovi pravaške politike 1878–1887 //HZ. 1962.* Стоит задуматься о параллели между правашами и партией радикалов в Сербии (Н. Пашич). Последняя пользовалась влиянием среди крестьян, но не поддержала восстание 1883 г.

¹¹ Но именно это утверждалось в брошюре: *Bogdanov V. Ante Starčević i socijalna pravda. Zagreb, 1937.*

¹² *Pavličević D. Narodni pokret...* S. 277–280.

¹³ *Ibid. S. 203–205.*

¹⁴ *Saborski dnevnik. 1881–1884. Sv. I. S. 918–922.*

¹⁵ Население Хорватии и Славонии в 1900 г. составило 2,4 млн человек, в 1910 г. — 2,6 млн человек (*Lakatos J. Narodna statistika. Zagreb, 1914. S. 3).*

¹⁶ *Гросс М. Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в. С. 152; Gross M. Društvene strukture i nacionalni pokreti jugoslavenskih naroda uoči I svjetskog rata //Nastava povijesti (Zagreb), 1975, br. 4.*

¹⁷ *Šidak J. Studije...* S. 380.

18 *Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj* (D. Franković). Zagreb, 1958. S. 248.

19 В 1912 г. примерно 60% хорватского вывоза направлялось в Австрию и Венгрию (*Signjar R. Statistički atlas kraljevine Hrvatske i Slavonije*. Zagreb, 1915. S. 48–49).

20 *Signjar R.* Op. cit. S. 43.

21 *Ungarisches Statistisches Jahrbuch*. Т. XIII. Budapest, 1907. S. 147.

22 *Mayer M. Die Landwirtschaft der Königreiche Kroatien und Slavonien*. Leipzig, 1908. S. 42.

23 Главным учреждением, выдававшим ипотечные ссуды, являлся привилегированный Хорватско-славонский земельный банк, основанный в 1892 г. венгерским капиталом.

24 *Radić A. Sabrana djela*. Т. I–XIX. Zagreb, 1936–1939. Т. IX. S. 197.

25 *Gross M.* О položaju plemstva u strukturi elite u sjevernoj Hrvatskoj potkraj 19. i na početku 20. stoljeća // *NZ*, 1978–1979. S. 123–149.

26 1 юх или ютро = 0,57 га.

27 *Landwirtschaftliche Statistik der Länder der ungarischen Krone*. Т. IV. Budapest, 1900. S. 10*, 15*. В 1910 г. 119 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, не имели земли. См.: Чија је земља у Југославији. Београд, 1920. С. 25. Следует учитывать, что часть мельчайших крестьян владела виноградниками, т.е. вела интенсивное хозяйство.

28 *Stenografski zapisnici sabora*. 1910–1915. Sv. I. S. 1141.

29 Подробно о категориях хорватского крестьянства по переписи 1895 г. см.: *Фрейдзон В.Н.* Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян Хорватии в конце XIX — начале XX в. // *УЗИС*. Т. X (1954 г.). С. 87–96; *Он же.* Социал-демократия и классовая борьба в хорватской деревне в конце XIX — начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 331.

30 *Karaman I. Valpovačko vlastelinstvo. Ekonomsko-historijska analiza*. Zagreb, 1962.

31 О том же говорится в упоминавшейся монографии: *Stojšavljević B.* Šuma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji.

- 32 *Karaman I.* Valpovačko vlastelinstvo. S. 49 (в 1919 г., отмечает автор, крестьяне отказались от этой аренды).
- 33 *Ibid.* S.VI (M. Mirković).
- 34 *Kuralt F.* Rad Hrvatsko-Slavonskog gospodarskog društva i njegov razvitak od 1841–1883. Zagreb, 1884. S. 1.
- 35 *Stojsavljević B.* Seljaštvo Jugoslavije (1918–1941). Zagreb, 1952. S. 109.
- 36 Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. Sv. I. S. 822.
- 37 Landwirtschaftliche Statistik... S. 71, 73, 84, 89, 112, 332.
- 38 *Stojsavljević B.* Prodiranje kapitalizma u selo. 1919–1929. Zagreb, 1965. S. 285 (ситуация сохранилась и в 20-х годах XX в.).
- 39 Dom (Zagreb). 1912. № 23.
- 40 Подробно см.: *Kostić C.* Op. cit.
- 41 Stenografski zapisnici sabora. 1913–1918. Sv. I. S. 804.
- 42 Всего из хорватских земель в 1880–1914 гг. уехало до полу-миллиона человек, в основном молодежь. Так как в предвоенные годы Австро-Венгрия ставила препятствия эмиграции, многие покинули страну нелегально. В США и Канаде возникла хорватская диаспора (*Čizmić J.* O iseljavanju iz Hrvatske u razdoblju 1880–1914 // HZ, 1974–1975. S. 27–47). Эмиграция наряду с ростом численности немецкого и венгерского населения в Хорватии вызывала в среде национальной интеллигенции настроения неуверенности и тревоги.
- 43 *Stojsavljević B.* Prodiranje kapitalizma u selo. S. 269–270. Автор отмечает капиталистические и внеэкономические методы обогащения, имевшие место в данном случае (подкуп землемера и захват общинной земли).
- 44 Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. Sv. II. S. 656.
- 45 *Radić S.* Živo hrvatsko pravo na Bosnu i Hercegovinu. Zagreb, 1908. S. 52.
- 46 Stenografski zapisnici sabora. 1913–1918. S. 887.
- 47 *Крюков Н.А.* Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран. Петроград, 1914. С. 133.
- 48 Stenografski zapisnici sabora. 1906–1911. Sv. II, dio II. S. 800.
- 49 Statistički godisnjak kraljevina Hrvatske i Slavonije. II. 1906–1910. Zagreb, 1917. S. 360.

- 50 *Bycho H.* Привредна историја народа ФНРЈ. Београд, 1948. С. 290–291.
- 51 *Stojasavljević B.* Seljaštvo Jugoslavije (1918–1941). Zagreb, 1952. S. 13.
- 52 *Bičanić R.* Ekonomska podloga događaja 1903. u Hrvatskoj // HZ, 1974–1975. S. 54; Statistički godisnjak... I. Zagreb, 1913. S. 385.
- 53 Saborski dnevnik. 1875–1878. S. 18.
- 54 Речь шла подчас о десятках тысяч крон в год. См. Stenografski zapisnici sabora, 1913–1918. S. 463 (пример графа Пячеви-ча). Аналогичными привилегиями пользовались казенные имущества и "имущественные общины" на территории бывшей Военной границы.
- 55 Stenografski zapisnici sabora. 1910–1915. S. 238, 425, 1021; 1913–1918. S. 1183.
- 56 "Власти в огромном большинстве случаев решают, что помещик прав, а крестьянин виноват" (Stenografski zapisnici sabora. 1910–1915. S. 566).
- 57 Ibid. 1906–1911. T. II, dio II. S. 467.
- 58 Hrvatska misao. 1904. Sv. 10. S. 655.
- 59 Historijski arhiv KPJ. T. IV. S. 30 etc.; *Korač V.* Povjest radničkog pokreta... knj. prva. S. 118–144; *Gross M.* Neke karakteristike socijalne demokracije u Hrvatskoj i Slavoniji // HZ, 1952, br. 3–4. S. 312; *Cazi J.* Počeci modernog radničkog pokreta u Hrvatskoj. Sv. II. Zagreb, 1958.
- 60 *Gross M.* Neke karakteristike... S. 319–320.
- 61 *Cazi J.* Op. cit. S. 228–229.
- 62 Istorijski arhiv KPJ. T. IV. S. 35.
- 63 Ibid. S. 30, 37, 38, 56–58, 60.
- 64 Ibid. S. 41.
- 65 Neue Freie Presse (Wien), 1897; Arbeiter-Zeitung (Wien), 1897; Документи о социјалистичком покрету у Срему. 1894–1908 (А. Раденић). Нови Сад, 1955.
- 66 Radnički pokret u Hrvatskoj podkraj XIX st. Izabrani izvori (M. Gross). Zagreb, 1957. S. 84–88; *Фрейдзон В. И.* Социал-демократия и классовая борьба в хорватской деревне в конце XIX–начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 331–343.

67 Материалы процесса 1897 г. см.: Документы о социјалистичком покрету у Срему. С. 215–264.

68 События излагаются по австрийской социал-демократической газете "Arbeiter-Zeitung" (1903); *Bogdanov V. Hrvatski narodni pokret 1903/4. Zagreb, 1961.* Автор отмечает, что "от революции 1848 г. до 1918 г. хорватское народное движение 1903–1904 гг. представляет собой самое крупное и важное выступление народной массы в Хорватии" (S.5).

69 В соответствующем масштабе 1903 г. для Хорватии имел значение, аналогичное революции 1905 г. — для России и восстанию крестьян в Румынии в 1907 г. Социальные условия были сходными во всем ареале. События в России оказали идеологическое воздействие на славянскую Хорватию, которое преувеличить трудно.

Глава 8

1 *Михутина И.В.* О социальной структуре и социальных аспектах программ и деятельности крестьянских партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Социальные структуры и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 152–170; *Она же.* О месте крестьянских партий в политической жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 23–42.

2 *Hrvatska misao, 1897; Novo doba, 1898.*

3 *Романенко С.А.* Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А и С. Радичей (1887–1900) // Сов. славяноведение. 1982. № 1. С. 36–45.

4 *Radić S. Najjača stranka u Hrvatskoj. Rieka, 1902. S. 39.*

5 *Ibid. S. 26–29.*

6 *Radić S. Kako ćemo iz našega zla u dobro? Sisak, 1902.*

7 *Пенашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: Чехи, словаки и неославизм. 1898–1914. М., 1984. С. 57–63. Подробно взгляды братьев Радичей изложены во множестве газетных и журнальных статей и в книгах. См.: *Radić S. Slavenska politika u Habsburskoj monarhiji. Zagreb, 1906* (ранее издано на чешском языке); *Radić A. Protiv Riečke rezolucije // Radić A. Sabrana djela. T. XVIII. S. 85–176* (статьи 1906–1908 гг. проникнуты духом непримиримости к венгерской власти. Для Радичей

чей, в отличие от прогрессистов, характерна ориентация на Австрию и дом Габсбургов). Мы избрали статьи в "Славянском веке", поскольку они менее известны. См. также: *Radić S. Politički spisi*. Zagreb, 1971.

8 Славянский век. 1901. № 23, 25–30. Высказывания автора сгруппированы по проблемам.

9 *Radić S. Savremena Evropa ili karakteristika evropskih država i naroda*. Zagreb, 1905. S. 220, 223, 240.

10 *Radić S. Najjača stranka u Hrvatskoj*. Rijeka, 1902.

11 Dom, List hrvatskomu seljaku za razgovor i nauk. Zagreb, 1900–1904 // *Radić A. Sabrana djela*. T. I–XIX. Zagreb, 1936–1939 (T. II–VI). Позднее издание "Дома", как газеты крестьянской партии, было возобновлено.

12 Dom. 1901. № 15 // *Radić A. Op. cit.* T. III. S. 263.

13 *Boban B. Stjepan Radić – opus, utjecaji i dodiri* // *Radovi* (Zavod za hrvatsku povijest). Vol. 22. Zagreb, 1989. S. 147–210.

14 *Radić A. Op. cit.* T. I. S. 3; T. II. S. 1; T. IV. S. 177, etc.

15 *Boban B. Shvaćanja Artuna i Stjepana Radića o mjestu i ulozi radničke klase u društvu* (do 1918. dog.) // *Radovi*. Vol. 15. Zagreb, 1982. S. 131–162.

16 Dom. 1903. № 16.

17 *Radić A. Op. cit.* T. IX. S. 197.

18 *Hrvatski narod*. 1905. № 30 // *Radić A. Op. cit.* T. IX. P. 92–93. Крестьяне-депутаты сабора указывали на неравенство и в ряде других областей (см. ниже).

19 *Stenografski zapisnici sabora*. 1908–1913. Sv. I. S. 1251.

20 *Hrvatska misao*. 1904. Sv. 10. S. 582.

21 *Radić A. Op. cit.* T. IX. S. 203.

22 *Radić A. Op. cit.* T. III. S. 149 (1901 г.).

23 *Hrvatska misao*. 1904. Sv. 11. S. 659.

24 *Stenografski zapisnici sabora*. 1908–1913. S. 1326.

25 Беспокойство у А. Радича вызывало распространение бунтарских настроений у "бездомных и бесхозяйных". См.: Дом. 1903. № 16 // *Radić A. Op. cit.* T. V. P. 244.

26 *Radić S. Najjača stranka u Hrvatskoj*. Rijeka, 1902. S. 3; *Radić S. Kako ćemo is našega zla u dobro*. U Sisku, 1902;

Radić A. Op. cit. T. IV. S. 210 также 1902 г.)

27 *Radić A. Op. cit. T. IV. S. 70.*

28 *Ibid. T. II. S. 299.*

29 *Hrvatska misao. 1904. Sv. 11. S. 643.*

30 *Фрейдзон В.И.* Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей в 1900-х годах и возникновение Хорватской крестьянской партии (1904–1905) // *УЗИС. Т. XX. М., 1955. С. 257–305* (написано в 1952 г.). Но и тогда мы отмечали реальное прогрессивное содержание, скрытое за романтической трактовкой крестьянского вопроса.

31 *Radić A. Op. cit. T. III. S. 149.*

32 *Ibid. T. IX. S. 207.*

33 *Ibid. T. VI. S. 98–100.*

34 *Boban B.* О основним обilježima “seljačke države” u ideologiji Antuna i Stjepana Radića // *Radovi. Vol. 13. Zagreb, 1980. S. 51–58.*

35 Создаваемая крестьянская партия, по С. Радичу, “давно необходимая национальная концентрация снизу, которая... воспрепятствует развитию социализма” (*Hrvatska misao. 1903–1904. Sv. 8. S. 473*).

36 Например: *Hrvatska misao. 1905–1906. Sv. 7, S. 419–420; Radić A. Hrvati i carevina (“Dom” 1909–1910) // Radić A. Op. cit. T. XI.*

37 *Dom. 1900. № 14; 1902. № 9 // Radić A. Op. cit. T. II. S. 219; T. IV. S. 135; Stenografski zapisnici sabora... 1908–1913. Sv. I. S. 548.*

38 *Radić A. Op. cit. T. V. S. 24–26.*

39 *Stenografski zapisnici sabora... 1910–1915. Sv. I. S. 439.*

40 *Hrvatska misao. 1904. Sv. 11. S. 656.*

41 *Radić A. Op. cit. T. IV. P. 41. (Dom. 1902 г.).*

42 См., в частности: *Kulundžić Z. Ante Radić i klerikalci. Zagreb, 1951.*

43 *Hrvatska misao. 1903–1904. Sv. 10. S. 586.*

44 *Radić A. Op. cit. T. X. S. 118 (1907 г.).*

45 *Ibid. T. XII. S. 126 (Dom, 1911 г.).*

46 *Ibid. T. III. S. 89 (Dom, 1901 г.).*

47 *Šidak J.* Idejno sazrijevanje Stjepana Radića // *Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. S. 386–387.*

Глава 9

- 1 *Radić A. Op. cit. T. X. S. 7 (1905 г.).*
- 2 *Hrvatska misao. Sv. 10. 1904.*
- 3 *Hrvatska misao. Sv. 8. 1904. S. 470.*
- 4 Характерно, что "землевладельцы" (некрестьяне) по сословию отличались от "крестьян".
- 5 См.: *Radić A. Op. cit. T. VII. S. 17–25.*
- 6 Чтобы "получить капитал", как разъяснялось в комментариях к программе (*Radić A. Op. cit. T. VII. S. 39.*)
- 7 Но С. Радич всегда мечтал о финансовой автономии Хорватии с целью "немедленно помочь крестьянину дешевым и полезным кредитом". *Korespondencija Stjepana Radića 1885–1908. I. (B. Krizman) Zagreb, 1972. S. 409.*
- 8 *Radić A. Op. cit. T. VII. S. 45.* При этом автор выражал надежду, что помещики сами охотно пойдут на предлагаемую операцию, если им будет гарантирована выплата полной стоимости земли. (*Ibidem.*)
- 9 В 1919 г., уже в составе Королевства СХС, в условиях глубокого брожения хорватского крестьянства (и во время гражданской войны в России) крестьянская партия выступила за передачу всех пахотных земель, лесов и пастбищ крестьянам (за выкуп, но последний мог быть на благоприятных для крестьян условиях).
- 10 *Radić A. Op. cit. T. VIII. S. 20.*
- 11 А. Радич подчеркивал, что имеются в виду мужчины, являющиеся "независимыми хозяевами". *Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 36.* Это противоречило "духу всеобщего избирательного права" для всех мужчин в Австрии (Исследовании) в 1906 г.; Венгрия (с Хорватией) в этом отношении далеко отставали.
- 12 *Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 36.*
- 13 *Korespondencija Stjepana Radića. 1885–1918. I. S. 49, 406.*
- 14 *Ibid. S. 428.*
- 15 *Radić A. Op. cit. T. VII. S. 24.*
- 16 *Ibidem.*

- 17 Hrvatska misao. Sv. 5. 1906. S. 302.
- 18 Вукочух-Тодоровух Љ. Хрватски селџачки покрет браће Радича. I. Београд, 1940. С. 174.
- 19 Božićnica. Hrvatski seljački koledar za 1908 god. Zagreb, 1908. S. 88; Hrvatska misao. 1905. Sv. 11. S. 175.
- 20 Radić A. Op. cit. T. XVIII (Dom. 1910. № 12, 33).
- 21 Ibid. T. VII. S. 137; T. XVIII. S. 107.
- 22 Dom. № 10, 10.III. 1909.
- 23 Hrvati i Magyari ili "Riečka rezolucija". Izdao glavni odbor HPSS. Zagreb, 1905.
- 24 Radić A. Hrvati i carevina // Radić A. Op. cit. T. XI (Dom, 1909–1910).
- 25 См. например: Radić A. Op. cit. T. XII. S. 128–130.
- 26 Политическая борьба в Хорватии в 1908–1910 г., связанная с аннексией Боснии и Герцеговины, выходит за рамки нашей темы (как и подробное изложение политики ХДКП в национальной сфере).
- 27 Radić A. Op. cit. T. XI. S. 193.
- 28 Уже в 1905 г. А. Радич подчеркивал, что не может быть закона без согласия государя (Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 36). См. также: Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. S. 18.
- 29 Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 318; T. XI. S. 220.
- 30 Stenografski zapisnici sabora. 1910–1915. S. 485–486.
- 31 Ibid. 1910–1915. S. 10–11.
- 32 Ibid. 1908–1913. S. 936.
- 33 Ibid. 1910–1915. S. 692.
- 34 Radić A. Op. cit. T. XI. S. 223–225.
- 35 Božićnica. Hrvatski seljački koledar za 1908 god. ряд биографий деятелей ХДКП).
- 36 Stenografski zapisnici sabora. 1913–1918. S. 695.
- 37 Hrvatska misao. 1905. Sv. 11. S. 172–173.
- 38 ХДКП предлагала избирать в руководство общин "лишь наиболее достойных сельских хозяев", "представителей собственников", которые бы и решали все о "способах ведения хозяйства" (речь шла об имущественных общинах на бывшей Военной границе). См.: Hrvatska misao. 1906. Sv. 8–10. S. 462.

- 39 Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. S. 285; 1913–1918. S. 627–628.
- 40 Radić A. Op. cit. T. XIII. S. 26 (1913 г.).
- 41 Stenografski zapisnici sabora. 1910–1915. S. 410.
- 42 Ibid. 1908–1913. S. 403–404.
- 43 Ibid. 1910–1915. S. 940.
- 44 Ibid. S. 196.
- 45 Ibid. S. 625.
- 46 Ibid. 1913–1918. S. 810, 813.
- 47 Ibid. 1908–1913. S. 545. Имелись в виду дебаты в Российской Думе по крестьянскому вопросу и реформа П.А. Столыпина.
- 48 Эта проблема освещена в статье: Мухомина И.В. О социальной структуре... С. 160.
- 49 Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. Sv. I. S. 548.
- 50 Ibid. S. 1314.
- 51 Ibid. 1913–1918. S. 881.
- 52 Ibidem.
- 53 Ibid. S. 893.
- 54 Ibid. 1908–1913. S. 802–805.
- 55 Ibid. S. 547 (1910 г.).
- 56 Ibid. S. 548. Любопытно, что буржуазные депутаты опровергали принципы аграризма, указывая, в частности, на массу нищеты в аграрной Венгрии (Ibid. 1913–1918. S. 980).
- 57 Ibid. 1908–1913. S. 545.
- 58 Dr. Ante i Stjepan Radić. Tumač k programu ili što je i što hoće Hrvatska pučka seljačka stranka. Zagreb, 1908. См.: Radić A. Op. cit. T. VII. S. 80–137.
- 59 Stenografski zapisnici sabora. 1908–1913. S. 545.
- 60 Во время I мировой войны С. Радич выражал мнение, что в России аналогичная программа удалась, благодаря реформе П.А. Столыпина.
- 61 Radić A. Op. cit. T. XVI. S. 172, 176 etc.
- 62 Ibid. S. 120; Radić S. Obnovljena Bugarska. Zagreb, 1918. S. 6.
- 63 Radić A. Sabrana djela. T. XII. S. 181, 193. Имелось в виду публиковать сведения о состоянии рынка, кредита, предлагать вла-

стям меры по развитию сельского хозяйства, сокращению эмиграции, ускорению комасации, разделу общинных земель и т.п.

⁶⁴ Ibid. . S.30 (1909 г.).

⁶⁵ Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 310.

⁶⁶ Stenografski zapisnici sabora. 1913–1918. S.1028.

⁶⁷ Radić A. Op. cit. T. XVIII. S. 310.

⁶⁸ Ibid. T. X. S. 108.

⁶⁹ Славянские известия. 1908. № 1–3. С. 57.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Аграрные отношения и крестьянский вопрос (конец XVIII в. — 1847 г.). Консервативно-реформистское течение и формирование либерализма	11
Глава 2. Крестьянская реформа 1848 г. Консерваторы, либералы и радикалы	28
Глава 3. Наследие крепостничества (50–60-е годы XIX в.). Хорватские помещики, австрийские власти и национальная общественность о крестьянском вопросе	41
Глава 4. Кризис периода перехода к новой социальной структуре (последняя треть XIX в.). Либералы и радикалы о крестьянском вопросе	59
Глава 5. Военнообязанные крестьяне (грабичары). Народняки и правашаи и проблема демилитаризации области	69
Глава 6. Распад "большой семьи" — задруги. Позиция консерваторов и либералов	80
Глава 7. Хорватское крестьянство в конце XIX — начале XX в. 1. Крестьянское движение в 1883 г. и национальная оппозиция	91
2. Старое и новое в хорватской деревне в конце XIX — начале XX в.	98
Глава 8. Хорватская крестьянская партия. Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей и возникновение партии (90-е годы XIX–1905 г.)	114
Глава 9. Крестьянская партия в 1905–1914 гг.	135
Некоторые итоги	156
Сокращения	157
Примечания	157

В.И. ФРЕЙДЗОН

СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ХОРВАТИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

От консервативно-реформистских идей
к программе крестьянской демократии
1832 — 1914 гг.

Ответственный редактор С.А. Романенко

Оригинал—макет монографии подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Подписано в печать 22. III 1994 Усл. печ. л. 10
Тираж 300 экз. Заказ № 24 Цена договорная
Отпечатано на ротапринтере НИПИСтатинформа
Госкомстата РФ

